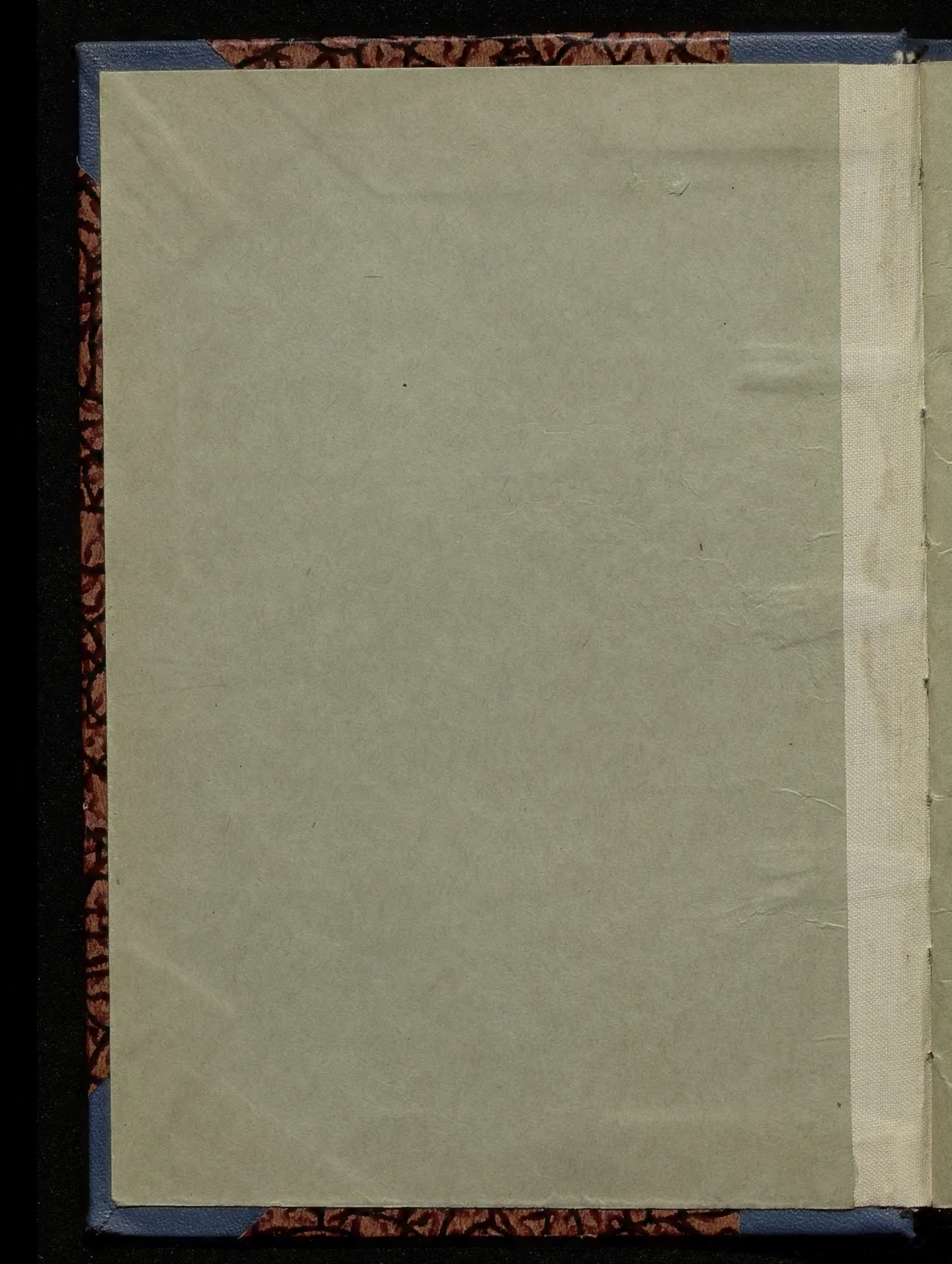

Средне-Азиатский Научно-Исследовательский Институт Истории Революции

Революция в Средней Азии

Сборник 3

Сборник 3 „Революция в Средней Азии?“ был набран, сверстан и сдан в печать до появления письма тов. Сталина в редакцию журнала „Пролетарская Революция“—„О некоторых вопросах истории большевизма“.

Редакция.

СРЕДНЕ-АЗИАТСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ
ПРИ СРЕДАЗБЮРО ЦК ВКП (б)
(САНИИР)

РЕВОЛЮЦИЯ в СРЕДНЕЙ АЗИИ

СБОРНИК

3

ОБ'ЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ
СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МОСКВА 1931 ТАШКЕНТ

Сдана в производство 15-VIII—1931. Подписана к печати 12/XI—1931 г.
Редактор ОГИЗ'а Н. Н. Троицкий. Техредактор А. З. Сокольский.
Типо-литография „Правда Востока". Заказ № 2201. Ташкент 1931.
Узлит № 1054/л ОГИЗ Тш—IV С4-192. Тираж 3.150.

ОТ САНИИР

Постановлением Средазбюро ЦК ВКП(б) от 27 марта 1930 года, утвержденным Центральным Комитетом партии, бывш. Отдел Истории партии Средазбюро (Истпарт) реорганизован в Среднеазиатский Научно-исследовательский институт истории революции (САНИИР). Само собой разумеется, что вследствие этого и орган Истпарта «Революция в Средней Азии» превращается в орган САНИИР.

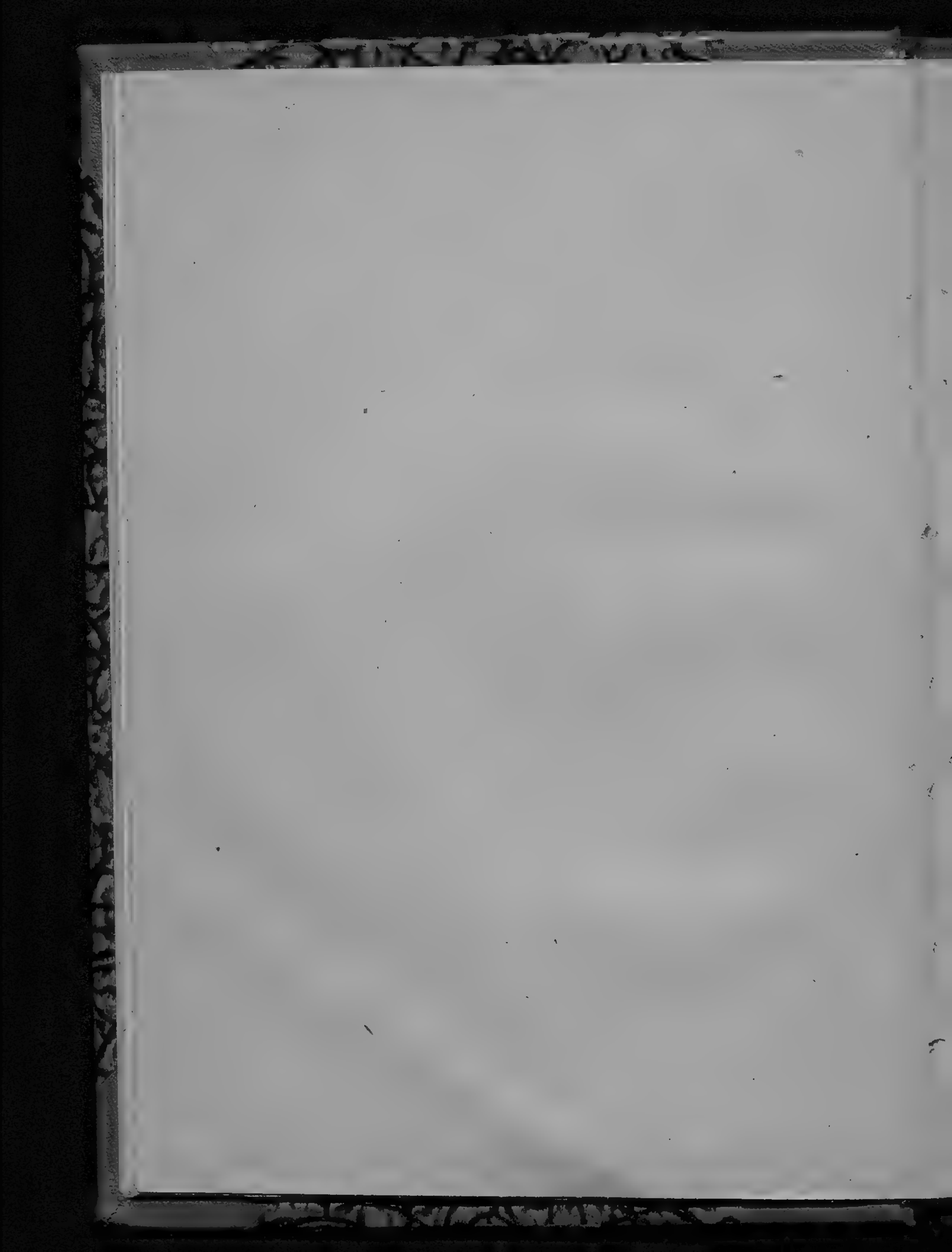
Одно в другое, однако, перерастает. Революция в Средней Азии теперь, являясь уже органом САНИИР, тем не менее представляет собою продолжение старого истпартовского издания. Добрая половина работ, помещаемых в настоящем номере, принадлежит к числу работ, либо начатых, либо не только начатых, но и законченных в период работы Истпарта. Совершенно очевидно, что те новые задачи, которые стали перед Истпартом после его реорганизации в Научно-исследовательский институт, в этих работах или не отразились совсем, или отразились очень слабо.

Передовая САНИИР, предпосланная статьям настоящего сборника, является программой не только для всей работы САНИИР на ближайший отрезок времени, но и программой его печатного органа. САНИИР—боевое партийное учреждение, занимающее ответственный пост в деле борьбы на идеологическом фронте. Совершенно очевидно отсюда, что и его орган должен стать боевым органом на том же фронте, органом борьбы за марксистко-ленинскую концепцию истории и истории революции в Средней Азии, и органом, в котором в первую очередь, ведется научная разработка истории партии в Средней Азии.

Вполне сознавая всю трудность стоящих перед нами задач, мы вовсе не собираемся обещать читателю, что мы сразу же свой орган поставим, или даже уже поставили, на те именно рельсы, на которых он, по нашему мнению должен стоять. Для этого у нас вовсе не так уж много сил. Нам приходится работать в условиях, когда идет одновременно и процесс развертывания идеологической борьбы, и процесс подготовки марксистско-ленинских сил для ведения этой борьбы.

Мы подымаем знамя и зовем всех товарищей, так или иначе работающих в области истории Средней Азии, итти под это знамя. Подымая знамя, мы в то же время заявляем, что свои задачи мы сможем выполнить только при полной поддержке партийных организаций и при условии дружной работы, как всего актива историков Средней Азии, так и непосредственных участников революционного движения в Средней Азии, над теми проблемами, которые мы выдвигаем и по тому направлению, какое мы указываем.

СТАТЬИ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА СРЕДНЕАЗИАТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ И ЗАДАЧИ САНИИР

Небывалое обострение в переживаемую нами эпоху классовой борьбы по всем линии влечет за собой и обострение классой борьбы на идеологическом фронте. И буржуазия, и пролетариат мобилизуют свои силы. Мобилизуются в том числе и силы науки. Всякий буржуазный профессор всю силу своей эрудиции бросает на службу дряхлому и разваливающемуся империализму. Всякий соглашатель II Интернационала вместе с превращением его партиной организации в организацию социал-фашистскую, превращает свои оппортунистические теории в теории защищающие „еще не изживший себя", „хотя и больной" империализм. Мобилизует свою теорию и революционный марксист-коммунист. „Без революционной теории не может быть и революционной практики" (Ленин). По СССР разворачивается ряд теоретических дискуссий—верный показатель того, что борьба обостряется. Происходит всеобщая размежовка. „Люди, которых еще вчера только мы считали своими идейными противниками, сегодня оказываются активными участниками антисоветских организаций. Где кончается „несогласие с марксизмом" и начинается прямое вредительство, различить становится все менее и менее возможно. Каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя. В то же время подлинно-марксистская, то-есть подлинно-революционная теория становится нужна и нам, и нашим западным товарищам так, как она бывает нужна только в наиболее острые моменты революционной борьбы, ибо „роль передового бойца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией" (Историк-марксист № 15, стр. 165. Резолюция, принятая на общем собрании общества историков-марксистов от 19 марта 1930 года. Последняя фраза принадлежит Ленину. Соч. т. IV. стр. 380—81).

Историческая наука не представляет исключения. „История—политика опрокинутая в прошлое" (Покровский). Сколько есть политик, столько есть и историй. Иначе говоря, каждый класс, стремящийся так или иначе вести свою самостоятельную политику, создает и свою историю, которая является теоретическим обоснованием его политической позиции. Более того, каждый уклон в нашей коммунистической партии (будучи, конечно, тоже отражением определенных классовых позиций) создает для обоснования своих „платформ" свои исторические концепции.

Задача марксиста-историка, прежде всего, бить по этим концепциям, дезорганизовать врага, разоблачать его классовую физиономию и этим самым всячески затруднять ему доступ к пролетариату, трудящимся и эксплоатируемым народным массам. Но задачи эти не сводятся только к указанной критике враждебных нам концепций: перед нами стоят еще и задачи глубокой теоретической разработки нашей большевистской концепции и подготовки кадров для этой разработки. Марксист-историк должен „принять самое энергичное участие в общей работе социалистической реконструкции, подготовляя в темпе более быстром, чем все виданные до сих пор, новые и гораздо более широкие кадры работников данного участка культурно-просветительного фронта и способствуя историческим анализом прояснению сознания всех работников этого фронта и всех масс трудящихся". (Там же, стр. 165).

Не представляет собой исключения и среднеазиатская историческая наука. Классовая борьба и на этом, с первого взгляда казалось бы маленьком, фронте развертывается во всю ширь. Нам на этом фронте только еще неизмеримо труднее чем на фронте какой бы то ни было другой исторической науки, ибо мы, историки Средней Азии, еще только что приступаем и к подготовке „кадров работников данного участка культурно-просветительного фронта" и к разработке отдельных проблем истории Средней Азии с целью „прояснения сознания всех работников этого фронта и всех масс трудящихся".

Несмотря на это, основные контуры нашей борьбы, основные линии, по которым идет размежевка, уже и сейчас обозначились достаточно четко и у нас — на фронте среднеазиатской исторической науки. Охарактеризуем коротко эти линии.

Прежде всего несколько слов о состоянии буржуазной историографии Средней Азии. Она не только существует вообще и не только еще жива, но даже здравствует и занимала до самого последнего времени командные высоты. Ее столп—В. В. Бартольд, человек, который до самой своей смерти считал, что главное в истории—это история царей и что главная задача историка Средней Азии, когда он касается истории российского господства, это замазать колониальные противоречия и всячески воспеть (поскольку, конечно, позволяют условия диктатуры пролетариата) „культурную миссию" русских в Средней Азии. И этот столп стоит не без подпорок: „жемчужное ожерелье", выпущенное не так давно „туркестанскими учениками, друзьями и почитателями" в ознаменование двадцатилетия „научной деятельности" (читай службы буржуазии) Бартольда свидетельствует о том, что Бартольд оставил после себя солидную школу, готовую не только всячески „почитать" его, но и политически поддержать. Что приносит нам эта школа сейчас?

Характерно для нее сейчас прежде всего то, что старые оценки Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств, квалифицировавшие эти ханства как „варварские" оценки, главное стремление которых заключалось в том, чтобы всеми мерами обосновать необходимость для „цивилизованной" России притти и разрушить это „варварство"—эти старые оценки ею сейчас существенно пересмотрены. На первый план выступает новое—„симпатии" к Востоку, в том числе и симпатии к перечисленным трем ханствам. И это совершенно понятно: буржуазия больше не нуждается в завоевании Средней Азии, в той постановке в какой этот вопрос стоял в 60—80 годах. Она нуждается в обосновании необ-

ходимости возврата к „доброму старому времени“. На этот случай приходит даже идеализация старых среднеазиатских ханств со всеми их „варварскими“ феодальными порядками.

Другая характерная черта этой историографии заключается в том, что она умелым образом прикрывает либеральными фразами, а иногда даже „осуждением“ среднеазиатских порядков в эпоху российского господства, все социальные противоречия в Средней Азии накануне революции, приведшие к этой революции. Революция—печальное недоразумение, возникшее по какой-то неведомой случайности—вот логический вывод, нигде, правда, по понятным причинам, не записанный, из всех этих построений. В картину „доброго, старого времени“, возврат которого защищает старая историография, входит и российское господство в Средней Азии. Логика ясна: буржуазия, мечтающая о возврате дореволюционных порядков, не может не сказать всеми буквами своей исторической концепции, что революция—это недоразумение, что она ни в какой мере не вырастает закономерно из всего исторического развития страны, что закономерность с ее точки зрения заключается как-раз именно в том, что порядки дореволюционные должны были „безмятежно“ существовать и до наших дней. На что она сейчас идет так, разве только на то, чтобы показать, что старые порядки в Средней Азии требовали незначительных реформ. Щит для заслона противоречий—либеральная фраза и „осуждение“—есть в то же время и теория, обосновывающая необходимость этих реформ вместо революции.

Историография Бартольда и его „друзей и почитателей“ дает „научное“ обоснование колонизаторской политики буржуазии, старой русской буржуазии давно уже плачущей „на реках вавилонских“—вот что должен помнить всякий марксист, когда он берется за ее изучение.

К сожалению, мы так слабо раскачиваемся и так медленно мобилизуем наши силы, что до сих пор Бартольд и его „друзья и почитатели“ не получили достаточного отпора. Но обострение классовой борьбы обостряет борьбу и здесь. Нет сомнений, что самое ближайшее будущее принесет нам острые дискуссии по этому вопросу. В эпоху ожесточенной борьбы с великодержавным шовинизмом—главной опасностью на данном этапе—терпеть дальше существование законченной великодержавно-шовинистической концепции истории Средней Азии мы не можем. Ее разоблачение тем более необходимо в наши дни, что ее влияние не так уж редко, как казалось бы можно ожидать, сказывается и на писаниях некоторых „марксистов“.

Переходя далее к марксистской литературе, мы должны прежде всего заметить, что и молодая марксистская среднеазиатская историческая наука (поскольку она уже существует и развивается) тоже далеко не монолитна. В среде марксистов чем дальше, тем острее разворачивается борьба и борьба эта как самым фактом своего существования, так и всем своим характером подтверждает тезис, что история—политика опрокинутая в прошлое. Партийные уклоны создают свои исторические концепции и будучи сами по себе отражением давления на нашу партию извне классово-враждебных нам сил, подчас воспринимают и впитывают в свои построения идеи буржуазной историографии.

Когда Садвокасов писал свою известную националистическую статью, он не забыл сослаться на историю, сказать, что „беспросветное“ прошлое нацио-

нальных окраин является „порукой тому" („Большевик" № 1 за 1928 год, стр 62—63), что трудящиеся массы Средней Азии сами могут управлять страной и без руководства российского пролетариата. Этим самым он великолепно отразил не только настроения, но и некоторые теоретические „построения" местной буржуазии и по-касымовски настроенной известной части местной мелкобуржуазной интеллигенции, мечтающих о том „прекрасном" будущем, когда они будут у власти и будут „самостоятельно" управлять страной, ведя ее по пути развития капитализма. Когда националисты всех мастей пытаются обосновать лозунг „отделение" и „самостоятельность" от СССР, то у них тоже не обходится без истории. Поставил знак равенства между российским господством в Средней Азии до революции и современным состоянием среднеазиатских республик и тезис о необходимости „отделения" и „самостоятельности" обоснован. Так делает небезизвестный М. Чокаев, так делали неоднократно и наши „левые" сверх-коренизаторы.

В связи с этим заслуживает внимания также и очень интересная тенденция у некоторых товарищей идеализировать местных националистов, прежде всего известных буржуазных демократов—джадидов. Эти последние, в таком случае, отрываются, обыкновенно, от классов, превращаются в надклассовых „абсолютных" революционеров. Этим обосновывается уже другая часть той же концепции—было бы „нормальнее", если бы вместо пролетариата и его классовой партии революцию возглавляли „надклассовые" и поэтому „абсолютные" и „непорочные" джадиды... Борьба за „самостоятельность" дополняется таким образом новым звеном: „самостоятельные" республики Средней Азии должны управляться „абсолютно революционной", „надклассовой" буржуазией. Стоит таким образом, только несколько продолжить эту идеализацию до ее логического конца, и выскочит самый чистопробный касымовец.

Не дремлют, конечно, со своей стороны и уклонисты в сторону великодержавного шовинизма. Более того, на данном этапе они проявляют гораздо большую активность, чем уклонисты в сторону местного национализма, великолепно этим самым иллюстрируя установленное партией положение, что главная опасность сейчас среди националистических уклонов—это уклон в сторону великодержавного шовинизма. Тов. Резцов до самых последних дней защищал свою „оригинальную" концепцию о „прогрессивности" российского господства в Средней Азии вместе со всеми прочими колонизаторскими выводами из этой постановки вопроса, видимо еще и до настоящего времени не отказался от своих ошибок. Товарищ Карпыч, на страницах „Туркменоведения", „развивая" и „дополняя" концепцию Резцова, докатился до самого беззастенчивого заимствования идей из буржуазно-колонизаторской историографии о том, что „цивилизованная" Россия сделала чуть что не революцию, завоевав Среднюю Азию и разрушив якобы здесь старые „варварские" феодальные порядки.

Товарищи Лаврентьев и Анишев, набравшись „мудрости" от деколонизаторов решили почему-то построить всю концепцию истории Средней Азии новейшего времени именно с этой точки зрения,—с точки зрения теории деколонизации подбавив сюда еще целый ряд идей из троцкистского арсенала, вроде идеи об отсутствии в Средней Азии к моменту революции 1917 года остатков крепостничества, о реакционности на всех этапах и во все времена местной

буржуазии, об отрицании ленинской постановки вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран и т. д. и т. п. В результате из всей этой мешанины в совокупности получилась право-левацкая и в то же время колонизаторская концепция истории Средней Азии новейшего времени, так сказать, более или менее утонченная конкретизация концепции того же самого Резцова.

Наличие даже в марксистской литературе колонизаторской и националистической концепций истории Средней Азии наряду с законченной великодержавно-шовинистической концепцией буржуазных историков и зародышами националистической концепции местной буржуазии, не оставляет таким образом, никакого сомнения. В то же время мы не имеем достаточно широкой развернутой борьбы против этих концепций. Отсутствие же борьбы предполагает наличие примиренчества.

Какие задачи стоят сейчас перед САНИИР из всего изложенного должно быть уже достаточно ясно.

Реорганизация бывшего Истпарта в Институт истории революции есть, прежде всего, поднятие всей научно-исследовательской работы в области истории партии и революционного движения, как равно и истории Средней Азии на высшую ступень. Старое истпартовское „кустарничество" отходит в область предания. Институт истории должен организовать серьезную, глубоко-научную марксистскую разработку как истории партии, так и основных проблем истории Средней Азии.

В то же время постановлением Средазбюро Институт сохраняется на положении отдела Средазбюро. Этим самым Средазбюро подчеркивает колоссальное **партийное** значение тех задач, которые стоят перед Институтом истории революции. **Все проблемы истории должны ставиться, как проблемы партийные.** Никакого компромисса, никаких примиренческих настроений в работе товарищей сгруппированных вокруг Института, быть не должно. Нужно высоко поднять знамя борьбы за ленинскую концепцию истории Средней Азии, за концепцию обосновывающую партийные позиции и помогающую определять эти позиции, за подлинно-научную разработку проблем истории нацкомпартий.

Главный огонь на данном этапе должен быть сосредоточен по великодержавному шовинизму, как главной опасности не только в области политики, но и в области истории. Это тем более важно, что троцкистские построения в области истории Средней Азии почти целиком совпадают с построениями колонизаторов. Единый фронт здесь несомненен.

Главная область работы института—история партии, изучение прежде всего ее опыта, чтобы на нем давать закалку новым молодым членам партии, чтобы прежде всего, из него делать теоретическое обоснование современных позиций партии.

Главное внимание в области изучения истории Средней Азии вообще должно быть сосредоточено на близких к современности проблемах—на истории революции и истории Средней Азии за время ее колониального подчинения российским господствующим классам, ибо именно изучение этих, эпох, прежде всего, необходимо для ясного понимания путей строительства социализма в Туркестане—бывшей колонии.

Что нужно для того, чтобы САНИИР действительно выполнил свои задачи?

Ему, прежде всего, нужна поддержка партии. Вокруг него должны быть сгруппированы все наличные партийные силы, занимающиеся так или иначе вопросами истории Средней Азии. Все эти силы должны составить сплоченный коллектив, разрабатывающий проблемы истории партии и общей истории Средней Азии именно **к о л л е к т и в н о**. Этот коллектив должен работать как коллектив **п а р т и й н ы й**, как коллектив, самым тесным образом связанный с партийными организациями, самым активным образом участвующий в современной партийной жизни, как коллектив работающий над тем, чтобы именно верную ленинскую политическую линию „опрокидывать" в прошлое, а не линию уклонистскую. Всяким попыткам как внутри коллектива, так и вне его, обосновывать «исторически» не ленинские позиции этот коллектив должен давать самый решительный отпор.

Ему нужно, наконец, вынести свою работу за стены кабинетов. Нужно сомкнуть всю нашу работу с рабочей аудиторией, привлечь к своей работе по истории самого главного творца этой истории, рабочего от станка, вынести наши «ученые» заседания в массы, прямо на заводы.

САНИИР в то же время должен работать над подготовкой новых кадров историков. Подготовка историков непосредственно из рабочих, батраков и колхозников, в первую очередь из националов—это величайшей важности задача наших дней. Кому же и создавать свою пролетарскую концепцию истории, как не самому рабочему? Кому же и изучать историю родного края, кому нести ленинскую концепцию истории и научную ленинскую историю партии в гущи местного населения, как не научному работнику из среды этого же населения?

Итак, непримиримая борьба на идеологическом фронте, борьба и против буржуазной историографии и против исторических концепций уклонистов всякого рода, положительная научная разработка прежде всего проблем истории партии, а затем и общей истории Средней Азии, главным образом, новейшего времени, наконец, работа по подготовке новых кадров историков Средней Азии —вот задачи Среднеазиатского Института истории революции. Они могут быть выполнены только тогда, когда Институт будет работать как учреждение партийное и при полной поддержке партии.

П. ГАЛУЗО

ТРОЦКИСТСКО-КОЛОНИЗАТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСПОДСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(о книгах В. Лаврентьева—„Капитализм в Туркестане“ и Ан. Анишева—„Пути социалистического переустройства хлопкового хозяйства Средней Азии“[1])

Та концепция истории Средней Азии за время ее колониального состояния, о которой будет итти речь, зародилась уже довольно давно. Еще в 1927 году тов. Л. Резцов выступил в печати с теорией, что российское господство в Средней Азии было явлением прогрессивным. Подобного рода нотки проскальзывали и потом в ряде мелких статей и статеек других авторов, правда, не в виде основной мысли, а большею частью только в виде мимолетных замечаний. Но последнее время в связи с оживлением великодержавного шовинизма концепция эта начинает расцветать самым пышным цветом. Сначала В. Лавреньев выступил с несколькими докладами, обосновывающими его „оригинальную“ теорию о том, что Туркестан был колонией „наиболее экономически передовой“ российской буржуазии и что, поэтому, колониальное господство русских в Средней Азии выводило ее „на широкую дорогу исторического развития“. Затем тов. Карпыч в журнале „Туркменоведение“ разразился полимической статьей, обосновывающей по сути дела тот же старый тезис Л. Резцова о том, что российское господство в Средней Азии было „исторически прогрессивным фактором для трудящихся Средней Азии“. Вскоре же после этого одна за другой в издании Коммунистической Академии появились две работы: Ан. Анишева—„Пути социалистического переустройства хлопкового хозяйства“ и В. Лаврентьева—„Капитализм в Туркестане“, в которых к конкретному историческому материалу

[1]) Литературная обработка доклада, прочитанного 9 сентября 1930 года на об'единенном собрании САНИИР и Средне-азиатского отделения Общества историков-марксистов.

прилагается троцкистское понимание национально-колониального вопроса и которые, в силу этого, являются наиболее закончиным обоснованием великодержавно шовинистической антиленинской точки зрения на историю российской колонизации Туркестана.

В настоящей статье будет дана попытка критического разбора двух последних работ. Выступления Резцова и Карпыча оставлены в стороне, во-первых, потому, что их точка зрения уже однажды мной подвержена критике на станциях „Туркменоведения“ в статье, направленной против Карпыча, а во-вторых, потому, что в такой оголенной форме, в какой этот попрос поставлен в свое время А. Резцовым, сейчас никто его уже не ставит, не ставит даже и сам автор. Наступила эпоха более утонченного и завуалированного каланизаторства типа Лаврентьева и Анишева. Разоблачить этих последних—значит разоблачить и первых.

Разбираемые работы принадлежат перу единомышленников. Это видно не только из содержания работ, но и из заявлений самых авторов. Лаврентьев в предисловии указывает на „дружеские указания, советы и критику многих товарищей и, прежде всего, т. т М. Цвибака и А. Анишева и вто же время во всем тексте только сочувственно ссылается на работу Анишева. Анишев сам в застенографированной речи по докладу пишущего эти строки в Ташкенте заявил, что он целиком поддерживает все постановки вопроса Лаврентьева. В силу этого во стем изложении указанные работы будут разбираться не в отдельности каждая, а одновременно, как работы, в которых защищается одна и та же позиция. Толяко большая развенутость постановки ропроса о хорактере колониального госпотства России в Средней Азии у Лаврентьева и аграрного вопроса у Анишева заставляют при разборе первой проблемы по преимуществу иметь дело с работой Лаврентьева и приразборе второй проблемы с работой тов. Анишева. [1])

ИСХОДНАЯ ТОЧКА ПОСТРОЕНИЙ АНИШЕВА И ЛАВРЕНТЬЕВА

Троцкизм у наших авторов начинается уже там, где они формулируют основные задачи своего исследования: „Является ли социалистическая реконструкция Средней Азии чем-то навязанным извне, противоречащим всему прошлому развитию края? Или, наоборот, обобществление хозяйства в городе и в деревне, развитие производственных отношений социалистического типа, лишь про-

[1]) У обоих авторов имеется также целый ряд критических замечаний по адресу пишущего эти строки, в частности по адресу моей работы „Туркестан-колония“. Я не считаю возможным сосредоточивать внимание читателя на спорах вокруг этих частных вопросов. Сейчас речь идет о борьбе за общую концепцию. Спор о частных вопросах, лучше всего перенести куда-либо в другое есто, хотя бы на страницы второго издания той же работы „Туркестан-колония“, что мною в настоящее время и осуществляется.

должает на новой социальной основе тот процесс, который начался еще в период буржуазной колонизации?" [1])—так формулирует эти задачи тов. Лаврентьев.

Для автора, таким образом, существуют только два пути строительства социализма: путь первый, который „противоречит всему прошлому развитию края" и путь второй, который „продолжает на новой основе" процесс капиталистического обобществления народного хозяйства. Иначе говоря, ленинская постановка вопроса о некапиталистическом развитии отсталых стран о том, что „с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития"... (Ленин, соч. т. 19, изд. 1, стр. 246)—эта постановка вопроса для автора как бы не существует. Зато у него существует другое: чтобы социалистическое переустройство не противоречило „всему прошлому развитию края", для этого обязательно необходима известная ступень капиталистического развития страны. Иначе говоря, в отсталой стране, капиталистически недоразвитой, построение социализма, как противоречащее всему историческому развитию невозможно. Троцкизм с его теорией невозможности построения социализма в отсталой стране, позаимствованной в свою очередь от меньшевиков, выступает здесь в самой оголенной форме.

Но заявить сейчас, когда троцкизм разбит наголову, что построение социализма в Средней Азии невозможно в силу ее отсталости, конечно, в высшей степени рискованно. Автор, поэтому, проделывает что-то другое: вместо того, чтобы отказаться от основных своих троцкистских теоретических установок, он эклектически об'единяет троцкистскую исходную позицию с точкой зрения партии. Он берется доказать, что строительство социализма в Средней Азии действительно возможно, но доказывает это по-троцкистски. Оно возможно с его точки зрения вовсе не потому, что согласно соответствующей теории Ленина отсталые страны „с помощью пролетариата наиболее передовых стран" могут перейти к социализму, а именно потому, что в Средней Азии „российский капитализм произвел коренной переворот по линии обобществления частного труда мелких производителей". [2])

Для обоснования этого тезиса о „коренном перевороте" и написана вся работа. В результате получается не обоснование тезиса о возможности строительства социализма в отсталой Средней Азии, а, как увидим ниже,—„коренной переворот" во всех наших

[1]) В. Лаврентьев—„Капитализм в Туркестане", изд. Коммунистической Академии 1930 года стр. 2. В дальнейшем все ссылки на эту работу будут даны сокращенно—автор и страница.

[2]) В. Лаврентьев, стр. 151—152. Подчеркнуто автором.

представлениях о господстве империализма в колониях вообще и господстве российских царизма и империализма в Туркестане в особенности.

Тов. Анишев, стоя на той же точки зрения в вопросе о „коренном перевороте“, произведенном российским капитализмом в Средней Азии, в вопросе о строительстве социализма идет еще дальше. Он считает, что капиталистическое развитие Туркестана в дореволюционную эпоху зашло настолько далеко, что „быстрый темп развития социалистической реконструкции хлопководческих районов предопределен всем ходом исторического развития“.[1]) Отсталая Средняя Азия, которой согласно ленинской теории о некапиталистическом развитии предстоит пройти некапиталистический путь развития „с помощью пролетариата наиболее передовой страны“—в конкретном случае—пролетариата российского,—в постановке Анишева превращается в страну передовую, которая уже и сама всем ходом исторического развития достаточно подготовлена к тому, чтобы если и не самостоятельно, то во всяком случае быстрее построить социализм, чем он строится в самых передовых районах России. Выбросив целый ряд особенностей исторического развития Средней Азии, вытекающих из ее колониального состояния в эпоху российского господства, Анишев смазывает целый ряд дополнительных трудностей, стоящих на пути социалистического строительства в Средней Азии, и, таким образом, демобилизует партию в борьбе с этими трудностями.

Посмотрим, однако, откуда у наших авторов появился их знаменитый „коренной переворот по линии обобществления частного труда мелких производителей“ Средней Азии, почему вдруг Средняя Азия в их представлении стала более передовой, чем ряд районов России, районов, которые никак нельзя причислить к бывшим колониям?

ИМПЕРИАЛИЗМ—ПЕРЕДОВАЯ СИЛА В КОЛОНИИ

„Коренной переворот“ проделан, как оказывается, прежде всего потому, что господствовавший в Средней Азии российский капитал был передовым: „На каждом данном историческом этапе, говорит т. Лаврентьев,—над хозяйственной жизнью края господствовал и командовал капитал в его наиболее **п е р е д о в ы х**, наиболее „прогрессивных формах“.[2])

Период российского господства в Средней Азии тов. Лаврентьевым разбит на три этапа: этап первый до середины восьмидесятых годов—период господства российского торгового капитала, этап второй—с середины восьмидесятых годов до начала XX ве-

[1]) А. Анишев—„Пути социалистического переустройства хлопкового хозяйства“, ст. 158. Дальнейшие ссылки на эту работу будут даны сокращенно.

[2]) Лаврентьев, стр. 8. Подчеркнуто автором.

ка — Туркестан колония промышленного капитала и этап третий — с начала XX века до революции 1917 года — эпоха господства российского монополистического капитализма. Таким образом и архаические формы капитала — капитал торговый — для середины XIX века, иначе говоря для эпохи развитого промышленного капитала в России и „реакционный [illegible]“ (Ленин, том XVIII, изд. II, стр. 110) империализм автором зачисляется в „передовые“ формы капитала.

Почему, спрашивается, откуда такой невероятный ляпсус даже в известной степени с точки зрения самого автора (в вопросе о торговом капитале)? Почему, спрашивается, автору приходится игнорировать и свои собственные утверждения, что в первый период российского господства в Средней Азии командовал торговый капитал („архаический“ по оценке Маркса и Ленина) и отбросить в сторону ленинскую постановку вопроса о том, что промышленный капитал только до тех пор играет прогрессивную роль в разрешении национального вопроса, пока ведет борьбу за создание однонациональных государств, а там, где начинается господство над колониями, там уже начинается реакция. Почему, откуда это грубейшее отступление от самых элементарных положений марксизма-ленинизма?

Ответ на эти вопросы мы получаем только тогда, когда обнаруживаем, что автору во что бы то ни стало хочется доказать, что „российская буржуазия выполняла исторически-прогрессивную роль, насаждая капитализм в Туркестане“. (Стр. 11 и др.). „Российский капитализм, говорит он, проникший в Туркестан, бурно вторгался во все поры хозяйства края, вдребезги разбивал ограниченные рамки замкнутого, полунатурального хозяйства и, расчищая пути для всеобщего распространения капиталистического способа производства, переделывал край „по своему образу и подобию“.[1])

Это же положение, в свою очередь, вытекает у него из того, что по его мнению „буржуазная колонизация“ заключается именно о том, что капиталистические страны выводят колониальные народы на „ш и р о к у ю д о р о г у и с т о р и ч е с к о г о р а з в и т и я“, сокрушая натурально-хозяйственный строй и включая эти народы в систему мирового капитализма“. (стр. 9, подчеркнуто мною).

Что же представляют собой эти разглагольствования на счет выведения Туркестана „на широкую дорогу исторического развития?“

Все это есть не что иное, как п о в т о р е н и е и з в е с т н о й д е к о л о н и з а т о р с к о й т е о р и и о том, что империализм способен вывести колонии на путь самостоятельного капиталистического развития, повторение в конкретном ее приложении к Сред-

[1]) Лаврентьев, стр. 9.

ней Азии. Больше того—это есть исправленное и дополненное повторение деколонизаторских теорий, ибо „деколонизаторы“ VI конгресса все же исходили из положения, что колонии до известного этапа были колониями со всеми присущими им признаками отсталости, угнетения, забитости и т. д. и только в последние годы начинают „деколонизироваться“, а у т. Лаврентьева получается так, что вообще никакой колонизации (превращения в колонию) Средней Азии никогда не было. Всегда здесь господствовал „передовой“ капитализм и всегда он делал свое „передовое“ дело – выводил страну „на широкую дорогу исторического развития“.

Дело при этом нисколько не меняется тем обстоятельством, что „на первом этапе“ колониального господства в Средней Азии, когда, по мнению автора, там господствовал российский торговый капитал; этот последний по его же утверждению „не только не затрагивал „экономической основы азиатского производства“, но наоборот, мог расти и развиваться только на этой основе“ (Лаврентьев стр. 12, подч. автором). Российский торговый капитал от этого не перестал быть „наиболее передовой“ и „наиболее прогрессивной“ формой капитала, как не получило какой-либо особой оценки и российское господство этого периода... Помимо внутренней противоречивости этой постановки вопроса она также насквозь пропитана великодержавным шовинизмом самого худшего сорта, ибо когда речь идет в других местах работы уже не о русском, а о туземном торговом капитале, тогда этот последний такого рода оценок не получает. Наоборот, он всячески чернится такими эпитетами как „архаический“, „реакционный“, „хищнический“ и т. д.

Но мы несколько отвлеклись. Возвращаемся к основной теме.

VI конгресс Коммунистического Интернационала, отвечая „деколонизаторам“, специально подчеркивил, что: „Опустошительные последствия, к которым капиталистическое развитие везде ведет, в особенности на первой стадии своего существования, воспроизводится в колониях в чудовищной степени и ускоренном темпе, благодаря внедрению заграничного капитала; прогрессивные последствия капитализма, напратив, там большею частью совершенно не ощущаются“, что: „Культурная воспитательная роль“ империалистических государств в колониях на деле сводится к роли палача“. [1])

Товарищ же Лаврентьев исходит не из этих посылок, а, как было отмечено, из деколонизаторской (читай великодержавно-шовинистической), теории о „прогрессивности работы“ империализма в ко-

---

[1]) Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. 6 стр. 127. Подчеркнуто мной.

лониях и поэтому всей той реакционной работы, которую проделывал российский империализм и самодержавие в Туркестане, всей той роли палача, которую играл этот империализм не только в последнее время перед революцией, но во все время российского господства, всего этого он не видит. Что он видит вместо этого? Как оппортунисты всех мастей, он видит только „культурную миссию", только прогрессивную работу, он вместе с деколонизаторами, отбрасывая всякие разговоры о реакционности империализма, защищает их (деколонизаторов) положение о том, что „капиталистические страны выводят колониальные народы на широкую дорогу исторического развития"...

Получается невероятное противоречие в одной и той же фразе. Человек говорит о господстве... передовых форм капитала, забывая, что понятие „господство" уже отрицает понятие „передовой".

„Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области—результат этих тенденций. Особенно обостряется также национальный гнет и стремление к аннексиям, то-есть к нарушениям нормальной независимости (ибо аннексия есть не что иное, как нарушение самоопределения наций"). [1])

У Ленина господство империализма над колониями, такая же реакция как и всякое господство эксплоататорских классов, вступающее в противоречие с общественным развитием. У нашего же автора российский империализм остается передовым, несмотря на то, что это империализм—воплощение господства и подчинения, что он господствует в своей колонии—Туркестане (как и в других колониях) и угнетает ее и политически, и экономически.

Что угодно, но только не ленинская теория империализма кладется автором в основу его рассуждений. Как всякий другой шовинист, он просто защищает шовинистическую теорию о „культурной миссии" империализма в колониях, а чтобы теория была возможно „стройнее", он даже российский торговый капитал середины XIX века зачисляет в „передовые" формы капитала, а попутно, как еще будет видно, вычеркивает роль „военно-феодального империализма". Иначе как же можно обосновать культурную миссию „на всех этапах"?

„ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ" СТОРОНЫ РОССИЙСКОГО ГОСПОДСТВА

Но даже Каутский, этот патентованный теоретик „ультра-империализма", человек, всячески затушевывающий противоречия им-

[1]) Ленин—Соч. том XIX, Изд. 2, стр. 169.

периализма, всячески прикорашивающий империализм, даже он находит „темные“ стороны империализма. Находит их и тов. Лаврентьев. Вот они в том порядке, как их перечисляет автор: „Капитализм шел в Туркестан как в колонию, как в страну, единственным назначением которой было обогащение господствующих классов метрополии“... Капитализм „искусственно задерживал широкое развитие крупной промышленности“; капитализм в Туркестане „опирался на ростовщика, на бая, на начальника рода и приспособлял все эксплоататорские классы прошлых формаций в качестве своей агентуры для нужд своего обогащения“. (Лаврентьев, стр. 153. Подчерк. автором).

Общий тон, однако, несмотря на эти „темные“ стороны, остается все же прежним. Туркестан в эпоху российского господства сильно продвинулся вперед по пути развития капитализма, поэтому „необходимо признать, что российская буржуазная колонизация двинула далеко вперед общественное развитие Туркестана и была, поэтому, явлением прогрессивным“.[1])

Заканчивается же работа следующими подчеркнутыми автором строками: „Все эти факты „отрицательного“ порядка говорят о том, что хотя российская буржуазия и выполняла исторически прогрессивную роль, насаждая капитализм в Туркестане, но прогрессивность эта была сугубо ограничена. Буржуазия выполняла свою миссию, но выполняла наиболее тупыми, наиболее жестокими и наиболее реакционными методами, стараясь сохранить и использовать те из унаследованных ею докапиталистических отношений, которые помогали втянуть в систему капиталистической эксплоатации основную массу „независимых“ товаропроизводителей“. (Стр. 156).

Речь идет вовсе не о том, что вся система господства империализма в колонии есть система задерживающая общественное развитие, речь идет только о том, что эта система, прогрессивная в своей основе, имеет некоторые „темные“ черты. Постановка вопроса эклектична—с одной стороны господство российского империализма в Средней Азии прогрессивно, с другой—реакционно, с одной стороны—бело, с другой—черно. Капитализм, конечно, вовлекает отсталые страны в систему мирового хозяйства, капитализм не может существовать, не вовлекая их в орбиту своего оборота. Это явление, безусловно, прогрессивное. Но связывать это явление с колониальным состоянием этих стран, называть буржуазную колонизацию, иначе говоря превращение страны в колонию, явлением прогрессивным на том основании, что это есть также процесс развития капитализма в ко-

[1]) Лаврентьев, стр. 152. Подчеркнуто автором.

лонии,—это значит затушевывать противоречия империализма, это значит—забывать, что само господство империализма в колонии, сам процесс превращения отсталых стран в страны специализирующие на производстве сельскохозяйственного сырья есть явление реакционное, есть процесс углубления противоречий между сельским хозяйством и индустрией города, процесс помноженный на господство империализма в колонии и подчинение этой колонии империалистам.

Ленин отделял прогрессивный процесс создания мирового капиталистического рынка от процесса превращения стран в колонии. Более того, Ленин видел и всегда подчеркивал противоречие между тем и другим. „Одно из самых основных свойств империализма, говорил он,—заключается как-раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет борьбу против национального угнетения". Угнетение здесь вступает в противоречие с развитием капитализма в отсталых странах. У Лаврентьева же этого нет. Реакционность самого господства как такового у него исчезает. Наоборот, прогрессивный процесс образования мирового рынка, процесс, в действительности, чем дальше тем все больше и больше вступающий в противоречие с колониальным состоянием отсталых стран, этот прогресс у него сливается с господством буржуазии в колонии в одно понятие.

Ленин исходил из положения, что однонациональное самостоятельное государство есть государство наиболее соответствующее интересам быстрого развития капитализма, что колониальное состояние страны, поэтому, есть состояние, при котором прогрессивный процесс образования мирового рынка задерживается, что господство империалистов в колониях, поэтому, есть явление реакционное. У Лаврентьева же совершенно нет речи об этом противоречии. Как-раз наоборот: у него „буржуазная колонизация" вступает в противоречие со всем тем, что мешает развитию капитализма, в том числе и с остатками феодализма в Средней Азии. В результате у него получается не анализ противоречий господства и подчинения, не вскрытие необходимости свержения российского господства в интересах общественного развития страны, а апологетика этого господства, иначе говоря великодержавный шовинизм, колонизаторство.

„ПРОГРЕССИВНАЯ" РОССИЙСКАЯ И РЕАКЦИОННАЯ ТУЗЕМНАЯ БУРЖУАЗИЯ

У Ленина из его постановки вопроса о реакционности империализма и его господства в колониях вытекает вопрос о прогрессивности борьбы молодой подымающейся буржуазии колоний за национальное освобождение этих колоний от господства империализма. В то время, когда „эмансипация буржуазии" Европы „соединяется со всеми отживающими силами, чтобы сохранить колеб-

лющееся наемное рабство"—говорит Ленин, в это время: „В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение: буржуазия там еще идет с народом против реакции"...[1])

С одной стороны, здесь у Ленина фигурирует империалистическая буржуазия, которая „из подымающего передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным" с другой—еще подымающаяся, идущая вверх буржуазия колоний.

Но совершенно иная постановка вопроса у Лаврентьева. „Передовая" российская империалистическая буржуазия для него является передовой не только по сравнению хотя бы с какими-либо там российскими крепостниками, но и по сравнению с колониальной буржуазией Туркестана. В то же время туркестанская буржуазия для Лаврентьева—представитель архаических форм капитала и только. Дав статистическую таблицу, показывающую, что туземные хлопковые заводы в общем мельче заводов принадлежащих русским фирмам, и стоят на более низком техническом уровне, он далее дает следующую характеристику туземного капитала:

„В условиях Туркестана понятие „туземного" капитала в девяносто девяти случаях из ста совпадало с понятием капитала торгово-ростовщического. Туземные хлопкоочистительные заводики в подавляющем большинстве своем—это хищнические, эксплоататорские предприятия архаического торгово-ростовщического капитала, который под „благодетельным" и „оплодотворяющим" воздействием российской буржуазной колонизации впервые выходит на широкую дорогу капиталистического накопления".[2]) Он как видим, принадлежит к типу „архаического торгового капитала".

Но совершенно другое дело представляет „передовой" русский капитал:

„Усовершенствованные заводы с пневматической системой и гидравлическими прессами, перерабатывавшие до миллиона пудов сырца ежегодно каждый, находившиеся исключительно в руках „солидных" российских фирм, представляли несравненно более совершенную форму приложения промышленного капитала, по сравнению с мелкими заводиками туземных чистачей".[3])

Эти заводы русских торговых фирм тоже, конечно, принадлежали „хлопкоторгующим фирмам", но они все же являлись „новой сферой эффектного помещения капитала, как капитала промышленного."[4])

---

[1]) Ленин—Соч., т. 19, изд. 1, стр. 28. Подч. Лениным.

[2]) Лаврентьев, стр. 53, последние два слова подчеркнуты автором, остальные мной.

[3]) Лаврентьев, стр. 54.

[4]) Лаврентьев, стр. 54. Подчеркнуто автором.

Несмотря на все разглагольствования относительно „бурного развития“ капитализма в Туркестане, относительно „коренного переворота“, произведенного русским капитализмом в народном хозяйстве Средней Азии, Лаврентьев, однако, другого туземного капитала, кроме „архаического торгово-ростовщического“ так и не находит. Куда девалось бурное развитие капитализма, куда исчез коренной переворот, невозможные без создания передовой туземной промышленной буржуазии, так и неизвестно. Троцкизм опять берет свои права. Согласно троцкистского понимания колониального вопроса находить в колониях передовую колониальную буржуазию, способную бороться против империалистического господства, совершенно не полагается и автор ее, конечно, не находит. Передовой у него является как-раз не туземная буржуазия, а российская империалистическая. Не первая вступает в борьбу со второй за создание национального государства в интересах быстрейшего развития капитализма в колонии, как бы это полагалось обнаружить при ленинском подходе к вопросу, а как-раз наоборот: именно империалистическая „передовая“ буржуазия выступает в борьбе с туземной „реакционной“ буржуазией за быстрейшее развитие капитализма в Туркестане-колонии:

„Во всяком случае, ростовщическая система эксплоатации уже в предвоенное пятилетие **начала вступать в острое противоречие с буржуазной колонизацией Туркестана**, приемным детищем которой, как мы видели, она являлась“.

„Превращая основную массу непосредственных производителей хлопчатника сначала в неоплатных должников, а затем и в пауперов, ростовщичество начало отказываться служить буржуазной колонизации Туркестана“. (Стр. 24. Подчеркнуто мной).

Какое несчастье! Российский капитализм делал в Туркестане колонии „прогрессивное“ дело, боролся „за буржуазную колонизацию“ края, за развитие в крае промышленного капитализма, а „архаическая“ туземная буржуазия „отказывалась служить“ этой колонизации, стояла большим препятствием на пути капиталистического развития страны. Действительное положение вещей в угоду троцкистскому пониманию роли буржуазии колоний повернуто вверх ногами. Восходящей буржуазией оказалась не молодая местная буржуазия, а российская империалистическая буржуазия. Интересно бы посмотреть как бы Лаврентьев с этой концепцией написал историю национально-освободительного движения в Средней Азии, в частности историю среднеазиатского джадидизма—движения местной **восходящей**, прогрессивной буржуазии. Нет никакого сомнения, что он также как и Карпыч в упомянутой выше статье, при желании хотя бы в минимальной степени мыслить логически, все национальное движение зачислил бы по рубрике движения реакционного. Оппортунистическое прикрашивание империализма, признание за ним прогрессивной роли в ко-

лониальном вопросе к иным выгодам никогда никого не вело. Помоле вспоминаются „левые“ в национальном вопросе: Роза Люксембург, Пятаков, Радек, Бухарин, отрицавшие в свое время возможность национальных войн в эпоху империализма. Как, однако, оппортунисты любят повторять „зады“.

Но шовинизм автора, апологетика своей „передовой“ российской буржуазии и всяческое „очернение“ „архаической“ туземной буржуазии этим еще не ограничивается. Российские „хлопкоочистительные фирмы“—главнейший паразит на хозяйственном организме Средней Азии—автором в своем подавляющем большинстве зачисляются в промышленно-капиталистические фирмы на том основании, „что основная масса капиталов этих фирм оказывается вложенной в производство, в те заводы, собственниками которых эти „торговые, крупные“ фирмы являются“ (стр. 61). Этим самым делается совершенно прозрачный намек, что главным объектом эксплоатации для этих фирм был вовсе не среднеазиатский дехкан, производитель сырья, а те семь с лишним тысяч рабочих, которые работали на хлопкоочистительных заводах, где они работали, как сам автор признает, не более как сто дней в году в среднем.

Но кто же тогда эксплоатировал хлопкороба, кто причинял те разрушительные экономические бедствия хлопковому хозяйству, от которых оно страдало? Конечно же не российский „передовой“ капитал. Хлопкороба эксплоатировал местный „архаический“ торгово-ростовщический капитал: ...„*туземный капитал и как покупатель, и как продавец, был поставлен лицом к лицу с основной массой непосредственных производителей хлопка и другого сырья, и, поэтому, непосредственно эксплоатировал их при помощи самых варварских, самых беспощадных методов ростовщической эксплоатации*“.[1])

То, что господствовавшие царские колонизаторы вплоть до революции края, сваливали вину за все экономические бедствия, обрушившиеся на хлопкороба, на туземную буржуазию, это теперь [illegible] переносит в свою „марксистскую“ книжку; российский „передовой“ империализм тут совершенно не причем. Туркестан „исключительно (не шутка! Н. Г.) эксплоатировал“ туземный торгово-ростовщический капитал. То, о чем умалчивали эти писатели, что старались всячески замазать — это именно вопрос о том, что российские торгово-ростовщические фирмы и целые отряды [illegible] героев первоначального накопления эксплоатировали страну „при помощи самых варварских, самых беспощадных методов ростовщической эксплоатации“, — то

[1]) [illegible], стр. 114. Подчеркнуто автором.

и наш почтенный „марксист" изволит замалчивать и замазывать. При этом замалчивает он это не только для эпох, когда по его мнению[1]) в Средней Азии „безраздельно" господствовал промышленный капитал, а затем империализм, но даже и для эпохи, в которую, по его же концепции, господствовал российский торговый капитал. Как будто этот (видимо потому что он российский) не был ни „хищническим" ни „архаическим" и не был способен на то, чтобы применять те же „самые варварские" и „самые беспощадные" методы эксплоатации, что и туземный торговый капитал.

Впрочем через несколько страниц автор спохватывается:

„Было бы ошибкой предполагать, что ростовщический кредит являлся делом рук туземного торгово-ростовщического капитала и что крупные европейские фирмы представляли здесь приятное исключение" (стр. 122).

Но уже через несколько строк вина опять сваливается на туземный „всепожирающий" торгово-ростовщический капитал: „Ту- [illegible] как раз благодаря этой системе (то-есть системе разветвленного всепожирающего ростовщичества—П. Г.) „европейские", „цивилизованные" фирмы и эксплоатировали непосредственных производителей ростовщическими методами, хотя сами по себе и являлись представителями финансового или промышленного капитала". (Стр. 122).

Российские торгово-ростовщические фирмы, та самая головка всей системы торгово-ростовщической эксплоатации страны, которая была главным заправилой и главным героем во всей этой системе, сначала превращаются в представителей „финансового" и „промышленного" капитала и освобождаются от обвинения в торгово-ростовщической эксплоатации страны, а затем автор милостиво делает ее только „причастной" к торгово-ростовщической эксплоатации, при этом причастной не по своей вине, а по вине местного торгово-ростовщического капитала. Катиться дальше в шовинистическом стремлении защитить свою буржуазию, как „лучшую" и очернить местную буржуазию, как „худшую", уже некуда.

Если бы автор стоял не на точке зрения своих субъективных симпатий к российской буржуазии, а на точке зрения человека, который с марксистско-ленинских позиций анализирует социальные противоречия и ищет те конкретные эксплоататорские классы, в интересы которых упиралось развитие народного хозяйства Туркестана - колонии, то „байской" он бы назвал не только или даже не столько местную торгово-ростовщическую буржуазию, как это он сделал на странице 138, а, прежде всего, господствующие классы России—крепостников помещиков, российский торгово-ростовщический капитал и империалистическую буржуазию, высасывавшие всеми доступными и недоступными способами соки из народного хозяйства Средней Азии. Он бы показал, что именно

[1] Кстати сказать—неверному, как еще будет показано ниже.

они и прежде всего они несли в Туркестан не „прогресс“, а „опустошение“, как об этом говорят резолюции Коминтерна, он бы дальше вскрыл, как эта банда во имя своих эксплоататорских интересов „прежде всего об‘единяется с господствующими слоями прежнего социального строя—феодалами и торгово-ростовщической буржуазией против большинства народа“, как она „старается сохранить и увековечить все те докапиталистические формы эксплоатации (в особенности в деревне), которые являются основой существования ее реакционных союзников“.[1] Иначе говоря он бы показал нам совершенно иное взаимоотношение фактов. Он бы показал нам прежде всего и в первую очередь, как российские господствующие классы делали в Туркестане-колонии свое реакционное дело и что именно они являлись главными виновниками того, что в среднеазиатском кишлаке хозяйничали „многочисленные банды комиссионеров, посредников, чистачей, деревенских кулаков и прочих разновидностей торгово-ростовщического капитала“. (Лаврентьев стр. 158). Вместо того, чтобы разглагольствовать о том, как российская „прогрессивная“ буржуазия „запачкалась“, имея дело с местным торгово-ростовщическим капиталом, он бы показал нам, как она задерживая своим господством социальное развитие страны, была главным виновником сохранения этих форм капитала в среднеазиатском кишлаке.

Но наш автор—великодержавный шовинист до мозга костей и поэтому среди местной буржуазии он не находит ни малейшей прослойки передовой восходящей промышленной буржуазии, которая могла бы ставить вопрос о свержении колониального господства и на известных этапах революции участвовать в революционной национально-освободительной войне. Вместо этого, в стремлении возможно крепче „очернить“ местную буржуазию, он выдает за всю местную буржуазию архаические, торгово-ростовщические слои ее уцелевшие прежде всего благодаря российскому господству, называя ее „бандой“. Когда же дело касается русских господствующих классов, то они будучи главными бандитами в стране (наряду, конечно, с бандой местной торгово-ростовщической буржуазии, их агентом) уже этого эпитета не получают и квалифицируются автором, как „верхний этаж здания капиталистической эксплоатации, где располагался капитализм в его наиболее „передовых“, наиболее „прогрессивных“ формах“.[2]

РОССИЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Из всей же этой постановки с неизбежностью следует вывод, что и в борьбе за разрешение социальных противоречий в Туркестане российский империализм должен был итти впереди. Мы уже

[1]) Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. 6, стр. 127.
[2]) См. схему автора: „Структура буржуазной колонизации Туркестана“ на стр. 158.

видели выше, как по Лаврентьеву „буржуазная колонизация“ края вступала „в острое противоречие“ с ростовщической системой эксплоатации. Носитель этой „буржуазной колонизации“ российский империализм шел впереди, как сила прогрессивная,—туземная буржуазия выступает как сила реакционная. В революции, таким образом, получается интереснейшая расстановка сил—российские империалисты в деле освобождения среднеазиатского хлопкороба от ужасов колониальной эксплоатации должны были итти гораздо дальше, чем туземная буржуазия. Из числа революционных сил туземная буржуазия исключается, но зато сюда включается такая „прогрессивная“ сила, как российский империализм.

Но спрашивается тогда, почему же российские империалисты не преодолели ростовщика, почему не разрешили этого основного противоречия, не сняли с хлопкороба разрушительной торгово-ростовщической эксплоатации?

На проверке оказывается, что виноваты опять те же темные стороны российского империализма. Будучи прогрессивной передовой силой в Средней Азии российский империализм в то же время был запачкан в ростовщичестве. „Ростовщичество являлось органической частью всей системы капиталистической колонизации Туркестана“... „Уничтожение ростовщичества означало уничтожение сложившейся системы буржуазной колонизации, так как в таком случае уничтожался главный рычаг этой колонизации—ростовщическое закабаление непосредственных производителей“ (стр. 133). К тому же вообще эта задача „была не по плечу российской буржуазии, даже в том случае, если бы она искренно хотела его уничтожить“ (стр. 133). Видимо, она для этого была слишком слаба.

Вопрос о степени революционности туземной буржуазии, о том до какого этапа революции она могла итти в борьбе против империализма и на каком этапе ее связи со всей системой империалистического господства заставляют ее переметнуться на сторону империалистов,—этот вопрос автором совершенно не ставится. Абсолютная реакционность туземной буржуазии, даже по сравнению с империалистами, для него выступает как уже данное доказанное или само собой разумеющееся положение. Но зато вопрос о „прогрессивной“ борьбе империализма с „реакционным“ туземным ростовщичеством стоит совершенно актуально. Если империалисты в этой борьбе не побеждают, то этому мешает только их спайка с ростовщиками и их слабость. Все ставится на голову. Все перспективы приходится перевернуть вверх ногами. Все наши представления о ходе революции в Средней Азии, если принять всерьез лаврентьевскую концепцию, надо самым решительным образом пересмотреть, ибо перерастание среднеазиатской национально-освободительной, буржуазно-демократической революции в социалистическую теперь уже должно иметь совершенно другие этапы, чем оно имело на самом деле.

Итак, по Лаврентьеву российское господство несло в Среднюю Азию „прогресс“, буржуазную колонизацию, развитие промышленного капитализма. Эта колонизация каким-то чудесным образом не создавала, однако, туземной прогрессивной буржуазии. Капиталистическое обобществление народного хозяйства Туркестана, созданное российским господством, произошло без одновременного создания местной промышленной буржуазии. Та буржуазия, которая была в Туркестане, была реакционной торговой буржуазией, стоявшей на пути капиталистического развития страны. За это же развитие боролся „передовой“ российский империализм, способный вывести Туркестан-колонию „на широкую дорогу исторического развития“. Такова концепция Лаврентьева. Автор, однако, нас уверяет в предисловии к своей работе, что „колонизация Туркестана воспроизводила в основном наиболее характерные черты типичной буржуазной колонизации“. Изучение Туркестана-колонии он считает важным не только для того, чтобы изучить конкретные особенности истории Туркестана, но также и для того, „чтобы на конкретном историческом примере подчеркнуть типичные контуры экономического завоевания империализмом непосредственных производителей колоний“.[1])

Ревизия ленинской постановки колониального вопроса на конкретном примере Средней Азии, таким образом, самим автором расширяется до ревизии этой постановки по отношению ко всем колониям.

ЦАРИЗМ И ТУРКЕСТАН КОЛОНИЯ

Переходим к следующей проблеме — к вопросу о роли царизма в Средней Азии.

Точка зрения наших авторов на вопрос о роли российского самодержавия и его взаимоотношениях с российским империализмом далеко расходится с точкой зрения Ленина.

Вот как, по этому вопросу высказывается тов. Лаврентьев. На странице 4 у него читаем: „Политический режим царского правительства в Туркестане как нельзя более соответствовал насильственному включению полунатурального азиатского хозяйства в систему российского капитализма.

„Но этот же режим превращался в препятствие для капитализма, в той мере, в какой назревали необходимые предпосылки для крупного капиталистического производства на основе разложения натурально-хозяйственного строя туркестанской деревни“.[2])

Видимо, тов. Лаврентьев полагает, что чем дальше российский империализм шел по пути осуществления своих „прогрессив-

[1]) Лаврентьев, стр. 1—2.

[2]) Лаврентьев, стр. 4.

ных“ задач в Туркестане, тем больше назревали противоречия между империализмом с одной стороны и самодержавием с другой. Из этого же вытекает целый ряд утверждений на последующих страницах о противоречиях между колониальными интересами правительства и интересами экспансии российского империализма в Туркестане. Вопрос, таким образом, опять упирается в ту же проблему о „прогрессивной“ работе российского империализма в Средней Азии. Но такова ли постановка вопроса у Ленина?

„Политика октябристов, националистов, беспартийных „патриотов“ от „Нового времени“ до „Русского слова“, ясна и проста. Травля Австрии, науськивание на войну с ней, крики о „славянских задачах“ России—все это есть шитое белыми нитками стремление отвлечь внимание от внутренних дел России и „урвать кусок“ Турции. Поддержка реакции внутри и колониального, империалистического грабежа вовне—такова суть этой грубой „патриотической“ „славянской“ политики.

„Политика кадетов более тонко и дипломатично подкрашена, но, в сущности, их политика—тоже реакционная великодержавная политика империализма. Это особенно важно усвоить, ибо либералы хитро замаскировывают свои взгляды посредством демократически звучащих фраз“[1]).

Здесь у Ленина вовсе не прогресс и реакция противопоставляются друг другу, а две реакции идут параллельно. Чем больше прогрессирует империализм, тем реакционнее делается его колониальная политика, тем все больше и больше в своей реакционности он сближается с реакционностью самодержавия. Здесь еще не было слияния, но уже было прогрессивно-нарастающее сближение. И только Лаврентьевская постановка вопроса о „прогрессивной“ роли империализма в колонии может вести к постановке вопроса, что противоречия между самодержавием и империализмом в колониальном вопросе обостряются.

Конечно, крепостническое самодержавие имело в Туркестане-колонии *свои, крепостнические* интересы и империализм *свои, империалистические*, интересы. Совершенно верно и то, что эти интересы сплошь и рядом сталкивались и что по этой линии шла борьба, но *совершенно не верно полагать, что линия этих противоречий проходила там, где проходила линия противоречий между интересами развития капитализма в Туркестане-колонии и интересами российского самодержавия*, ибо на деле развитие капитализма в Средней Азии встречало на своем пути и господство военно-феодального империализма и господство империализма новейшего типа. Крепостник, торгово-ростовщический капитал и империализм *об'единенными* силами душили Туркестан коло-

1) Ленин,—соч. т. XIX, изд 1, стр. 14.

нию и всячески задерживали ее общественное развитие. Борьба за наиболее благоприятные условия для развития капитализма в Средней Азии могла быть (и была) наиболее плодотворной только тогда, когда она направлялась одновременно против всех этих трех душителей Туркестана-колонии. Ставить же так вопрос, как он поставлен у Лаврентьева можно только, исходя из его предпосылок о том, что господство империализма в колонии обязательно означает его „бурное вторжение во все поры народного хозяйства" и коренную перестройку колонии на капиталистический лад, что, следовательно, между интересами развития капитализма в колониальной стране и интересами господствующего в ней империализма никаких противоречий быть не может. Но ведь эта постановка вопроса не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Другой вопрос, связанный с этим, это вопрос о том, кто же преобладал в Туркестане; империалист или крепостник и торговый капитал—кто был главным хозяином в стране?

Тов Лаврентьев полагает, что Туркестан „....менее всего продолжал оставатся вотчиной отсталых и уходивших с авансцены форм торгово-ростовщического капитала. Наоборот, Туркестаном распоряжалась агентура российского (да и мирового) монополистического, промышленного и финансового капитала, как бы не игнорировали этого факта некоторые исследователи"[1])

Анишев ему вторит: .....самодержавное правительство за уступки во внутренних делах предоставило финансово-промышленному капиталу такие колонии как Туркестан, почти в неограниченно-свободную эксплоатацию"[2]).

Если поверить им, то приходится притти к заключению, что для колоний царской России вопрос о свержении господства крепостника-помещика и его союзника торгового капитала с их государственным аппаратом власти вовсе не стоял, или во всяком случае стоял на заднем плане. „Февраль" из истории колониальной революции в Туркестане должен выпасть совершенно или получить принципиально иное содержание, Но не так, однако, вопрос стоит у Ленина.

„В России, говорит Ленин, капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм"[3])

И далее рассказывается о том, как этот самый „военный и феодальный империализм" развертывает свою, „полуфеодальную

1) Лаврентьев, стр. 151. Подчеркнуто автором.
2) Анишев, стр. 23.
3) Ленин—соч. т. XVIII, изд. II, стр. 198—99. Подчеркнуто мной.

эксплоатацию „инородцев.“ Когда же вопрос стоит о революции, то Ленин, как первоочередную задачу этой революции, выдвигает задачу „освобождения буржуазной России от военно-феодального „империализма,“[1]) задачу отнятия у царизма „всякой возможности практиковать империаилистическую политику полуфеодального типа“[2]).

У Троцкого действительно есть постановка вопроса о том, что для последних лет перед революцией 1917 года в России уже был налицо только „чистый“ империализм и что в силу этого тогда была такая обстановка, когда уже противостояли: „не буржуазная нация старому режиму, а пролетариат буржуазной нации“. Но ведь это же у Троцкого. Не сознаться ли просто нашим авторам, где в действительности находится источник их „премудрости“ и просто сказать, что они полемизируют против ленинской постановки вопроса о „военно-феодальном империализме“ в России и его преобладающей роли и защищают соответствующие, давно опрокинутые и жизнью, и теорией положения Троцкого?

Впрочем у нас может выйти недоразумение. Авторы скажут нам, что мы, мол, вовсе не солидаризируемся с Троцким по вопросу о том, как нужно расценивать остатки крепостничества в России, роль самодержавия и задачи буржуазной революции, мы, мол, спорим только против механического перенесения внутри российских взаимоотношений империализма капиталистического и „империализма“ военно-феодального „по аналогии туда“, куда их „переносить нельзя“. (Анишев). Но ведь дело-то как-раз в том, что дать такое понимание взаимоотношений царизма и империализма в деле эксплоатации колоний, какое дает Анишев, иначе говоря, утверждать, что самодержавие „за уступки во внутренних делах“ предоставило империализму колонии „почти в неограниченную эксплоатацию“, это означает подвергнуть ревизии всю ленинскую постановку вопроса о связи внешней и внутренней политики, о взаимозависимости „уступок“ во внутренней политике и „уступок“ во внешней и т. д.

Ведь, когда Ленин в „Развитии капитализма“ ставил этот вопрос, развивая постановку проблемы о развитии российского капитализма „вширь“, то он нигде не сказал, что обладание колониями уже разрешает противоречие между крепостничеством и капитализмом; наоборот, он подчеркивал, что получение все новых и новых колоний для промышленного капитала (империализма) тоже только „ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение“. Но все же для него „само собой разумелось“, что „такое замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем“,

[1]) Соч. т. XVIII, изд. I, стр. 318. Подчеркнуто Лениным.
[2]) Соч. т. XIX, изд. II, стр. 286. Подчеркнуто Лениным.

что означало, конечно, еще большее обострение (но ни в коем случае не снятие) этого же противоречия.[1]

Когда же у наших авторов ставится вопрос о безудержном развитии капитализма в Туркестане-колонии, о том, что эта колония была предоставлена империализму „за уступки во внутренних делах“ в безраздельную его эксплоатацию, когда, наконец, границы развертывания этой эксплоатации и развития капитализма в Туркестане-колонии, авторы если и находят, что только в наличии „архаического“ местного торгового капитала, но ни в коей мере или степени не в преобладании в России „военно-феодального империализма“, то этим самым они утверждают, что противоречия между „буржуазной нацией“ и „военно-феодальным империализмом“ не просто ослабляются, чтобы потом еще больше обостриться, как по Ленину, а **снимаются**, как по Троцкому: уступка за уступку и вопрос решен!

Тем хуже для наших авторов, что для воскрешения **старой** постановки вопроса Троцкого они создают **новую** аргументацию. Если, мол, Троцкий, быть может, был не прав, ставя вопрос с того конца, с какого он его ставил, то он все же прав с другого конца—колониальный вопрос в России тому порукой.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Игнорирование (или ревизия—трудно сказать, чего здесь больше) ленинской постановки вопроса о развитии российского капитализма „вширь“ и о преобладании в России „военно-феодального империализма“ привели авторов и к довольно таки странной периодизации российского господства в Средней Азии.

Лаврентьев торжественно заявляет, что этапы российского господства, в Туркестане сменялись, „по мере эволюции форм российского капитала, по мере перерастания российского торгового капитала в капитал промышленный, по мере сращивания последнего с банковским капиталом“... и упрекает пишущего эти строки в том, что он „рассматривал экономику Туркестана изолированно от общерусского хозяйства и не заметил, поэтому, командующих социальных сил, скрывавшихся за спиной туркестанского торговца хлопком“. Но когда дело доходит до учета всех этих этапов „эволюции форм российского капитала“ и определения отсюда этапов колониального господства в Средней Азии, то у Лаврентьева получается вместо всего этого, просто напросто, коренной пересмотр марксистско-ленинской концепции истории России. До середины восьмидесятых годов, по Лаврентьеву, в Туркестане господствовал торговый капитал, значит он господствовал, видимо, и в России. Россия до этого времени видимо еще не вступила в эпоху промышленного капитализма, а только еще переживала эпоху „перерастания“ торгового капитала в промышленный. Затем гегемония в

[1] Соч. т. III, кн. 2, стр. 465.

Туркестане-колонии сначала переходит к промышленному капиталу, и далее, в XX веке, к империализму. Из-под пера Лаврентьева, таким образом, как из-под посоха какого-либо колдуна, тук-тук и выходит эпоха торгового капитала, тук-тук и как из под земли вырастает эпоха промышленного капитала, тук-тук далее — и приходит „чистый“ империализм. Все же остальное — крепостничество и все такие прочие остатки феодализма, — исчезают как по мановению волшебной палочки.

Не так, однако, стоял вопрос у Ленина. Не так он стоит и в марксистской историографии России. Торговый капитал в России „перерастал“ в промышленный вовсе не в середине восьмидесятых годов, а „немножечко“ раньше — смотри хотя бы знаменитые ленинские „Три стадии развития капитализма в русской промышленности“, в его „Развитии капитализма“, если уж нет охоты знакомиться вообще с марксистской историографией России. Не исчезло и крепостничество до самой революции 1917 года, а в связи с этим не исчез и „военно-феодальный империализм“ только потому, что появился, мол, империализм „*новейшего типа*“. Ленин поэтому и *империалистическую* борьбу России с Англией „из-за дележа добычи в Средней Азии“ протягивает далеко вглубь истории, по крайней мере до завоевания Средней Азии включительно,[1]) а это означает, что в колониальной политике царизма уже и тогда „на первом этапе“, по системе деления на периоды Лаврентьева, участвовал *не только* *крепостник и купец*, но и *промышленник*. Ленин, с другой стороны, и для 1916 года, говоря о России и о русском империализме, не упускает из виду, что Россия, вернее русское самодержавие, практикует „империалистическую политику полуфеодального типа“.

Подлинный учет того, как сменялись эпохи в истории развития российского капитализма и как этот капитализм развивался в условиях сохранения „могучих остатков средневековья“ (Ленин) повлек у Ленина и постановку вопроса о развитии российского капитализма „вширь“ (то-есть о распространении влияния российского промышленного капитала на колонии) в *условиях сохранения самодержавия и остатков крепостничества*, и постановку вопроса о *преобладании военно-феодального империализма* так же и в XX веке, когда Россия уже вступила в эпоху империализма. Схоластический же подход к вопросу Лаврентьева ведет к созданию отвлеченной схемы, из которой, во-первых, совершенно выпадает военно-феодальный империализм, который преобладал и господствовал в колониях России *на всех этапах*, и в которой, во-вторых, не смотря на громкие речи по этому вопросу, *неправильно* учитываются подлинные этапы развития российского капитализма.

---

1) Соч. Ленина, том XI, изд. 2, стр. 28.

№ 2201—3*).

ОСТАТКИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В самой непосредственной связи с вопросом о „прогрессивной“ роли российского империализма в Средней Азии, о том, что этот империализм „бурно вторгался во все поры хозяйства края, вдребезги разбивал ограниченные рамки замкнутого полунатурального хозяйства и, расчищая пути для всеобщего распространения капиталистического способа производства, переделывал край, „по своему образцу и подобию“—в самой непосредственной связи с этой „деколонизаторской“ постановкой вопроса, у наших авторов стоит также и вопрос о характере так называемого чайрикерства. Людям, которые с самого начала подходят к вопросу таким образом, что ставят Туркестан-колонию в положение страны, с неимоверно быстро развивающимся капитализмом, последовать за другими авторами и заявить, что широко распространенное в Средней Азии чайрикерство это есть остаток, или определенная разновидность крепостничества—никак нельзя. И они пошли по другой линии:

„Рассуждения о том, что чайрикерство это „своеобразный тип туркестанского крепостничества“—полемизирует тов. Лаврентьев против Зелькиной—„свидетельствуют, что капитализм возродил феодализм в виде чайрикерства на байских землях“. (Е. Зелькина, стр. 62); свидетельствуют и о недостаточном понимании роли русской колонизации, как инструмента именно буржуазной диференциации, и о своебразных формах проявления этой диференциации в условиях туркестанского хозяйства“.[1])

Нужно, видите ли, по Лаврентьеву понимать „роль русской колонизации“,—тогда чайрикер никак не может быть крепостным или полукрепостным—это „не крепостничество“, а „капитализм“, но капитализм „своеобразный“, как Лаврентьев выражается в другом месте.

Чтобы никак не допустить возможности консервации или, что еще „страшнее“ даже реставрации и развития крепостнических отношений в сельском хозяйстве Туркестана-колонии в условиях „буржуазной колонизации“, наши авторы прежде всего извлекают из ножен такое оружие троцкистского арсенала, как теорию о том, что торговый капитал обязательно должен разрушать феодальные отношения и создавать на их месте отношения капиталистические. „В туземной торговле хлопком, как и вообще в азиатской торговле с непосредственными производителями сырья, имелись все элементы самого неприкрытого грабежа и откровенной экспроприации. Эти элементы в основном состояли из спекуляции на ценах в периоды скупки хлопка (игра на понижение цен), обсчета и обвешивания, расплаты за хлопок промтоварами по вздутой

[1]) Лаврентьев, стр. 46. Подчеркнуто мной.

цене и т. п. Все это приводило к разложению натуральной организации производства туркестанского кишлака и аула, вызывая разорение и обнищание большинства непосредственных производителей и концентрируя на другом полюсе деревни средства производства и земельную собственность.

„Эти процессы сильно ускорялись благодаря широко развитой системе ростовщичества, которая собственно, неотделима от хлопковой торговли"[1]).

Если для Маркса-Ленина „сами по себе ни торговый, ни ростовщический капитал не составляют еще достаточного условия для возникновения промышленного капитала (то-есть капиталистического производства), они не всегда разлагают старый способ производства и ставят на его место капиталистический способ производства,[2]) то для Лаврентьева, как видим, вполне достаточно констатировать наличие кишлачной торговли и ростовщичества, чтобы уже из этого заключить, что это приводило к капиталистической диференциации, к созданию промышленно-капиталистических отношений.

Трудно сказать какая из этих двух установок является основной и влечет за собой другую—признание ли чайрикерства одной из форм капиталистического найма приводит к „деколонизации", а эта последняя—к ревизии маркео-ленинской постановки вопроса о торговом капитале и его роли в создании капиталистического общества, или может быть цепь взаимоотношений сплетена иначе, но отказать в некоторой последовательности этой системе ошибок никак нельзя. Раз речь идет о „деколонизации", о том что российский капитализм в Средней Азии „расчищал путь для всеобщего распространения капиталистического способа производства, то чайрикер в этой концепции иначе, конечно, не может и расцениваться, как вольнонаемный рабочий, или во всяком случае что-то очень близкое к этому. Иначе откуда же можно получить „всеобщее распространение капиталистического способа производства". Но как же спрашивается, все-таки удалось нашим авторам превратить издольщика в вольнонаемного рабочего, ведь издольщик, как известно, везде у классиков марксизма фигурирует как полукрепостной, переходная степень от крепостничества к капитализму.

Легко догадаться, что без соответствующей ревизии маркео-ленинского учения и здесь не обошлось. Так как этим делом главным образом, занимался тов. Анишев, а Лаврентьев только воспринял плоды его трудов, то нам придется сейчас перейти к рассмотрению анишевских построений по этому вопросу.

Чтобы доказать, что сам Ленин арендатора-дольщика превращает в вольно-наемного рабочего, Анишев на стр. 29 своей работы приводит следующий отрывок из „Развития капитализма":

[1]) Лаврентьев, стр. 115—116. Подчеркнут автором.
[2]) Ленин—Соч. т. III изд. II. стр. 133—34.

„Итак, мы видим здесь аренду совсем особого рода, выражающую не отказ владельца от собственного хозяйства, а развитие частно-владельческих запашек,—выражающую не укрепление крестьянского хозяйства посредством расширения его землевладения, а превращение крестьянина в сельского рабочего“.

Но спрашивается, действительно ли Ленин сказал здесь именно, то, что хотелось бы тов Аникееву? Достаточно привести не такой маленький вырванный отрывочек, а целиком все то место откуда взят отрывок, чтобы видеть, что Ленин там говорит совершенно другое. Вот это место:

„Особенно интересна форма отработков за землю—так называемых отработочных и натуральных аренд. В предыдущей главе мы видели, как в крестьянской аренде проявляются капиталистические отношения; здесь мы видим „аренду“, которая представляет из себя простое переживание барщинного хозяйства и которая иногда переходит незаметно в капиталистическую систему обеспечивать имение сельскими рабочими посредством наделения их кусочками земли. Данные земской статистики бесспорно устанавливают эту связь подобных „аренд“ с собственным хозяйством сдатчиков земли. „При развитии собственных запашек в частно-владельческих имениях у владельцев является потребность *обеспечить за собою добывание рабочих в нужное время*. Отсюда развивается у них во многих местностях стремление раздавать землю крестьянам за отработки или из доли продукта с отработками...“ Эта система хозяйства...“ имеет не малое распространение. „Чем чаще практикуется собственное хозяйство сдатчиков, чем меньше предложение аренд и чем напряженнее спрос на них, тем шире развивается и этот вид найма земель“ (ibid стр. 235, также стр. 367). Итак, мы видим здесь аренду совсем особого рода, выражающую не отказ владельца от собственного хозяйства, а *развитие частно-владельческих запашек*,—выражающую не укрепление крестьянского хозяйства посредством расширения его землевладения, а *превращение крестьянина в сельского рабочего*. В предыдущей главе мы видели, что в крестьянском хозяйстве аренда имеет противоположное значение, будучи для одних выгодным расширением хозяйства, для других—сделкой под влиянием нужды. Теперь мы видим, что и в помещичьем хозяйстве сдача земли в аренду имеет противоположное значение; иногда это—передача другому лицу хозяйства за уплату ренты; иногда это—способ ведения своего хозяйства, способ обеспечения имения рабочими силами“.[1] Нужно потерять последние остатки научной добросовестности, чтобы из этого отрывка сделать вывод, что Ленин издольную аренду называет одной из разновидностей вольного найма. Для всякого ясно, что

[1]) Ленин—соч. т. III, изд. II, стр. 146. Курсив везде, не исключая цитаты из Маркса, принадлежит Ленину.

Ленин здесь хотел сказать только то, что иногда при известных условиях аренда является средством обеспечения хозяйства рабочей силой. Крестьянина помещик сажает на маленький кусочек земли не для того, чтобы его эксплоатировать как полукрепостного должника, а для того, чтобы эксплоатировать его как вольнонаемного рабочего. Стирается этим самым грань между полукрепостнической—издольной арендой и вольным наймом? Ничего подобного. Ленин и здесь вольный наем называет вольным наймом, издольную же аренду „простым переживанием барщинного хозяйства". Если бы в данном случае главная цель помещика была в том, чтобы эксплоатировать крестьянина как арендатора-издольщика, иначе говоря, как полукрепостного, тогда бы это влекло за собой „отказ владельца от собственного хозяйства". Но помещик от этого не отказывается, он только раздает некоторую незначительную долю своей земли в аренду своим рабочим, чтобы привязать их к определенному месту и получить возможность в своем капиталистическом хозяйстве эксплоатировать их как вольно-наемных рабочих.

Кажется вопрос стоит проще простого, между тем недоразумение с вырзанной фразой—„превращение крестьянина в сельского рабочего" влечет за собой у Анишева превращение полукрепостного чайрикера в вольно-наемного рабочего.

Когда Ленин дает методологическое определение того, что из себя представляла издольщина в социально-экономическом смысле этого слова, то он просто излагает марксову постановку вопроса о „генезисе капиталистической поземельной ренты". Из этой же постановки вытекает, что „рента продуктами", иначе говоря, интересующая нас издольщина, является переходной ступенью от „отработочной ренты"—крепостничества к капиталистичаской ренте. Издольщина, поэтому и квалифицируется Лениным везде, как полукрепостничество, как переходная ступень от крепостничества к капитализму.

Переходных ступеней на этом пути эволюции земельной ренты, конечно, может быть очень много. Задача историка, поэтому, анализировать каждый конкретный тип издольщины, в каждом конкретном случае показать насколько далеко данный тип отдален от крепостничества и приблизился к капитализму, но сводить издольщину к вольно-наемному труду или хотя бы к „своеобразной форме" этого труда это будет полнейшей изменой марксистской методологии, будет не диалектическим, а механистическим подходом к вопросу.

Тов. же Анишев так именно и делает. Он „70—55 процентов всех случаев „аренды", имевшей место в среднеазиатском кишлаке, рассматривает, как „наемную работу на условиях издольной оплаты труда на полях хозяина". [1])

---

[1]) Анишев, стр. 73.

И удается это ему только потому, что он делает при этом несколько грубейших механистических сведений одного рода явлений, принципиально-отличных по своему содержанию, к другим. Получаемый издольщиком необходимый продукт в виде остатка продуктов его труда после расчета с хозяином, иногда на том основании, что и зарплата рабочего тоже необходимый продукт, иногда потому, что и чайрикер свой необходимый продукт в некоторых случаях, подобно рабочему, получает в виде денег (это тогда, когда хозяин выступает по отношению к чайрикеру также и в роли ссудщика),—Аничев называет заработной платой. Ссуженные арендатору-чайрикеру орудия производства, играющие в таких случаях просто роль ссудного, иначе говоря ростовщического капитала, Аничев на том основании, что и на фабрике и при издольной аренде есть собственник на орудия производства, которыми работает эксплоатируемый, называет промышленным капиталом. В результате и вырастает перед нашими глазами, как из под земли, такая издольная полукрепостническая аренда, которая вовсе не является издольной арендой, а просто напросто вольным наймом. Налицо эксплоатация (без учета того, что в классовом обществе всегда есть эксплоатация и нужно только различать ее типы),—налицо получение эксплоатируемым необходимого продукта, налицо, наконец, принадлежность орудий производства хозяину эксплоататору. Значит аренда—не аренда, а вольный наем.

Автором игнорировано указание Маркса, что вскрыть „самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя", можно только вскрывая „непосредственное отношение собственников, условий производства к непосредственным производителям. [1]) В результате получается такой подход к вопросу, при котором любой тип производственных отношений классового общества можно свести к отношениям капиталистическим и, конечно, наоборот—капиталистический тип производственных отношений к любому другому типу отношений классового общества.

И автору кажется, что Маркс делает то же самое. Больше того, он даже „исправляет" в работе одну из своих более ранних статей, в которых он „по ошибке" понял Маркса как-раз правильно и назвал чайрикера полукрепостным.

Между тем не только общеметодологическая установка Маркса по этому вопросу не оставляет никаких сомнений, что чайрикерство мы должны расценивать как полукрепостничество, но даже конкретное описание некоторых видов полукрепостничества, которое дает Маркс, вовсе не ставя, однако, своей целью описать все бесконечное многообразие этих видов, показывает, что точно

[1]) К. Маркс—„Капитал".т. III, ч. II, стр. 327. Подчеркнуто мной.

такой тип отношений, каким было чайрикерство Маркс причисляет к переходной форме от капитализма к крепостничеству, иначе говоря к полукрепостничеству. Вот интересное для нас место из 1 тома „Капитала“:

„В Англии первой формой фермера является сам крепостной bailiff (управляющий, бурмистр господского имения). По своему положению он напоминает древне-римского vilcicus'a, но с более узким кругом деятельности. Во второй половине XIV столетия на место bailiff'a становится фермер, которого **лэндлор снабжает семенами, скотом и земледельческими орудиями.** Положение его почти не отличается от положения крестьянина. Он только эксплоатирует больше наемного труда. Скоро он становиться „metayer“, половником-арендатором. Он доставляет одну часть необходимого для земледелия капитала, лэндлорд — другую. Валовой продукт разделяется между ними в пропорции, установленной контрактом“. [1]

Здесь мы находим все элементы, из которых складывается тот самый среднеазиатский чайрикер, которого Анишев изволит квалифицировать как вольно-наемного рабочего, но здесь нет механистических „сведений“, поэтому нет и анишевской постановки вопроса.

Если мы теперь проследим, как Анишев все же определяет чайрикерство, то продолжение той же механистической методологии мы найдем и в определении. Крепостнические черты за чайрикерством автор все же признает, но как? Механически соединяя их с капиталистическим: то чайрикерство является „наихудшим видом эксплоатации“ (стр. 57) или „мало похоже на капиталистическую форму эксплоатации“ (стр. 60), то чайрикер фигурирует у него „в качестве наемного рабочего“ (стр. 84) и „получает заработную плату“ стр. (89), а хозяйство, построенное на чайрикерском труде называется „предпринимательским хозяйством“ (стр. 84). Словом, чайрикер еще не совсем рабочий, это, по выражению Лаврентьева, „своеобразный тип“ вольно-наемного рабочего. Иначе говоря, опять получается эклектическая постановка вопроса—с одной стороны, и с другой стороны: с одной стороны—рабочий, с другой—крепостной. Соскользнув с ленинской диалектической постановки вопроса, с оценки издольщика, как **переходной** ступени от крепостничества к капитализму, как **полукрепостничества** со **всех сторон**, авторы так уже и не могут стать на правильные позиции, продолжая барахтаться на бухаринском „с одной стороны, с другой стороны“.

Так нашим авторам „удалось“ доказать, что торговый капитал и империализм в Средней Азии разложили натуральное хозяйство и крепостничество, вывели страну „на широкую дорогу“ и

[1] К. Маркс—„Капитал“. Том I. стр. 735—36. Подчеркнуто мной.

привели ее к „всеобщему распространению капиталистического способа производства“. Оказывается, все потуги „уничтожить“ остатки крепостничества в Средней Азии путем схоластических рассуждений ни к чему не приводят. Провыми (в смысле неработы) оказываются не наши деколонизаторы—Лаврентьев и Анишев, а Коммунистический Интернационал, который в цитированной книге резолюция VI Конгресса заявляет: „Везде империализм старается сохранить и увековечить все те докапиталистические формы эксплоатации (в особенности в деревне), которые являются основой существования его реакционных союзников“. Широкая распространенность полукрепостничества—чайрикерства в Средней Азии—красноречивейшая иллюстрация этому положению.

МАШИНЫ

В связи с вопросом о чайрикерстве стоит вопрос, о распространенности сельско-хозяйственных машин. Сделав из чайрикера вольнонаемного рабочего, из крепостного хозяйства капиталистическое, тов Анишев ставит себе непреодолимое затруднение в подходе к объяснению того факта, что техника сельского хозяйства в Средней Азии до самой революции была очень низкой? Если подходить к вопросу по-ленински, то раз сказано, что в Средней Азии получило широчайшее распространение капиталистический способ производства, значит нужно сказать, что в связи с этим в сельское хозяйство проникали и машины, так как по Ленину: „капитализм является фактором, вызывающим и расширяющим употребление машин в сельском хозяйстве, а применение машин к земледелию носит капиталистический характер, то-есть ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их“. [1]

Но факты противоречат, утверждению автора о широком развитии капитализма в сельском хозяйстве Средней Азии: машины туда не проникали. Анишев тогда выходит из положения ссылкой на „своеобразие“, иначе говоря „просовывает хвост туда, где голова не лезет“. Вот этот анишевский выверт:

„Высокая товарность хозяйства, широкое распространение наемного труда, несомненное зарождение предпринимательского типа хозяйства и вместе с тем никакого прогресса техники обработки—вот что отличало хлопководческое хозяйство дореволюционного времени. Мы указывали также, что причиной, задерживающей внедрение машин в сельское хозяйство, являлась приниженность массы населения, что для предпринимательского хозяйства, благодаря низким ценам на рабочие руки, а для трудового хозяйства в силу недоступности—делало применение машин излишним и невозможным“. [2]

---

[1]) Ленин—Соч. т. III, стр. 169.
[2]) Анишев, стр. 135.

Если бы чайрикерство было поставлено на свое место, если бы ему была дана верная оценка, как полукрепостничеству, тогда никаких этих вывертов на счет отличительных черт хлопкового хозяйства не потребовалось бы. Тем более, что ссылка на „отличительные черты" ничего не об'ясняет - они (черты) сами еще требуют об'яснения.

Если бы вопрос был поставлен по-ленински, нужно было-бы констатировать, что царившая в Средней Азии „отработочная система хозяйства и неразрывно связанное с нею патриархальное крестьянское хозяйство, по самой своей природе основаны на рутинной технике, на сохранении старинных способов производства. Во внутреннем строе этого хозяйственного режима нет никаких импульсов к преобразованию техники, напротив, замкнутость и изолированность хозяйства, нищета и приниженность зависимого крестьянства исключает возможность введения усовершенствований".[1])

Вопрос решается проще простого. Но попутно с этим и „прогрессивный" империализм теряет свою прогрессивность. Империализм, консервировавший и даже развивавший в Средней Азии крепостничество,—вот кто в конечном счете является виновником сохранения рутинности техники в сельском хозяйстве Средней Азии (я уже не говорю здесь о российском „военно-феодальном империализме", который к этому „прогрессивному" делу тоже был очень причастен). Но видимо нашим авторам так уж хочется отстоять свое колонизаторское положение о „прогрессивности" империализма, что они скорее идут на всякие нелепицы, чем на пересмотр своего положения об этой пресловутой „прогрессивности".

ЧТО ТАКОЕ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Но разделавшись описанным методом с чайрикерством, Анишев все же не склонен утверждать, что остатков феодализма в Средней Азии к революции 1917 года совершенно не было. Он только ищет эти остатки далеко не там, где их нужно искать: „Задачи буржуазно-демократической революции в Туркестане не были разрешены к Октябрьской революции. Но одного этого признания мало. Нужно установить и конкретные узлы и формы докапиталистических отношений. И нам кажется, что сами по себе земельные отношения, если оторвать их от отношений кредита и торговли, этим узлом не являются". [2])

Земельные отношения, дольщина, чайрикерство—не остаток феодализма. В сельском хозяйстве остатков феодализма нет. Они

[1]) Ленин Соч. т. III, изд. 2, стр. 169.
[2]) Анишев, стр. 51.

где-то в другом месте хотя бы там, где „отношения кредита и торговли".

На следующей же странице это положение расширяется в всю ширь. „Элементы", „закрепощающие" декханское хозяйство там перечисляются следующим образом: „административно-политическая и экономическая приниженность декханина, ростовщический кредит и условия рынка, отсутствие возможности выхода в промышленность (не в силу прикрепления к земле, а в силу отсутствия промышленности), отсталость техники и т. д.". [1])

Крепостничества нет, в земельных отношениях его не ищи. Оно в перечисленных „закрепощающих" элементах. Большей путаницы и более откровенного разрыва с марксизмом, кажется, нельзя и придумать. Остатки феодализма сначала выброшены из сельского хозяйства. Затем, когда нужно было сказать, что они все же есть, автор находит их не в отношениях производства, а где-то вне производства, в том числе и в условиях ростовщического кредита и рынка. И это, между прочим, в то время, когда на основании маркco-ленинского учения о единстве формулы торгового и промышленного капитала, рынок, кредит, ростовщичество мы можем зачислить только в капитализм, но не в остатки феодализма.

Но впрочем автор может сказать, что он перечисленные „элементы" вовсе не считает остатками крепостничества и феодализма, а только элементами „закрепощающими", иначе говоря, создающими феодальные отношения — так запутаны его формулировки, что в них иногда можно вкладывать самые разнообразные толкования. Но ведь тогда позволительно потребовать от автора свести концы с концами: если есть „элементы" „закрепощающие", то должно быть и само крепостничество. А где же оно, если чайрикерство не есть крепостничество? Как иногда все же трудно об'ективную действительность подгонять под оппортунистические схемы!

ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Переходим к следующей проблеме — к вопросу о том, можно ли к условиям Средней Азии применить ленинское учение о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве.

Т. Аминев считает, что нельзя, но как он подходит к решению этого вопроса?

Единственный мотив за то, что ленинская постановка вопроса здесь не подходит это то, что „крупная земельная собственность, возникшая в период и на основе натурального хозяйства, не имела места в законченном виде в Туркестанских ханствах, а неразвитый вид ее — крупные мюльки — был легко ликвидирован царским

[1]) Аминев, стр. 53.

правительством путем изменения налоговой системы..." [1]) и что в силу этого „образование крупного сельскохозяйственного капиталистического предприятия путем преобразования крупной феодальной земельной собственности было невозможно в условиях Туркестана".[2])

Эта постановка вопроса предполагает, что у Ленина вся проблема о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве России сводится только к констатации того факта, что в сельском хозяйстве России развивались два типа капитализма: один тип—крупное помещичье капиталистическое хозяйство и другой тип—хозяйство кулацкое.

Но в этом ли вся суть учения Ленина о „двух путях"?

Ставить так вопрос—это значит выхолащивать из учения Ленина всю его революционность, забывать, что проблема двух путей у Ленина—это проблема революции и эволюции. И там, и здесь ломка крепостничества и развитие капитализма, но там при „прусском" пути,—помещичья ломка этого крепостничества, ломка за счет крестьян и в интересах помещика; а здесь при „американском пути"—революционная ломка, уничтожение силою революции помещичьего землевладения в интересах крестьянства.

Чтобы постановка вопроса о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве данной страны была правомочна, для этого нужно, во-первых, чтобы было налицо крепостническое хозяйство и во-вторых, чтобы в деревне наметились две тенденции: одна эволюционный путь внедрения капитализма и другая—путь революционный, крестьянский. Были ли в Средней Азии все эти три условия, так сказать, три элемента, из которых складывается конкретное содержание ленинского учения о двух путях? Да, были. Если Аникеев хочет нас уверить, что в Средней Азии не было остатков крепостничества, то это еще не значит, что их в действительности не было. Но уверять нас и в другом, что здесь не было двух тенденций в развитии капитализма, он тоже не может, ибо и в Средней Азии могла происходить ломка крепостничества путем медленной эволюции, с соблюдением интересов землевладельцев-крепостников (она так фактически и происходила до революции 1917 года, только, конечно, не в таких формах и не такими темпами, как в России, и путем революционным, путем колониальной революции, включающей в себя и революцию аграрную. Отрицание двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве Средней Азии еще один аникеевский налет на ленинизм.

И очень характерно, что это отрицание, будучи само по себе перенесением постановки этого вопроса Троцким для России в условия Средней Азии, повлекло за собой также и другие троцкистские выводы. Если по Ленину, например, постановка вопроса о

[1]) Аникеев, стр. 15.
[2]) Там же, стр. 16.

двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве включала в себя также и положение, что основная линия противоречий в сельском хозяйстве до революции пролегала между всеми помещиками с одной стороны и всем крестьянством—с другой, то Анишев, отрицая возможность постановки этого вопроса для Средней Азии, переносит и основную линию противоречий туда, где она ни в коем случае проходить не могла. Разделив все чайрикерство, исходя не из признака „непосредственных отношений собственников условий производства к непосредственным производителям", как это полагалось бы по Марксу, а только по признаку размеров той доли урожая, которую получал чайрикер, он торжественно заявляет, что „первые два случая (случаи, когда чайрикер получает себе $^{2}/_{5}$ и меньше $^{2}/_{5}$ урожая—П. Г.), то-есть 70—75 процентов всех случаев „аренды", мы отказываемся рассматривать, как аренду и рассматриваем, как наемную работу на условиях издольной оплаты труда на полях хозяина"[1]).

Линия противоречий таким образом проложена не между капиталистическим и крепостническим хозяйствами, а по чисто случайному признаку, внутри крепостнического хозяйства. Разобранная уже выше ошибка в оценке чайрикерства в цитированном месте получает особенно яркое свое выражение.

КОНЦЕПЦИЯ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Совершенно неизбежно вся эта путаница повлекла за собой и путаницу в начерченных автором перспективах аграрной, да и не только аграрной, революции Средней Азии. Вот выразительнейшее в этом отношении место:

„Основным типом помещичьего хозяйства в России было хозяйство, основанное на отработках крестьянским инвентарем; по сравнению с этим хозяйством крестьянское мелкобуржуазное хозяйство было хозяйством прогрессивным и с точки зрения развития производительных сил и с точки зрения развития классовой борьбы.

„Основным типом крупного хозяйства в передовых районах Туркестана,—то-есть в тех районах, где хлопководство заняло доминирующее место, определяя собой всю социальную структуру сельского хозяйства,—было хозяйство, основанное на чайрикерском труде при средствах производства хозяина (подчеркнуто автором). С точки зрения развития классовой борьбы, а это является основным критерием для марксиста, эти хозяйства представляли собой более высокую ступень, чем мелкое дехканское хозяйство (подчеркнуто мной), так как собирали в одно место большое количество сельских рабочих, работающих средствами производства одного хозяина. В них несомненно были элементы крепостного хозяйства,

[1]) Анишев стр. 73.

ю по своему строю крупные хлопководческие хозяйства находятся где-то посредине между теми „отрезками“, которые Ленин предлагал безусловно экспроприировать и теми, на которые Ленин предлагал не распространять положение об „отрезках“[1])

Выходит, что если в России борьба против крепостничества, против помещика была делом прогрессивным, то борьба в Средней Азии против таких остатков крепостничества, как чайрикерство, поскольку эти остатки крепостничества автором уже зачислены по табелю капитализма,—есть борьба реакционная. Помимо очевидной нелепости всей общей постановки вопроса в приведенной цитате—в ней со всей яркостью еще лишний раз обнаруживается и разрыв автора с элементами марксистской методологии. Критерием для определения прогрессивности или реакционности данного хозяйства для автора является не его внутренний строй, не подлинные отношения эксплоатации, на которых построено данное хозяйство, а то, что средства производства в одном случае принадлежат крестьянину, а в другом хозяину и что в данном хозяйстве собрано „в одно место большое количество сельских рабочих“.

При такой методологии любая крупная крепостническая латифундия или даже плантация, построенная на рабском труде, с орудиями производства, принадлежащими хозяину, может представить собой „более высокую ступень, чем мелкое декханское хозяйство“. К чему только не сможет привести измена марксо ленинской диалектике и применение метода механистических „сведений“ принципиально отличных явлений к одному и тому же понятию?

Но раз уже автор стал на точку зрения, что хозяйство, построенное на чайрикерстве—более высокий тип хозяйства, чем „мелкое декханское хозяйство“, то само собой разумеется, что большевики никак не могли стать на путь ликвидации этого хозяйства в интересах мелкого производителя декхана. Это было бы экономической реакцией. Оппортунистическая концепция революции, как вывод из этого, получает следующую формулировку:

„Прежде всего нужно отметить, что в силу известных исторических условий мы не смогли дать ничего декхану немедленно после завоевания власти. Это несомненно послужило причиной затяжки басмаческого движения. Мы не могли провести немедленно земельной реформы и мы не сделали того, что могли и должны были сделать: об‘явить о ликвидации прежней задолженности. Несмотря на то, что об‘ективные условия не давали нам возможности установить взамен старых экономических связей новые, как мы имеем это сейчас, все же несомненно большим упущением советского правительства Туркестана было то, что в период с 1917 по 19.8 год вопрос о прежней задолженности декхан-

---

[1]) Анишев, стр. 50.

ства не был поставлен. Эта мера здесь, в связи с громадной задолженностью мелкого хозяйства и в связи с ипотечным характером этой задолженности, сыграла бы роль, подобную той, которую сыграл в России декрет о земле. Классовая борьба, развернувшаяся вокруг такого декрета, могла бы в значительной мере расчистить почву для проникновения в кишлак советского кредита. Без этого наш кредит пробивает себе дорогу через весь ростовщический хлам не только советского, но и досоветского периода. Это является одной из причин трудностей борьбы социалистического кредитования с ростовщическим капиталом"[1]).

Гвоздь вопроса для автора, когда он говорит об аграрной революции в Средней Азии, заключается не в ликвидации остатков крепостничества, а в ликвидации задолженности декханства ростовщику. Не ликвидация остатков крепостничества могла сыграть роль „подобную той, которую сыграл в России декрет о земле", а ликвидации ростовщической задолженности.

В наивном заблуждении, что подлинным остатком феодализма в Средней Азии являлось не чайрикерство, а „условия скупки и кредита", автор дает концепцию революции—сначала ликвидации задолженности, а потом..., надо полагать, социалистическая революция в сельском хозяйстве. Что революция пошла не по этому пути это его смущает мало. Сделать так „могли и должны были" но... по ошибке ли партии или по другим каким причинам не сделали. Автору и невдомек, что если ростовщическая кабала питала собой крепостничество, то тем более остатки крепостничества, власть бая над землей и чайрикерством питали ростовщичество. Всякая борьба с ростовщичеством могла быть (и была) только полумерой до тех пор, пока в сельском хозяйстве Средней Азии оставались неликвидированными остатки крепостничества и пока не была в самой своей основе подорвана экономическая база ростовщика и землевладельца. Но если указанное обстоятельство (на счет ростовщичества) автора не смутило, то другое обстоятельство, не менее важное, его все же смущает: и ликвидация 70,5 процента чайрикерства, того самого, которое зачислено по списку вольно-наемного труда, и ликвидация остальных 29,5 процентов земельной реформы 1925-1926 годов происходят в одно и то же время. Сказать, что и здесь „ошибка" партии и советской власти—автор уже больше не рискует. Но как же тогда быть с основной линией противоречий, проведенной автором между этими двумя частями остатков крепостничества? Запутавшись, автор выходит из положения ценой ревизии еще одного из элементов ленинского учения. Вот этот очередной выверт.

„Мы не забываем о том, что сама программа „отрезков" сменилась позже программой национализации земли, но принципиаль-

[1]) Аникеев, стр. 51. Подчеркнуто автором.

но иное отношение к помещичьим хозяйствам различного типа не изменилось и при переходе к программе национализации. Оно изменилось лишь при диктатуре пролетариата, при перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, когда мы могли не ограничиваться национализацией земли, но и итти дальше, к экспроприации средств производства. И только при диктатуре пролетариата возможна стала ликвидация этих хозяйств, в то время, как теоретически ликвидация помещичьих хозяйств в России могла быть и при радикальной буржуазно-демократической революции" [1]).

Для того, чтобы протащить свое утверждение, что одновременная ликвидация всего чайрикерства в Средней Азии произошла именно потому, что эта ликвидация совершается в эпоху диктатуры пролетариата, тов. Анишев допускает в одном и том же абзаце сразу две клеветы на Ленина. Клевета первая, что по Ленину, якобы, только теоретически „ликвидация помещичьих хозяйств в России могла быть мыслима и при радикальной буржуазно-демократической революции", и клевета вторая, что после смены программы „отрезков" программой национализации земли у Ленина, „принципиально иное отношение к помещичьим хозяйствам различного типа не изменилось". Вот как сам Ленин опровергает эти клеветнические наветы троцкиста Анишева.

Говоря в „Аграрной программе социал-демократии" о второй крестьянской линии решения аграрного вопроса в России, Ленин формулирует свой взгляд на возможность такого пути следующим образом:

„Какова же другая, крестьянская линия? Либо она экономически невозможна, и тогда все разговоры о конфискации крестьянами помещичьей земли, о крестьянской аграрной революции и прочее—одно шарлатанство или пустое мечтание. Либо она экономически возможна, при условии победы одного элемента буржуазного общества над другим—и тогда мы должны ясно представить себе, и ясно показать народу конкретные условия этого развития, условия крестьянского пересоздания старых землевладельческих отношений по-новому, по-капиталистическому" [2]).

Именно „при условии победы одного элемента буржуазного общества над другим элементом буржуазного общества", то-есть как-раз „при радикальной бужуазно-демократической революции" решение аграрного вопроса крестьянским методом было экономически возможным. Тов. же Анишев подсовывает Ленину такой взгляд на вещи, который сам Ленин называет „шарлатанством и пустомечтанием".

---

[1]) Анишев. Стр. 50.

[2]) Ленин, т. IX, изд. I. стр. 492. Подчеркнуто мной

То же самое и со вторым вопросом. Вот как сам Ленин расценивает свою ошибку в аграрном вопросе в 1903 году:

„Программа 1903 года делает попытку конкретного определения содержания и условий того „пересмотра“, о котором в 1885 году социал-демократы говорили в общей форме. Эта попытка в главном пункте программы об „отрезках“—основывалась на примерном отделении земель, служащих для крепостническо-кабальной эксплоатации („отрезанные у крестьян в 1861 году“), и земель, эксплоатируемых капиталистически. Такое примерное отделение было совершенно ошибочно, ибо на практике движение крестьянских масс не могло направляться против особых разрядов помещичьих земель, а только против помещичьего землевладения вообще“.[1])

Ленин основную ошибку программы 1903 года об „отрезках“ видит как-раз „в примерном отделении земель“, служащих для крепостническо-кабальной эксплоатации, и земель, эксплоатируемых капиталистически“ и отказывается от этой ошибки, а Анишев изволит утверждать, что у Ленина „принципиально иное отношение к различного типа помещичьим хозяйствам не изменилось и при переходе к программе национализации“... и что изменилось оно только „при диктатуре пролетариата“..., ...„когда мы могли не ограничиваться национализацией земли, но и итти дальше, к экспроприации средств производства“. Как будто Ленин также, как и Анишев схоластически подходил к определению типа производственных отношений по признаку принадлежности орудий производства хозяину, как будто Ленина останавливала какая-то невозможность в рамках буржуазной революции наряду с национализацией земли национализировать и орудия производства у помещиков...

Не верно перенесение основного противоречия в сельском хозяйстве Средней Азии с линии противоречия капитализма и крепостничества на линию произвольно выбранного водораздела между отдельными оттенками в типах этого крепостничества. Не верна и вся анишевская концепция аграрной революции Средней Азии, сводящаяся в конечном итоге к тому, что земреформа—это в основе своей социалистическое мероприятие и только в незначительной своей части мероприятие буржуазно-демократическое. Было, ведь, как-раз наоборот. Клевета на Ленина по случаю попытки доказать такие положения—лучшая иллюстрация того, как трудно „и невинность соблюсти, и капитал приобрести“, и казаться ленинцем, и защищать оппортунистические позиции.

Теперь о басмачах. По Анишеву получается, что „затяжка басмаческого движения“ произошла потому, что „мы не смогли дать ничего дехкану немедленно после завоевания власти“. По не-

[1]) Ленин—Соч. т. XI, изд. II, стр. 363—64. Подчеркнуто мной.

му же получается, что мы декхану ничего не дали до земельной реформы, то-есть до 1925 года, того времени, когда басмачество уже окончательно было ликвидировано. На чем же, спрашивается базировалась наша победа над басмачами? Неужели только на грубой силе? Если исходить из анишевских положений, то это было действительно так. Но так ли было на самом деле?

Когда ЦК РКП 29 июня 1920 года выносил постановление об „основных задачах РКП в Туркестане“, то он подходил к вопросу далеко не по-анишевски. Он ставил основными задачами партии в Туркестане во первых: „ликвидацию отношений, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате пятидесяти с лишком лет империалистической политики самодержавия“. И во-вторых: „ликвидацию патриархально феодального наследия, сохранившегося в общественных отношениях туземного населения, в целях введения советов трудящихся, каковые (советы) должны обеспечить население от всякой эксплоатации и осуществить союз с республиками, в которых пролетариат в состоянии проводить переход к коммунизму“. [1])

Во исполнение этих задач ЦК наметил целый ряд практических мероприятий, среди которых такие, как: отобрание земли у переселенцев, обеспечение землей безземельных декхан, обезоружение байства, высылка из Туркестана царских чиновников, уравнение в продовольственном отношении местного населения с русским, поддержка развития местной промышленности и т. д.

Все эти мероприятия разве не были теми мероприятиями, которые *немедленно* давали декханину не только кой-что, но даже очень многое. Они уже были началом ликвидации национального неравенства, как политического так и экономического. Земельная реформа была не первым и даже не одним из первых мероприятий, дававших что-то реальное местному населению. Она была *завершением* „ликвидации патриархально-феодального наследия, сохранившегося в общественных отношениях туземного населения“ и переходным пунктом к социалистической реконструкции сельского хозяйства Средней Азии. Эта постановка вопроса нашим ЦК для Анишева—книга за семью печатями по той простой причине, что его троцкистские очки вообще мешают ему видеть все то „патриархально-феодальное наследие“, которое сохранилось в Средней Азии до революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путаницы во всем изложении критикуемых авторов, конечно, очень много и нет никакой возможности разбирать ее во всех деталях, но если все же „отвлечься“ от известной доли этой путаницы и попытаться охватить всю основную концепцию авторов

[1]) Г. Сафаров. „Колониальная Революция“ стр. 120.

№ 2201—4*.

как мы это пытались сделать выше, то перед нами выступает троцкистско-колонизаторская концепция истории Средней Азии за время российского господства и, в некоторой степени, за время революции. Все изложение ,как видели, у авторов построено так и для того, чтобы оправдать колониальное господство России в Средней Азии, чтобы прикрасить его, чтобы замазать основные колониальные противоречия, чтобы запутать подлинную расстановку классовых сил перед революцией и во время революции. В этом—великодержавный шовинизм этой концепции.

Теоретической базой для авторов служили, во-первых,—теория „деколонизации" и, во-вторых,—троцкистские положения об отсутствии в колониях остатков крепостничества, о реакционности колониальной буржуазии, о „чистом" империализме в Росси накануне революции 1917 года и т. д. При этом к решению основных теоретических вопросов авторы подходят не как марксисты диалектики, а как последовательные механисты.

Все сказанное выше об этой концепции говорит о том, что это концепция не наша, не большевистская. Она отражает не интересы пролетариата, а будучи великодержавно-шовинистической, интересы „отживающих классов господствующей ранее великорусской нации" (из резолюции XVI с'езда партии). Партия не только должна дать решительный отпор этой концепции, не только широко разоблачить ее антипролетарский, контрреволюционный характер, но и поставить перед ее авторами вопрос, кто они такие, с нами они или против нас, идут ли они с партией в борьбе за ее генеральную линию или они против партии, с контрреволюционным троцкизмом и великодержавным шовинизмом?

Н. ЛЬЯКОВ

К ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Для хозяйственного развития большей части той территории, которая входит теперь в состав Таджикской ССР, и для культурного развития таджиков национально-государственное размежевание Средней Азии и организация Таджикской республики имели особенно важное историческое значение.

До нацразмежевания и до вхождения в состав СССР в Восточной Бухаре революция внесла гораздо меньше перемен, чем в любом другом районе СССР. Весь дореволюционный уклад жизни сохранился там в большей степени, чем в других районах Средней Азии. И в то время как разруха, вследствие того, что Восточная Бухара являлась долгое время ареной гражданской войны, была очень велика, не было сделано почти ничего, что могло бы привлечь основную массу дехканства на сторону революции, что помогло бы вырвать ее из-под влияния байства, духовенства и чиновничества во время существования Бухарской НСР. Также наиболее отсталыми районами Туркестанской ССР являлись те районы, которые вошли в состав Таджикистана непосредственно после нацразмежевания. Революционная волна докатилась до этих районов и позднее, и слабее. Сопротивление же контрреволюции было в них особенно упорным. (Матча, Фалгар и другие). Можно также сказать, что национальная политика пролетариата на населявших эти районы таджиков, как впрочем и на всех таджиков Туркестана и Бухары в целом, распространялась только перед самым национальным размежеванием. До 1924 года в числе коренных национальностей таджики не значились; на территории Туркестанской ССР не было ни одной таджикской школы, не было таджикских газет, не издавалась на таджикском языке литература, несмотря на то, что таджики Туркестанской ССР численно превосходили даже туркмен.

В Бухаре, где до революции таджикский язык являлся языком эмирского двора, языком старой школы и в то же время языком второй по численности национальной группы (после узбеков) при

Бухарской Народной Советской Республике; язык этот был совершенно вытеснен из государственного обращения, а таджики как нация были вычеркнуты из списка наций БНСР.

Попытка об'яснений запоздалой советизации тех районов Туркестанской АССР и Бухарской Народной Советской Республики, которые вошли впоследствии в состав Таджикистана, только хозяйственной отсталостью этих районов и географическим их положением, также, как и об'яснение искажения национальной политики в отношении таджиков культурной их отсталостью невыдерживает критики. Если запоздалая советизация районов Таджикистана и может еще быть до некоторой степени об'яснена хозяйственной и культурной отсталостью этих районов, живучестью в них докапиталистических отношений, то отсутствие культурного обслуживания таджиков, игнорирование их национальных особенностей не может иметь оправдания. Причина этого явления лежит в некоторых специфических особенностях развития национального движения в Туркестане и в Бухаре, как до революции, так и после нее.

В чем же были эти особенности?

I

Бухарская революция 1920 года сделалась неизбежной после того, как эмирская Бухара оказалась в советском окружении. Бухарские джадиды, стоявшие во главе бухарской революции, а в последствии и во главе бухарского народного правительства, не были революционной партией в полном смысле этого слова до Октября 1917 года. Джадиды были представителями течения, сложившегося в Средней Азии в период еще недостаточно резкой классовой диференциации не только в кишлаке, но и в городе. Поэтому джадиды об'единяли довольно разнородные буржуазные прослойки: мелкую буржуазию и буржуазную нацинтеллигенцию, нарождающуюся кишлачную буржуазию и крупную промышленную буржуазию, и часть торговой буржуазии в Средней Азии. В джадидском движении принимали участие и играли немаловажную роль также некоторые, связанные с буржуазией, феодальные элементы: часть духовенства и эмирского чиновничества и т. д. Но в то время, как в Туркестане основную роль в джадидской организации играли мелко-буржуазные элементы, в Бухаре относительно большее значение имели торгово-капиталистические элементы.

Политическая программа бухарских джадидов, почти целиком скопированная с программы турецкой национально-буржуазной партии „Единение и прогресс“, не простиралась дальше требования проведения в Бухаре довольно умеренных реформ и весьма куцей конституции. Даже об установлении буржуазно-республиканского строя бухарские джадиды до февраля, или вернее до октября 1917 года и не думали.

Только после колесовских событий уже в эмиграции, за пределами Бухары, когда часть джадидов входит во вновь организованную бухарскую коммунистическую партию, другая же часть об'единяется вокруг „Бюро революционных младо-бухарцев", установление в Бухаре республики делается программным требованием этой организации.

После свержения эмира у власти стали джадиды, и несмотря на то, что часть джадидов вошла в БКП, и хотя под влиянием советского окружения, в котором находилась Бухара, власть была организована там по советской системе—по своей классовой сущности новое бухарское правительство, правительство джадидов, было правительством бухарской буржуазии.

Бухарская революция не сразу коренным образом изменила социальное лицо Бухары. После революции и захвата власти в руки джадидов феодальные группы, беки и духовенство были правда сильно оттеснены от власти, но еще не окончательно устранены. Причем, чем дальше от центра, наиболее затронутого капиталистическими отношениями до революции и наиболее тесно связанного с советским Туркестаном после революции, чем уже становилась социальная база буржуазии, тем меньше изменений внесла Бухарская революция во взаимоотношения между различными социальными группами, тем в большей неприкосновенности сохранили свои прежние экономические и политические позиции феодальные элементы. Так, в Восточной Бухаре к участию в проведении советской системы был привлечен кушбеги эмира, наместник его—гиссарский бек Аулия-Кулбек. Для упрочения связи с ним представитель бухарского правительства Усман Ходжаев даже женился на дочери его.

До 1922 года в Восточной Бухаре сохранилось танхо [1]) с той только разницей, что разрешение на взимание оброка с крестьянских дворов давал не бек, а председатель диктаторской комиссии, представитель правительства БНСР.

Почти в полной неприкосновенности сохранился и эмирский налоговый аппарат в Восточной Бухаре. И хотя налоговая система несколько изменилась—был введен ушур (десятина) и закоти совоим, [2])—собирали налог те же амлякдары, что и при эмире. Формально эмирские аксакалы, и минбаши были заменены исполкомами, но в исполкомах сидели те же эмирские аксакалы и минбаши, те же чиновники, родовые узбекские вожди и муллы.

До нацразмежевания бухарское правительство не делало никаких вложений в хозяйство Восточной Бухары. Эта часть БНСР должна была существовать и содержать аппарат (в значительной

---

[1]) Танхо—право на взимание оброка с определенного количества крестьянских дворов, которое давалось беком эмирским чиновникам. Количество дворов, или вернее тягл (куш), зависило от чина.

[2]) Ушур—налог с урожая хлебов. Закоти совоим—налог с мелкого скота.

мере старый эмирский) за свой счет. Доходы же республики в связи с разорением хозяйства гражданской войной, в связи с запустением южной части края сильно сократились (из Куляба и Курган-Тюбе эмигрировало до 200 тысяч душ). Посевы хлопчатника сошли на нет. Ирригационная сеть была разрушена. Почти ничего не было сделано в области культурного строительства и на всю Восточную Бухару приходились две советских школы с 60-70 учениками.

Всю эту задержку в решении революционных задач и всю непоследовательность вопроса об устранении от власти феодалов можно об'яснить только буржуазной сущностью нового бухарского правительства.

Но той же буржуазной сущностью нового правительства БНСР об'ясняется и та двойственность политики, которую вело правительство БНСР, особенно до июля 1923 года, как по отношению к РСФСР, так и по отношению к эмирской контрреволюции—басмачеству. Тесная экономическая связь между Бухарой и Россией установилась после вовлечения Бухары в сферу влияния российского капитала. Октябрьская революция создала условия для еще большего укрепления хозяйственной связи, но уже на новой основе. Если до революции отношения между царской Россией и Бухарой были отношениями империалистического государства к его колонии, то теперь эти отношения коренным образом изменились и связь Бухары с пролетарской Россией обеспечивала быстрое развитие хозяйства Бухары, в котором были заинтересованы широкие массы населения самой Бухары. Поэтому связь с РСФСР для правительства БНСР была неизбежной.

Новое, буржуазное по своей классовой сущности, правительство Бухары вынуждено было пойти на союз с диктатурой пролетариата, так как своими силами не могло бороться с эмирской контрреволюцией.

С другой стороны, боязнь установления диктатуры пролетариата в Бухаре, боязнь того, что широкие массы декканства и батрачества под руководством пролетариата РСФСР превратят Бухару из „советской по форме" и „буржуазной по содержанию" республики в подлинно советскую страну, стремление удержать в Бухаре свои классовые позиции—заставляло бухарское народное правительство относиться к РСФСР настороженно. В силу этого басмачество, эмирскую контрреволюцию они подчас расценивали, как положительный для себя фактор, как один из моментов, препятствующих вовлечению БНСР в сферу полного политического влияния диктатуры пролетариата. Отсюда вытекала пассивность (если ни что-либо большее) в борьбе с басмачами.

Представители правительства БНСР в главном районе деятельности басмачества—в Восточной Бухаре—смотрели на борьбу, которую вела с басмачами Красная армия, как нейтральные зри-

тели, и нейтралитет их был подчас благожелателен по отношению к басмачам.

Такое двойственное отношение бухарской власти не могло способствовать ликвидации басмачества и оставляло широкие дехканские массы под идейным влиянием контрреволюции.

Так продолжалось вплоть до 1922 года, до перехода председателя ЦК БНСР Усман Ходжаева на сторону басмачества.

После этого случая, когда один из членов правительства решительно шагнул в сторону контрреволюции, правительство в большинстве своем вынуждено было повернуть влево, и заняло уже более определенную позицию по отношению к басмачеству.

II

До 1924 года, то-есть до самого нацразмежевания, основными национальностями Туркреспублики считались казаки, узбеки и туркмены. Таджики, как уже было сказано, в списке коренного населения Туркреспублики и БНСР не значились.

Чем это об'яснить? Это нельзя об'яснить большей отсталостью таджиков, так как культурный уровень таджиков безусловно и до революции был выше культурного уровня туркмен и не был ниже культурного уровня узбеков. Таджикский язык (фарсидский) уже очень давно, гораздо раньше всех других языков Средней Азии, стал языком литературным; таджикский язык был государственным языком эмирской Бухары. На таджикском языке наравне с узбекским печатались немногие, издававшиеся местными джадидами до революции, журналы (журнал „Ойна", М. Х., „Бехбуди") и книги.

И несмотря на это, после революции таджики вычеркиваются из списка народностей и туркестанской АССР, и БНСР. Во все таджикские школы вводится узбекский язык; таджикский язык изгоняется из области государственного делопроизводства.

Такое положение, совершенно не соответствующее национальной политике совласти, продержалось до нацразмежевания, а в отношении таджиков, оставшихся в пределах УзССР, оно имело место даже и после нацразмежевания.

Также как и затяжка в разрешении важнейших вопросов революции в Бухаре, также как двойственная политика по отношению к басмачеству, искажение политики партии и совласти в национальном вопросе может быть об'яснено только значительным влиянием буржуазных националистических элементов на парторганизацию не только Бухары, но и Туркестана, так как вследствие отсутствия пролетарских кадров из местных национальностей и незначительности пролетарской прослойки вообще, выходцы из джадидов играли в парторганизациях не только Бухары, но и Туркестана видную роль.

Узбеки являются наиболее крупной национальностью Средней Азии. В капиталистическом отношении наиболее развитыми райо-

нами были узбекские районы (Ташкент, Фергана). Поэтому узбекская буржуазия и узбекская буржуазная интеллигенция стояли во главе национального движения Средней Азии.

Кроме того, идеология национального движения Средней Азии сложилась в значительной мере под влиянием пантюркистской... идеологии турецких и татарских националистов.

Вот что пишет по этому поводу в журнале „За партию“ № 9 (13) за 1928 год т. А. Мухитдинов:

„Известно, что в первое время организации бухарской республики во главе ее стояли три группы: 1) военно-пленные турки, 2) работники из ташкентских, ферганских узбеков, которые были единомышленниками бухарских джадидов и бухарские джадиды, которые получили свое первое политическое воспитание и развитие в момент развития пантюркизма и панисламизма в Средней Азии, и сами были под полным влиянием пантюркситской и панисламистской идеологии. Пантюркисты говорили, что узбеки, киргизы, туркмены и прочие нации тюркского корня, считающиеся теперь самостоятельными нациями, в действительности составляют одну нацию. Таджики Бухары это—узбеки, которые под влиянием персидской культуры забыли свой язык и народность; их нужно опять сделать тюрками и все эти народы должны составить одну вольную турецкую нацию.

„Под влиянием этих идей и для осуществления этих целей мы были врагами персидского и таджикского языков, и слугами, и сторонниками турецкого языка и тюркского об'единения.“

То же самое в отношении джадидов Туркестана пишет тов. Джаббаров:

„После прекращения мировой войны в Туркестан прибыли освобожденные военнопленные турки и вместе с нашими джадидами (прогрессистами) забрали в свои руки дела просвещения и воспитания.

„Принялись за работу своих тюркских наставников и таджикские джадиды. Они организовывали различные кружки и группы, об'единяя в них таджикскую молодежь на основе тех взглядов, что „населяющие Туркестан узбеки, казаки, киргизы—не отдельные национальности, они все принадлежат к одной и той же великой тюркской нации. Таджики же, происходя в основе от тюрок, стали таджиками только в силу иранского влияния. Поэтому таджики—тюрки“. („За партию“ № 3-4, 1929 год).

Эти взгляды среди значительной части таджикской интеллигенции—и партийной, и беспартийной—держались почти до самого нацразмежевания (отчасти они не исчезли и теперь).

Так, например, В. М. в газете „Туркестан“ от 3 января 1924 года в статье под заглавием „В стране таджиков“ писал следующее:

„Желание употреблять этот (то-есть таджикский—А. Д.) язык означает: во-первых, стремление отделиться от жизни, потому что жизнь в течение истории против него, во-вторых, факт принятия его означает принятие неполезного, и бесполезного, и лишнего языка“ (цитата по т. Джаббарову).

И даже уже в сентябре 1924 года, когда вопрос о нацразмежевании был решен, когда было вынесено решение об организации таджикской республики, в самаркандской газете „Зеравшан“ (№ 15[illegible]) автор статьи „По поводу таджикской проблемы“ писал: „Имеющиеся у нас на руках исторические материалы показывают, что таджики действительно тюркские племена, подпавшие под сильное влияние иранской (фарсидской) литературы и культуры в эпоху их господства над тюрками“ (цитата по т. Джаббарову).

Благодаря преобладающей роли в национальном движении узбекской буржуазии и в результате того, что идеология в Средней Азии националистов-джадидов складывалась в значительной степени под влиянием турецких националистов,—местные джадиды были и слугами, и сторонниками турецкого (читай для Средней Азии—узбекского) языка и тюркского об'единения (читай — гегемонию узбекской буржуазии).

Великодержавные поползновения узбекских националистов распространились ни только на таджиков, но и на киргиз, казаков и туркмен; однако эти поползновения натолкнулись на уже сложившийся казакский национализм и не могли оказать серьезного влияния на туркмен, вследствие слабой, сравнительно, культурной и хозяйственной связи туркмен с узбеками. Что касается таджикской буржуазии и буржуазной интеллигенции, то ее подпадению под влияние узбекского национализма способствовала крепкая хозяйственная значительная и старая культурная связь таджиков с узбеками и далеко уже зашедшая ассимиляция узбеками населения таджикских городов, особенно же городской буржуазии и интеллигенции. Поэтому-то, многие таджики-интеллигенты являлись не только сторонниками, но и наиболее ярыми проводниками пантюркизма узбекского национализма.

Таким образом история Таджикистана и история таджикского вопроса показывают, что после бухарской революции, после свержения эмира, когда бухарские джадиды встали у власти и значительная часть их вошла в бухарскую коммунистическую партию, джадиды и даже часть тех из них, которые вошли в партию, продолжали проводить за спиной у советской власти и партии буржуазную антипартийную политику.

Таким же двурушничеством отличалась и политика в значительной части туркестанских джадидов.

В первые этапы двурушничества это выражалось в пособничестве басмачеству. Впоследствии же, когда басмаческое движение было разгромлено, политика национально-буржуазных элементов

была направлена на саботаж мероприятий партии и советской власти. Внимательное изучение истории коммунистических организаций в Средней Азии, истории советской власти в Средней Азии вероятно вскроет, что значительная часть уклонов от генеральной линии партии, особенно уклонов националистических, искажение ряда важнейших мероприятий советской власти, явились результатом того, что часть джадидов, даже войдя в партию, не изжила своей мелкобуржуазной, националистической идеологии, оставаясь рупором настроений национальной буржуазии и националистической интеллигенции в партии.

История советизации Таджикистана, бывшей Восточной Бухары, является ярким примером этого двурушничества джадидов.

Не менее ярким и всем очевидным примером является и позиция бывших джадидов в отношении к таджикам как к нации. Из этих примеров видно, что джадиды, даже вошедшие в партию, вовсе не являлись лучшими проводниками пролетарской политики, а наоборот только в результате укрепления смычки пролетариата СССР с трудовыми слоями дехканства Средней Азии, в результате активизации наиболее близких к пролетариату прослоек, по мере победы Красной армии над контрреволюцией сдают свои позиции, и национальная буржуазия; слабеет и влияние ее на советский аппарат и на некоторые прослойки парторганизации Средней Азии. Результатом победы пролетариата явилось и нацразмежевание, которое обеспечило быстрый хозяйственный рост Таджикистана и создало условия для культурного развития таджиков. Эти примеры показывают, что и национальный вопрос, являющийся одним из важнейших вопросов буржуазно-демократической революции, до конца и последовательно может разрешить только пролетариат.

А. А. ЗОРИН

К ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНОЙ РЕФОРМЫ 1921 ГОДА В КИРГИЗИИ

Мы не откроем ничего нового, если скажем, что в колониальной политике русского правительства вопрос о колонизации российских колоний русскими крестьянами играл далеко немаловажную роль.

Колонизация Киргизии поселенцами началась очень давно. Еще в сороковых годах прошлого столетия, 16 лет спустя после основания так называемого аягузского приказа (в 1831 году), возле него основывается первая казачья станица Сергиопольская. Затем в этом же году основывается станица Копальская. Основание этих станиц обусловлено было двоякого рода причинами. Во-первых, эти станицы являлись военными укреплениями—аванпостами дальнейшего продвижения русских войск вглубь страны, во-вторых, это было первым началом казачьей колонизации.

В 18[illegible] году было основано русское укрепление „Верное“ (ныне Алма-Ата). Это был опорный пункт для дальнейшего наступления на южную часть Джетысуйской области—нынешнюю северную часть Киргизии. В 1860 году, после борьбы у урочища „Узун-Агач“, были взяты укрепления Пишпек, Токмак, а также занят район озера Иссык-куль. Вслед за русскими войсками шли и русские переселенцы. За промежуток с 1847 года по 1860 год было основано семь казачьих станиц и семь поселков, и было положено начало двенадцати казачьим станицам и двум выселкам. Было захвачено в это время у коренного населения 556 тысяч десятин пахотной земли.

Начиная с 1867 года казачья колонизация все больше и больше уступает место колонизации крестьянской.

Рост колонизации характеризует нижеследующая таблица:

Годы	Основано поселений		
	Казачьих	Крестьянск.	Всего
1847—1867	14	—	14
1868—1882	11	28	39
1883—1905	5	8	13
1905—1915	4	192	196
Всего	34	228	262[1])

К 1913 году из всей земли, насчитывающей 31 миллион десятин, включая сюда и пастбищные угодия в долинах, было из'ято у киргиз 4.193.520 десятин самой плодородной земли, годной без особых ирригационных мероприятий для сельскохозяйственных культур. У киргиз же в пользовании оставались горы и пустыни. „Колониальной политикой,—говорит т. Сафаров,—русский царизм задержал переход киргиз в оседлое состояние. Он, буквально, выбросил их в пустыню, устроил для них из пустынных пространств и гор „черту киргизской оседлости" и создал из их разорения выгодную статью дохода для русских переселенцев и казаков"[2]). Среднее число десятин на душу крестьянина-колониста равнялось 15 десятинам, а у казака—30 десятинам.

Царское правительство насаждало русское население в Джетысу с целью создания для себя твердой опоры. Отсюда постоянная забота о том, чтобы „будущие поселенческие поселки, как это было формулировано главноуправляющим землеустройствами и земледелия Кривошейным в 1912 году, должны быть не беднее, а богаче туземных кишлаков". В том же документе он продолжает: „во всяком случае нельзя не признать, что сарт-рабочий на земле русского переселенца-хозяина—явление более приятное и желательное, чем обратное—русский батрак у сарта"[3]). Отсюда понятно, что русский переселенец должен быть крепким мужиком, хотя бы за счет эксплоатации киргиза.

[1]) П. Галузо—„Переселенческая политика русского правительства в Средней Азии" журнал „Коммунистическая мысль" изд. САКУ, книга № 4. стр. 27 1927 год.

[2]) Г. Сафаров—„Колониальная революция", стр. 44, изд. 1921 года.

[3]) „Вопросы колонизации" № 13 „Записка Глав. Упр. З. З. о поездке в Турк. Край в 1912 году".

Усиленная колонизаторская политика русского царизма и его ставленника-переселенца приводила к общему разорению и обнищанию киргизского населения. За пятилетие с 1902 по 1907 год число скота у киргиз сократилось на 27% за счет перехода к земледелию. Также сократилось число коренного населения. Если по переписи 1897 года киргиз насчитывалось по области 75 % то за десятилетие с 1903 по 1913 год коренное население сократилось на 7-9%. Даже граф Пален в документе о состоянии области делает по поводу этой политики следующее замечание: „Не согласно с действующими законами, не справедливо по существу и в применении к Семиреченской области—экономически вредна и политически не безопасна".

Таким образом русские колонизаторы прибегали к методам системы мероприятий первоначального капиталистического накопления, и этим самым разрушали народное хозяйство Киргизии.

Основною чертою капиталистических отношений, которые складывались в Киргизии, было то, что они не создавали здесь местного индустриального пролетариата. Единственными слоями, приближающимися к пролетариату, были батраки-малаи. Они работали на отхожих промыслах у баев и русских кулаков. Были еще слои полубатрачества, занимавшиеся сезонными работами. Сезонными работами на севере Киргизии были работы на рисовых плантациях и в крестьянских хозяйствах (русских) во время уборки хлебов, а на юге Киргизии—работы в хлопковых и рисовых хозяйствах.

Русское кулачество и байство беспощадно эксплоатировало киргизскую бедноту. Например: стоимость жнитвы десятины в 4.000 квадратных саженей во время уборки равнялась 5-7 рублям. Но жнитво отдавалось с весны вперед по 2 рубля 50 копеек за десятину. Киргизская беднота, притесненная „чабосом" (налогами), должна была залезать в долги. Русский купец с весны раздавал под сырье кредит и этим за безценок приобретал его. Стоимость воловьей шкуры равнялась 5-8 рублям, а приобреталась за 2-3 рубля. Торговец являлся и ростовщиком, давал в кредит деньги, товар и получал за это большие проценты. Если кредитор долга не выплатил, то торговец-ростовщик прибегал к помощи манапа, которому уступал часть своей прибыли. Сборы налогов проводились манапами. Налоги исчислялись десятками: тютюн салыги (подворный), джан-салыги (по-душный), пашалык-салыги (государственный), затем ряд налогов местных (атмай, сэпшь, джигит кызматы и т. д.). В итоге бедняк платил налогу в год от 21 до 50 рублей [1]).

В общую систему кабально-ростовщических отношений входила и организация местного управления. Во главе уездов стояли

[1]) Материал хранился в Центральном архиве Киргизии. Дела Пишпекского уездного начальника.

назначенные правительством уездные начальники из русских офицеров. А в наиболее близких населению волостных управлениях сидели „выборные“ волостные управители. Выборная система вырождалась в открытую продажу, давала возможность царским чиновникам наживать огромные капиталы.

При этих условиях киргизское хозяйство прогрессировать не могло. Завоевание Киргизии и колонизальная политика российского военно-феодального империализма на долгие годы затормозила как развитие материальных производительных сил, так и разложение родовых и феодальных отношений, и процесс консолидации киргизского народа в единую нацию.

Опутанные со всех сторон путем эксплоатации своего бая и манапа, русского капиталиста и кулака-переселенца киргизские хозяйства были весьма неустойчивыми по отношению к малейшим потрясениям (гололедица, болезни скота и т. д.). Эти потрясения безжалостно выбрасывали большое количество таких мелких хозяев в ряды бесскотной бедноты, которая в силу необходимости вынуждена была итти на работу в русские села и к байству. В добавок к этому империалистическая война не могла не поставить киргизское хозяйство в самое безвыходное положение, закончившееся восстанием в 1916 году. В результате восстания 1916 года было уничтожено 30% населения и 60% скота.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИРГИЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С РУССКИМИ

Февральская революция поставила во всем Семиречье у власти представителей кулацко-казачьей колонизации во главе с Ор. Шкапским. Переселенческие начальники стали комиссарами уездов. Эсеры играли почти главную скрипку в управлении краем. Они рекрутировались из верхушки крестьян и служилой интеллигенции. Русское крестьянство, особенно в его кулацкой части, не было против такой власти, ибо она снабжала его оружием против киргиз и поддерживала их в вековом споре с русскими казаками, конкурентами в ограблении киргиз.

Русские села Киргизии, истрепанные восстанием 1916 года, вооружались и охотились за киргизами, возмещая свои убытки. Этим характеризуется 1917 год и первая половина 1918 года. Для характеристики этой эпохи приведем ряд документов.

Одна из телеграмм, полученных Краевым советом солдатских и рабочих депутатов в Ташкенте, гласит:

„Пржевальские организации совместно с Шкапским, Шендриковым постановили выделить киргиз в западный район уезда. Делегации 70 тысяч беженцев сообщают: киргизы направляются в Пржевальские родные места. Крестьяне не пускают. Делегация обратилась к нам за содействием; киргизы умирают с голоду, нужны экстренные меры“. Во второй телеграмме указывается, что

ташкентские депутаты, Пржевальская группа, комиссары Временного правительства—Шкапский, Шендриков—решили поселить всех киргиз беженцев в Нарынский участок; в Нарыне хлеба совсем нет, жители сами голодают; если там поселить еще пржевальских киргиз-беженцев, то они безусловно обязательно погибнут. „В Пржевальске у нас есть прошлогодние запасы хлеба. В виду изложенного мы, уполномоченные от 75 тысяч душ приблизительно киргиз-беженцев, которые в настоящее время находятся в Бедбеле, их не пускают крестьяне, просим этот вопрос скорее обсудить, отменить решение вышеупомянутых лиц и разрешить нам занять прежние места, то-есть в Пржевальском уезде". В последней телеграмме отмечается, что:

„Пржевальские крестьяне беспощадно истребляют беженцев-киргиз. Фактом служит бурокауевская резня. Просим оградить нас от крестьянских ружей". Характерно, что Краевой совет не нашел ничего другого, как протелеграфировать Шкапскому и депутатам в Пржевальск: „Краевой совет считает переселение киргиз печальным фактом. Просит принять все меры к предотвращению переселения. В случае неизбежности его считает необходимым обеспечить продовольствием переселяемых в пути и на месте до ближайшего урожая". [1])

Комиссары временного правительства Шкапский и Тыныибаев, об'езжая область в 1917 году подтверждают постановление бывшего генерал-губернатора Куропаткина о выселении киргиз Каракольского уезда в Верненский, Джаркентский и Нарынский районы.

В городе Верном собравшийся первый крестьянский с'езд 29 июня 1917 года, разбирая вопрос о взаимоотношении с киргизами выносит явно колонизаторские постановления, гласящие:

„Национальный антагонизм следует изжить путем агитации. В тех местах, где полного примирения достигнуть нельзя, необходимо киргизское население отделить от русского, а в крайнем случае прибегнуть временно к переселению киргиз в иные места. Для предотвращения возможных столкновений в Пржевальском уезде увеличить состав стоящих там дружин, рот и сотен казаков, выставить посты в проходных щелях [2]). Это с ясностью говорит о том, что русский переселенец-крестьянин стремится во-чтобы то ни стало захватить земли киргиз, идя на блок с казачеством, выдвигая против киргиз крестянские, кулацкие дружины и казачьи сотни. Один из членов Краевого совета солдатских рабочих депутатов в своем докладе о поездке в Семиречье сообщает, что в ряде уездов крестьяне поделили киргизскую пахотную землю-клеверники, покос. Рубят киргизский лес, и на требо-

---

[1]) Протокол Кр. сов. с. р. д. Средазбюро ЦК ВКП(б).

[2]) Из постановления 1 крестьянского с'езда Семиреченской области, находящегося в архиве Средазбюро ЦК ВКП(б) Сем. фонд 1917 г.

вании прекращения этого безобразия лаконически отвечают: „Пусть киргизы придут просить прощение за 1916 год“. [3])

Взаимоотношения между киргизами и русскими представляли собой самый настоящий кошмар. Сотни человек киргиз (в особенности женщин и детей) погибали, умирали, гнили живыми, питались чем попало (поедали собак, кошек даже иногда людей) в тот момент, когда у русских богатеев трещали амбары от хлеба (конечно, манапство и байство находилось сравнительно в лучшем положении).

Возвращавшихся киргиз не пускали на свои земли и русские крестьяне, и казачество. Вырубались сады, разорялись киргизские зимовки. Когда кгатинские казаки Пишпекского уезда не пускали киргиз Шамшинской волости на свои старые земли, последние вынуждены были телеграфировать в Туркестанский Краевой совет рабочих и солдатских депутатов.

Киргизское население после восстания 1916 года, частью находившееся в Китае, частью прятавшееся в горах Тянь-Шаня, боялось показаться в долинах, чтобы не быть истребленными русскими отрядами крестьян и казаков. В Февральской революции оно не участвовало, за отдельным исключением людей из национальной интеллигенции (переводчиков, джигитов и других).

Октябрьская революция на первых порах не изменила существующих взаимоотношений; захват киргизских земель продолжается вплоть до 1920 года. И только начиная с конца 1920 года происходит перелом в политике, направленной к ликвидации колонизаторских отношений в Джетысу. Этим моментом является земельно-водная реформа 1921 года.

Земельная реформа в Семиречье—Джетысу 1921 года имела своей целью ликвидацию одного из типов колонизаторских отношений в Средней Азии, именно отношений выражавшихся в систематическом из‘ятии земель у коренного населения для русских переселенцев. В начале XX века колонизация Туркестана, в частности Семиречья, русскими крестьянами проводилась прежде всего с целью расселения крестьянства и разрешения земельной тесноты внутри страны, следовательно, с той целью, чтобы сохранить помещичье землевладение от напора крестьянской революции. Но в то же время это была колонизаторская политика русского царизма, направленная к созданию оплота самодержавия на национальной окраине.

Захват киргизских земель русскими переселенцами продолжался вплоть до 1920 года. Отсюда ликвидация самовольных захватов, которые происходили в течение 1916-1920 годов, являлась неотложной задачей земельной политики. Эта задача была указана в решениях V Туркестанского с‘езда партии. Первый

---

[3]) Архив Средазбюро ЦК ВКП(б), д. Кр. сов. с. р. д.

период земельной реформы имел целью показать киргизской бедноте, что советская власть действительно защищает интересы угнетенных. Сама реформа проходила следующим образом.

В феврале создаются уездные тройки, проводится мобилизация ста коммунистов. Угоркомам землеустроительных уездов предоставляется право, в случае необходимости, по требованию землеустроительных комиссий проводить мобилизацию коммунистов на местах.

В качестве подготовительной работы проводятся уездные совещания киргизской бедноты по выяснению и установлению основных дорог кочевья. (К этому времени на I Всекиргизском с'езде бедноты в Аулиэ-Ата уже было положено начало организации Союза Кошчи).

В марте начались землеустроительные работы; был проведен учет сельского хозяйства и живого и мертвого инвентаря русского населения. Во второй половине марта начались работы по выселению самовольцев.

Русское население, в особенности кулацкая часть его, сидевшая на киргизской земле, не могла хладнокровно отнестись к этому. Кулачье и самовольцы, испугавшиеся в середине февраля приказа Облревкома и Туркцика, в начале марта позабыли об этом приказе. Когда он начался проводиться в жизнь в некоторых местах Пишпекского уезда, они ответили на приказы о выселении отказом (в этом настроении в Токмакском районе их поддерживал один из полков шестой бригады), недовольство и ропот возникли в Пржевальском уезде. К этому необходимо прибавить действия бродячих банд в Лепсинском уезде. Несмотря на это пассивное, а местами и активное сопротивление, выселение самовольцев было закончено к первому апреля в Пржевальском уезде и начато в Пишпекском уезде (темп работы здесь зависел, главным образом, от вялости руководителей работы). Настроение некоторых слоев русского населения, особенно кулаков и зажиточных, в конце месяца было подавленное, неуверенное, ибо они не знали, что ждет их в будущем—выселение или возможность остаться на захваченной и освоенной земле.

Настроение киргизской бедноты по отношению к советской власти было благоприятным. На первых порах киргизская беднота как бы растерялась. Классовая борьба в среде киргизского населения еще не развернулась. Беднота без достаточности руководства со стороны партии была как бы на распутье. В Пишпекском уезде, и отчасти в Каракольском уезде, разгорается „родовая" борьба. Эта борьба поддерживается на местах „коммунистами"-киргизами. Если беднота и батраки еще не вполне осознали свои классовые интересы, то их не вполне уяснила и значительная группа киргизских ответственных работников, которые еще окончательно не порвали связь с родом, с пережитками родовых и фе-

№ 2201—5*).

одальных отношений. Союз киргизской бедноты и батраков, который должен был стать помощником парторганизации по проведению ликвидации колониальных отношений, укреплялся „не по дням, а по часам“, но и этот союз местами становится добычей баев, манапов. Отчасти это об‘ясняется экономической зависимостью бедноты от баев и манапов, отчасти это был результат отсталости страны и недостаточной диференцированности населения. Местами в области были заметны случаи разжигания национальной борьбы со стороны баев и манапов.

На первое время ликвидация колонизаторских отношений в Семиречье создавала что-то вроде единого национального фронта коренного населения, но классовая борьба внутри этого „единого“ фронта все же разворачивалась. Политическая неустойчивость киргизской бедноты не требует теоретических доводов. Эта неустойчивость была неизбежна в переломный момент для Семиречья, как в самой массе киргизской бедноты, так и среди руководителей из киргиз. Необогащенные опытом классовой борьбы, они проявляли некоторое шатание, но здоровые решения и действия бедноты крепли в этом процессе классового расслоения в Семиречье. Эти здоровые нотки уже доносились с мест все чаще и чаще. Вот небольшой пример—сообщение из Нарына: „Само население (то-есть беднота) выразило желание взять все земли и сельскохозяйственный инвентарь баев и манапов... в порядке приказа Облревкома от 4 февраля (это относилось к русским кулакам“ [1]).

Зарегистрированы многочисленные случаи, когда во время перерегистрации партии беднота и батраки указывали баев и манапов, выгоняли их из партии и с собраний. В общем надо признать, что дело по раскрепощению бедноты (именно бедноты) началось, но вся работа была еще впереди.

Но чем дальше, тем эта классовая борьба становится все острее и острее. Ставится вопрос, кому же будет принадлежать политическое руководство—баю и манапу или организации Союза Кошчи, возглавляемой коммунистической партией. Идет борьба—кому достанется земля, отобранная у самовольцев. Последующие же мероприятия в процессе реформы, направленные к из‘ятию кулацкого и байского инвентаря и скота, еще более резко разделяют киргизский аул на два лагеря: на лагерь батрачества и бедноты с одной стороны, и байства и манапства—с другой. Под влиянием из‘ятия скота у баев групповая борьба все более и более отходит на задний план и на первый план выдвигается борьба классовая. Особенно эта борьба обостряется в Пишпекском уезде, временами достигая крайних пределов. Обкому КПТ пришлось послать туда даже специальную комиссию „для ликвидации „родовой“ борьбы,

---

[1]) Протокол № 13 Семиреченского Обкома КПТ Архив Средазбюро ЦК ВКП(б) 1921 год.

принявшей крайне „обостренные формы". Фактически же это было обострение классовой борьбы. Такого же рода явления мы имеем и в других местах: в постановлениях, в решениях партийных органов мы встречаем зачастую указания на „родовую" борьбу. Когда мы подходим к анализу ее сущности, то оказывается, что за „родовой" борьбой скрывается борьба классовая, но в виду неорганизованности и отсталости батрацко-бедняцких масс зачастую эта борьба использовалась в интересах отдельных, манапско-байских групп.

Тов. Е. Зелькина в своей работе „Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии" (изд. 1930 года) дает следующую оценку земельной реформе 1921 года: „Земельная реформа направлялась по линии национальной, а не классовой, преимущественно на отношении национального неравенства в вопросах землепользования" (стр. 72) и дальше на той-же странице она продолжает: „Классовая борьба внутрь туземной деревни этой земельной реформой не вносилась". Уже из всего сказанного нами видно, что это не верно. Разберем, однако, эти положения подробнее. Начнем с положения, шла ли реформа 1921 года по линии исключительно национальной? Главное острие, как мы уже говорили, было направлено на ликвидацию колонизаторских отношений, против захвата киргизских земель русскими переселенцами, что создавало некоторое подобие только на момент единого национального фронта. Но не нужно забывать, что русский крестьянин в руках царизма был участником эксплоатации киргизских трудящихся масс, а отсюда с очевидностью следует, что за национальными отношениями скрывались отношения классовые. Впрочем Зелькина говорит: „Конечно, поскольку отношениями национальными здесь покрывались в значительной мере и отношения классовые—постольку в этой земреформе были несомненно элементы классовой борьбы. Но эти элементы классовой борьбы терялись в национальном характере земреформы, которая являлась звеном национально-освободительной революции" (стр. 72). Но эта формулировка совершенно недостаточна. Здесь классовые противоречия уж слишком глубоко укрыты под оболочкой противоречий национальных (как будто сами национальные противоречия не являются, в свою очередь, противоречиями классовыми) и сведены просто до незначительных „элементов".

Второе утверждение тов. Зелькиной это то, что реформой 1921 года не вносилось классовой борьбы в киргизский аул. Действительно ли положение вещей в киргизском ауле соответствовало этому утверждению? Передача батракам и беднякам скота и имущества, отобранного у баев и кулаков, поселение в русские поселки киргизской бедноты и батрачества, передача земли в руки последних (до захвата русскими переселенцами земля в большей ее части принадлежала баю и манапу) не могла не ска-

ваться на киргизском ауле в смысле обострения классовой борьбы. И эта борьба, как мы уже видели, действительно развертывалась. Вдобавок ко всему этому был создан Союз Кошчи как организация батрачества и бедноты не только киргизской, но и русской, который принимал в реформе далеко не малое участие.

Производившееся из'ятие кулацкого инвентаря и скота не могло не повлиять на обострение классовой борьбы и в русской деревне.

Теперь пару слов о тех результатах, которые имела земреформа в Киргизии. В начале приведем несколько цифр, которые с ясностью будут характеризовать размах, темп и результат этой реформы.

Название уездов	Выселено самовольцев				Выселено киргизской бедноты	
	Поселков	Не трудовых хуторов	Семей	Душ	Семей	Душ
Алма-Атинский . . .	3	465	—	—	518	3108
Пишпекский ныне Фрунзенский кантон	29	295	1593	9005	1991	8000
Каракольский	14	22	864	5100	1578	6000
Нарынский	1	—	38	—	—	—
Итого . . .	47	782	—	—	4087	17108[1])

Всего по всей Туркреспублике к августу 1931 года было ликвидировано 72 самовольческих поселка, 281 хуторов и зимовок. Всего по области было передано 75.802 десятины земли.

Кроме того киргизская беднота была снабжена живым и мертвым сельскохозяйственным инвентарем. Например: Токмакскому союзу Кирбедноты передано—113 плугов, 225 баранов, 95 лошадей, 464 быка, 13 телег. Проводимая посевная кампания вследствие этого дала положительные результаты, ибо посевная площадь увеличилась по сравнению с посевной площадью 1920 года. Киргизская и русская беднота получила семссуду. По Нарынскому уезду было роздано 4.211 пудов, по Пишпекскому и Каракольскому уезду было роздано 381.482 пуда.[2])

Правильна ли была политика советской власти и коммунистической партии, направленная к ликвидации колонизаторских отношений в Семиреченской области? После всего этого не приходится

[1]) По отчету о результатах земреформы 1921г. Архив Средазбюро ЦК ВКП(б).
[2]) Архив Средазбюро ЦК ВКП(б) Семиреченский фонд, дело № 37).

говорить, что это был единственный правильный выход для того, чтобы заставить понять батрацко-бедняцкие и середняцкие массы киргизского населения, что коммунистическая партия и советская власть не на словах, а на деле уничтожают колониальные отношения и остатки колонизаторской политики, которые достались им в наследство от русского самодержавия. Спрашивается, каков же результат и что получило киргизское батрачество от этой реформы в области улучшения своего материального положения? Об этом лучше всего говорит следующая выдержка из постановления заседания Туркестанского бюро ЦК ВКП(б) и исполбюро ЦК КПТ от 18 октября 1921 года.

„Находя, что произведенная текущей весной земельная реформа в Семиречье, в виду спешности ее проведения, недостаточного проведения учета земель и инвентаря, подлежащего передаче Киргизскому населению, неподготовленности земель и угодий для передачи ее выселенным, хотя экономически и не дала желательных результатов ни для коренного населения, ни для русской бедноты, то политически все же достигнут широкий революционный под'ем трудящихся масс киргизского населения“. [1])

Большинство членов коммунистической партии в Семиречье (в то время) были против ликвидации, вернее выселения самовольцев. Зачастую и сейчас можно встретить утверждение, что земельно-водная реформа 1921 года шла по линии национальной, а не классовой.

С этими колонизаторскими настроениями великодержавных шовинистов партии приходится еще бороться, и особенно это было сильно в 1922-1923 году. Центральный комитет нашей партии от 11 января 1922 года в циркулярном письме к партии Туркестана отмечает: „Глубоко ошибочны и совершенно поверхностны выводы тех товарищей, которые считают, что проведение новой экономической политики в Туркестане должно вести к пересмотру земельной политики советской власти, например, пересмотру Семиреченской земельной реформы, возвратившей киргизскому населению захваченные у него земли; эти выводы представляют собой старое колонизаторство под новым флагом, совершенно ложно приписывающее советской власти готовность вернуть киргиз в кабалу фермеру-кулаку. ЦК РКП санкционировал Семиреченскую земельную реформу (при спешном проведении которой, конечно, могли быть отдельные неправильности и недочеты) и не допустит никакого возврата к прошлому, равно даст беспощадный отпор попытке создать в Туркестане русский Ульстер, то-есть колонизаторскую фронду национального меньшинства, рассчитывающего на поддержку „центра“. [2])

[1]) Архив Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б), дело постановления ЦК КПТ.

[2]) Циркулярное письмо ЦК РКП к партии Туркестана. Архив Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б), дело № 26.

Отсюда ясно, что русские колонизаторы-кулаки и их приспешники не могли примириться с потерей привилегий, а отсюда стремление раздуть кадило национальной травли, которая еще и в настоящее время не совсем изжита.

Тов. Зелькина вместо того, чтобы дать отпор этим настроениям, льет воду на мельницу колонизаторской идеологии.

Такая оценка земельной реформы 1921 года у тов. Зелькиной вытекает из ее троцкистской концепции оценки Октябрьской революции 1917 г. в Средней Азии. Она заявляет, что „Ни о каком социалистическом переустройстве среднеазиатской деревни не могло быть и речи до 1925 года. В среднеазиатской деревне в 1925 году не только не была проведена социалистическая революция, но даже не была проведена буржуазно-демократическая, не была проведена решительная борьба с остатками феодализма". (стр. 82) А несколькими страницами выше утверждает, что „Весь восстановительный процесс в сельском хозяйстве Средней Азии проходил на основе сохранения власти бая, манапа и родового вождя, на основе феодального закабаления бедноты" (стр. 73).

Очевидно, что ожесточенная гражданская война проходила на основе охранения бая и манапа. Очевидно, по мнению т Зелькиной, этот вопрос решался чем угодно, но тольно не вооруженной борьбой трудящихся масс Средней Азии с помощью пролетариата СССР, под руководством коммунистической партии. Эта постановка вопроса тов. Зелькиной ничего общего не имеет с ленинизмом. Тов. Зелькина не понимает ленинского положения о том, что захват политической власти является первым моментом революции. Пролетараит, захватив политическую власть, приходит на помощь всеми средствами, которые имеются в его распоряжении, отсталым народам, перестраивая его допотопные формы хозяйства на новый социалистический лад.

Земельная реформа 1921 года была одним из показательных моментов этой помощи пролетариата угнетенным киргизским массам в деле ликвидации колониального наследия. И эта помощь разрушала не только власть переселенца-кулака но и „ власть бая, манапа и родового вождя" и создавала тот рабоче-крестьянско-скотоводческий союз в Средней Азии, который в конечном итоге и победил—привел к современному положению вещей, к социалистической перестройке кишлака и аула. Это нужно понимать. Нужно в настоящем видеть частицы прошлого и в прошлом зародыши настоящего и будущего. Тов. Зелькина этого не видит или не хочет видеть.

ВОСПОМИНАНИЯ

Ф. И. КОЛЕСОВ

ВОССТАНИЕ В БУХАРЕ В 1918 ГОДУ

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья Ф. Колесова представляет собою интересный исторический документ вышедший из-под пера участника описываемых событий. Редакция ни в коей мере не солидаризируется ни со взглядами автора, изложенными в его полемике с т. Сафаровым, ни с его основной концепцией, через которую красной нитью проходит идеализация джадидского движения. В переживаемую нами эпоху больше, чем когда бы то ни было, необходимо разоблачать все проявления колонизаторства, какие имели своё место в Средней Азии в прошлом. Полемикой против Сафарова т. Колесов не помогает этому делу, а затрудняет его, не разоблачает проявления колонизаторства, а замазывает этот вопрос насколько только может. Ни с каким марксизмом-ленинизмом не вяжется также и положение автора, что „история джадидизма есть история выковывания партии, могущей возглавить национальную революцию" (подчеркнуто автором). Такая апологетика буржуазных демократов-джадидов льет воду только на колесо местного национализма, но ни в коем случае не на колесо той партии, которая в действительности возглавила революцию в Средней Азии и в Бухаре, нашей большевистской партии.

Если редакция все же дает место статье, то только потому, что статья сама по себе является документом, который историку может об'яснить очень многое из описанных событий: знать, как сам Колесов оценивал ситуацию тогда, и как он продолжает ее оценивать и до сих пор—это для историка очень много.

Редакция.

В начале 1918 года в Бухаре произошли события, повлиявшие на дальнейший ход жизни Бухары.

В историю Туркестана эти события вошли как „Колесовский поход“.

Враги советской власти утверждали, что это был колонизаторский поход.

Тов. Сафаров, работавший в Туркестане, об этих событиях сказал следующее: „Объявление похода на Бухару было связано с „накоплением“ на бухарской территории русских белогвардейцев, крупных спекулянтов и бежавших участников „Кокандской автономии“, а также и с отказом эмира допустить в Бухаре национализацию русских частных банков. Туркестанский Совнарком предложил Колесову отправиться в Бухару для переговоров с эмиром. Совместно с младобухарцами Колесов выработал манифест, в котором эмиру предлагалось заменить старый состав бухарского правительства новым, образовав при себе Совет из джадидов-младобухарцев. Эмир отказался от подписания манифеста, заявив, что сам народ не желает никаких реформ. Однако после переговоров с Колесовым, приехавшим на станцию Каган со своим отрядом красногвардейцев, он согласился, вставив от себя поправку, которая сводила весь манифест на нет. После вторичных переговоров манифест был подписан без поправки, но тут уже начались военные действия. Делегация, посланная для переговоров, была расстрелена эмиром; железная дорога сразу оказалась разрушенной в нескольких местах; была объявлена „священная война“ против неожиданно вторгшихся „гяуров“. Было вырезано несколько сотен русских обывателей Бухары, многие женщины и дети были забраны в рабство и т. д. Новая Бухара оказалась отрезанной, и если бы не подошла к Кермине помощь из Ташкента, колесовский отряд не выдержал бы стремительного натиска живой лавы людских тел, шедших с палками на пулеметы.

„Пришедшие в Бухару русские солдаты и красногвардейцы занялись прежде всего самыми возмутительными грабежами и насилиями. Грабили все и всех без разбора, безобразничали, пьянст-

вовали и творили насилия без конца". Именно этим объясняется огромный взрыв возмущения по поводу вторжения русских. „Русские явились в Бухару для разбоя"—такую оценку колесовскому походу дало все население. „Революционная" подоплека совершенно отошла на задний план перед колонизаторскими аппетитами. Это подтверждает постановление общего собрания мастеровых и рабочих среднеазиатских и ташкентских мастерских и представителей Красной армии—Перовских эшелонов, Кушкинского отряда и революционного комитета: „Возмущению нашему нет границ. Мобилизуемся все до одного против учинивших насилие и грабеж над мирными жителями и ультимативно требуем от всех отрядов, действующих против Бухары, немедленно сдать все имущество, захваченное в боях, особо избранной комиссии для возврата такового пострадавшему мирному населению; кроме того, требуем, чтобы все попустители грабежа и насилия и утаившие награбленное имущество были преданы беспощадному правдивому революционному суду, ибо рабочему, запятнавшему себя грабежом и насилием, нет места среди нас—трудового пролетариата".

Колесовская авантюра вызвала бесполезное кровопролитие, бессмысленное убийство многих тысяч бедняков, вакханалию грабежа и разбоя, резкую реакцию против русской колонизаторской „Советской власти". Позорная память об этом колонизаторском походе сохранилась на многие годы". (Тов. Сафаров. „Колониальная революция", ГИЗ, 1921 год, стр. 82—83).

Так тов. Сафаров информировал партию о событиях в Бухаре. Разве могла партия не осудить такое безобразие? Конечно, не могла и строго осудила.

Точка зрения тов. Сафарова сделалась точкой зрения многих, по примеру тов. Сафарова, не потрудившихся разобраться в событиях.

Случилось так, ничего не поделаешь, что мнение тов. Сафарова совпало с мнением групп и лиц, враждебно относящихся к советской власти.

Повидимому, данная точка зрения тов. Сафарова есть следсвие какого-то заблуждения.

— · — —

Ханская Бухара чуть-чуть похуже тюрьмы народов. У населения Бухары не было никаких законов и никакой гарантии личной безопасности. Законом была воля эмира и приближенных сановников. Каждый подданный мог быть схвачен и казнен, без всяких к тому причин. У любого подданного могла быть отнята жена, сестра, дочь. История застенков Бухары наводит ужас. Бухарские эмиры рассматривали Бухару, как лично принадлежащее им хозяйство. Заботой эмиров было превращение многомиллионного населения в рабов, покорных их воле. Этой цели служило чиновни-

чество и многочисленное духовенство. Нигде не имелось такой массы духовенства, как в Бухаре, где оно составляло особый класс населения, оказывавший влияние на жизнь страны. Скоплению духовенства в Бухаре способотвовало то обстоятельство, что с завоеванием Средней Азии русскими, из покоренных областей духовенство перебиралось в Бухару, где полагало обрести защиту ислама от посягательств неверных.

На этой почве произвол чиновников и духовенства переходил всякие границы.

Таков, кратко говоря, облик ханской Бухары.

Русская революция 1905 года оказала, как известно, влияние на развитие прогрессивных и национально-освободительных идей в Средней Азии и, в частности, в бухаре. В результате этого, в Бухаре возникли культурно-просветительные общества, из коих к 1910 году сложилась джадидская организация („Джадид“—новая).

Джадидская организация представляла собой тайное общество с большим количеством членов. Организация имела сочувствующих среди разнообразных слоев бухарского населения.

Основными задачами организации были: Борьба с религиозным фанатизмом, введение новометодных школ, частичная свобода печати, снижение налогов, введение правовых гарантий.

Программой максимум меньшинства организации было введение конституции по младо-турецкому образцу.

История джадидизма своеобразна, сложна и поучительна. В мою задачу не входит подробное рассмотреиие ее. Ограничусь лишь указанием, что история джадидизма—есть история выковывания партии, могущей возглавить национальную революцию.

К 1917 году джадидизм реорганизовался в младо-бухарскую партию.

Февральскую революцию младо-бухарцы восторженно приветствовали. У них появилась надежда осуществить свои задачи в ближайшее время. В соответствии с этим партия наметила пути.

Программа-минимум этого периода партии, не намечая изменения формы правления Бухарой, преследовала в основном: введение правовой государственности и экономическое, и политическое укрепление Бухары, на базе повышения культурности и благосостояния трудовых масс.

В результате ряда мероприятий, проведенных младо-бухарцами, эмир 17 марта 1917 года объявил манифест.

Даю место этому манифесту.

МАНИФЕСТ

Он, к которому обращаются за милостью:

В непрестанных заботах Наших о благе и счастье всех верноподданных Наших решили Мы приступить к возможно широкому улучшению всех отраслей

нашего управления, искоренению всех злоупотреблений и неправильностей этого на выборных началах, согласно желанию народа

Напоминая всем верноподданным Нашим, что единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный Шариат, призываем всех помочь нам в исполнении принятого на себя твердого решения осветить Бухару светом прогресса и знаний, полезных для бухарского народа.

Прежде всего, Нами будут положены незыблемые основания справедливого отправления правосудия и взимания хераджа, зякета и других налогов и обращено особое внимание на развитие в ханстве промышленности и торговли, в особенности, с могущественной Россией. Чиновничеству и всем служащим лицам, над которыми будет установлен контроль, будет определено содержание с воспрещением каких-либо вознаграждений за служебные действия. Нами будут затем приняты все меры к развитию и поощрению в стране полезных знаний науки в точном согласии с повелениями Шариата.

В заботах о здравии, о благоденствии подданных, проживающих в столице Нашей, решили предоставить населению избрать совет достойных, уважаемых народом людей, каковые и позаботятся об оздоровлении и благоустройстве столицы нашего ханства.

Считаем также отныне необходимым учредить Государственное казначейство и установить бюджет нашего ханства с точным исчислением приходов и расходов на государственные надобности.

Полагая, что все верноподданные наши должны быть точно и своевременно осведомлены о всех начинаниях и распоряжениях Наших на благо и счастие Бухарского государства, приказали Мы устроить в столице Нашей—Бухаре типографию, первой задачей коей будет издание особых, по мере надобности, известий для общего пользования и для приобретения бухарцами полезных сведений.

Для блага народа Нашего Мы приложим заботы к дальнейшему развитию в Бухарском ханстве самоуправления по мере того, как надобность в этом будет выясняться.

В ознаменовании торжественного сего события в тесном единении с великой покровительницей Нашей, Россией, повелеваем отпустить на свободу с согласия и одобрения народа заключенных в тюрьмах.

Пятница 28 Джемадиуссани 1335 года Ходжры в столице Бухары Благородной.
Большая печать Сеида Алима Эмира Бухарского.

Манифест, как видно, мало значащий. Ничего конкретного и отражающего требования младо-бухарцев нет. Младо-бухарцы остались неудовлетворенными. Однако и такой манифест вызвал возмущение духовенства и чиновников против младо-бухарцев. В результате их воздействия манифест остался писаной бумажкой. Ни одно из начинаний проведено не было, и вскоре наступил период репрессивных мер со стороны эмирата против младо-бухарцев.

В связи с такой обстановкой в партии наметились разногласия по вопросам тактики. Партия топталась на месте.

Наступил Октябрь, открывший угнетенным народам Востока путь к раскрепощению.

Свержение Временного Правительства опечалило младо-бухарцев. Им казалось, что в лице его они потеряли союзника. Партия на первых порах не поняла Октября по двум причинам: а) неосведомленность и б) провокационная работа кадетов и меньшевиков. Выяснению партией истинного значения Октября способствовали т.т. П. Полторацкий, Уткин и Преображенский, работавшие в Бухаре. Первые двое—рабочие-большевики. В результате

этого партия пришла к выводу, что в лице РСФСР она приобрела надежного союзника и друга.

Эмират на Октябрь реагировал иначе. Привожу соображения тов. Ф. Ходжаева, бывшего в то время председателем ЦК младобухарской партии, ныне члена коммунистической партии, работающего в Узбекистане в качестве председателя Совнаркома.

„Он (то-есть эмир Ф. Х.) сразу понял, что власть в России перешла к непримиримым и беспощадным врагам всякого деспотизма и угнетения. Он понял, что компромиссы бесполезны, что после Октябрьской революции уже никогда не сможет быть той трогательной дружбы эмирского правительства с Россией, какая снова начала намечаться после Февральской революции, когда предстагители от официальной России: Миллер, Шульга и Введенский являлись лучшими друзьями и наиболее ценными советниками эмирского правительства.

„Этой ясности понимания эмирского правительства, кроме всего прочего, очевидно, весьма способствовали только что перечисленные представители дооктябрьской России вместе с другими контрреволюционерами.

„Эмирское правительство поняло, что беспощадная борьба с новым правительством России и теснейшая дружба со всей русской контрреволюцией, вытесняемой в то время из центра на окраины, а также с соседним деспотическим Афганистаном—его единственное спасение...“

„Эмир решил воспользоваться временной слабостью Ташкента и развил огромную энергию в борьбе с революцией по двум направлениям. Во-первых, эмирское правительство решило не признавать советского правительства и всячески мешать появлению большевистских советов в русских поселениях Бухары“.

„Ему легко удалось договориться по этому вопросу с существовавшими органами власти в русских поселениях. Сидевшие там кадсты, меньшевики, эсеры и просто монархисты были страшно рады эмирской поддержке в борьбе с большевистской опасностью: они ничего другого и не хотели. Отныне пути их политики, и ранее не слишком расходившиеся с политикой эмира, трогательно совпали с ней на все 100 %.

„Честным маклером в этом соглашении эмирского правительства с представителями русских поселений был... Введенский.

„Обеспечив себя со стороны русских органов власти в Бухаре, эмир начал бешеное гонение на младо-бухарцев“.

„Во-вторых, правительство эмира деятельно принялось за создание вооруженной силы, стало лихорадочно организовывать армию и занялось установлением связи со всеми контрреволюционными организациями Туркестана.

„Эмир, как и все контрреволюционеры в то время, очевидно, не дооценивал силы большевиков, рассчитывая на скорый конец

большевистского правления в России и потому совершенно открыто готовился к враждебным действиям. (Ф. Ходжаев „К истории революции в Бухаре“, Узбекгиз, 1926 год, стр. 40-41).

Установление взаимоотношений между советской властью Туркестана и Бухарой произошло в январе 1918 года.

Даю место документу.

„Эмиру Бухарскому.“

Согласно распоряжения Центрального Совнаркома, Туркестанский Совнарком сообщает Вам, что вместо президента в Бухаре учреждается коллегия из трех лиц, которой и предоставляются права сношения с Вами. В эту коллегию входят: Преображенский, Уткин и Борисогов.

„Вместе с тем Совнарком подтверждает заявление о том, что младо-бухарцам гарантируется безопасность жизни и имущества. Так как за последнее время участились аресты младо-бухарцев и, как оказалось по проверке, основанные только на враждебном отношении к этой партии чиновников Вашего правительства, Совнарком обращается к Вам с предложением, чтобы впредь младо-бухарцы арестовывались не иначе, как после разбора дела совместно с коллегией по бухделам.“

„Что же касается младо-бухарцев, в настоящее время находящихся под арестом и в ссылке, то необходимо первых освободить, а вторых возвратить, впредь до разбора дела совместно с коллегией по бухделам.“

„Заканчивая это письмо Совнарком выражает уверенность в том, что Вы пойдете навстречу рабоче-крестьянскому правительству, желающему итти путем мира и дружбы.“

Председатель Совнаркома *Ф. Колесов.*

Младо-бухарская партия, приняв Октябрь, вступила в новый этап борьбы с эмиратом.

Партия поставила перед собой задачу тесной связи с советской властью Туркестана, как в центре с Совнаркомом, так и на местах—с советами. Установлению этой связи способствовали большевики, работавшие в Бухаре и Самарканде.

В декабре 1917 года в Совнарком прибыла младо-бухарская делегация возглавляемая тов. Ф. Ходжаевым, с целью установления единого фронта советской власти и младо-бухарской партии против эмирата. На специальном совещании был заслушан доклад делегации о положении в Бухаре и состоянии партии. Делегация в конце доклада, изложила следующее решение ЦК партии, основными моментами коего были:

1. Подготовка к восстанию не должна затягиваться, восстание должно начаться как можно скорее. ЦК организует два единовременных вооруженных выступления в Старой Бухаре и Керках. Выступление в Старой Бухаре должно начаться внезапно ночью и закончиться в течение одного дня захватом правительственных учреждений, арестом эмира и министров. (Арест эмира предполагался домашним порядком. Эмир должен был некоторое время остаться эмиром и издать от своего имени и имени духовенства,

как его глава, манифест с опубликованием в нем требуемых младо-бухарцами реформ).

2. Вследствие того, что силы младо-бухарцев могут оказаться недостаточными для проведения восстания, просить Совнарком расположить к моменту восстания в Новой Бухаре красногвардейские отряды, которые должны вмешаться в борьбу с эмиратом в случае недостаточности сил младо-бухарцев.

Предложением делегации было: совместное вооруженное выступление против эмирата.

Делегация заявляла, что младо-бухарцы могли бы самостоятельно выступить против эмирата, но их в случае неудачи, страшит ответственность за судьбу русских поселений Бухары.

От имени Совнаркома я в принципе из'явил согласие на совместное выступление. Однако с выступлением предложил не торопиться и отложить его на несколько месяцев, к чему побуждало: внутреннее положение Туркестана в данный момент и стремление предоставить младо-бухарской партии известное время для проверки своей готовности к выступлению. Совнарком просил делегацию передать Центральному Комитету партии его пожелание о том, чтобы время до восстания было использовано партией для возможно широкой агитационно-пропагандистской работы среди трудящихся масс Бухары, понимая, что успех восстания, в основном, зависит от отношения к нему этих масс. Совнарком обещал младо-бухарцам всяческую поддержку, о чем одновременно им были даны указания Советам Новой Бухары и Самарканда.

После этого совещания между Совнаркомом и ЦК младо-бухарской партии установилась непрерывная связь. Младо-бухарцы становились все настойчивее, считая момент для выступления чрезвычайно подходящим, беспокоясь о том, что оттяжка дает эмиру возможность усилить армию. Эту точку зрения поддерживали и большевики русских поселений Бухары и Самарканда и, в особенности, тов. Полторацкий, работавший уже к этому моменту в Совнаркоме в качестве Наркома Труда.

Чрезвычайный комиссар Совнаркома РСФСР Средней Азии тов. П. Кобозев, с которым, повидимому, имели переговоры младобухарцы, сделал мне указание о необходимости этого выступления. Указание это относится к февралю 1918 года.

Никакой связи по этому вопросу Совнарком Туркестана с центральным правительством не имел, вследствие отрезанности Туркестана. Связь поддерживалась через чрезвычайного комиссара т. Кобозева, приезжавшего в Туркестан через известные промежутки времени и посредством радио-станции, которая лишь изредка работала. Живой связи мешала так называемая „Д у т о в с к а я п р о б к а“, то есть нахождение Оренбурга в руках белоказаков под командой генерала Дутова. Большую часть периода гражданской войны в Туркестане, последний был отрезан от мира

и окружен кольцом врагов. Совласти Туркестана, лишенной, по этим причинам, руководства центра, приходилось в борьбе рассчитывать лишь на свои силы.

В начале 1918 года советскому Туркестану было очень тяжело. Выступили бело-казаки под руководством полковника Зайцева. Бело-казаки свергли советскую власть в Ашхабаде, Мерве, Чарджуе и загнали в подполье советы Самаркандской области. Дорога открылась к Ташкенту... Советские войска наголову разбили бело-казаков вблизи Самарканда.

Не успели вздохнуть, как виступило контрреволюционное так называемое „Кокандское автономное правительство“, поддерживаемое мусульманской буржуазией Туркестана и „Юго-восточным союзом“, с которым кокандцы имели связь. Советская власть вышла победителем и из этой борьбы.

Эти этапы борьбы были тяжелыми. Бои жестокими От исхода борьбы зависело существование советской власти в крае.

Только что отбили эти атаки (одновременно имея и другие участки вооруженной борьбы—новая угроза надвинулась на Туркестан со стороны ханской Бухары.

Эмир, его сановники и оставшиеся в Бухаре агенты царского правительства энергично готовились к нападению. Духовенство разжигало население. В русских поселениях открытую агитацию против совласти вели меньшевики и прочий сброд. Бандит и контрреволюционер находили приют в Бухаре. Остатки разбитого „Кокандского автономнаго правительства“ очутились в Бухаре обласканные эмиром. Белые офицеры разбитых казачьих полков под Самаркандом оказались там же. Шпионы эмира шныряли всюду.

Об'явленная эмиром мобилизация лошадей для армии проходила успешно.

Всяк мог взять винтовку и пойти продать в Бухаре—эмир платил хорошие деньги.

Советское представительство в Бухаре эмиратом игнорировалось. Фактически эмир прекратил сношения с представительством.

Проведению национализации частных руских банков эмират воспрепятствовал.

Тов. Полторацкий на V с'езде советов Туркестанской республики говорил: „Вопрос для нас стал ребром: если мы не разобьем Бухару, она разобьет нас. Промедление в данном случае для нас было смерти подобно“. См. стенограмму V с'езда советов Туркреспублики, речь т. Полторацкого). Тов. Ф. Ходжаев пишет следующее:

„В феврале месяце 1918 года произошли в Туркестане события, сделавшие задачу борбы с эмиром для советского правительства Туркестана первоочередной...

№ 2201—6*

„Непосредственный враг советского Ташкента—автономное правительство Ферганы—было ликвидировано."

„Силы эмира, напротив, росли и становились опасными для советского правительства Туркестана".

„Эмирская Бухара стала прибежищем всех контрреволюционных сил: многочисленные белогвардейские офицеры, старо-режимные чиновники, бежавшие капиталисты находили у эмира весьма радушный прием.

„Число недоразумений эмира с советским правительством росло.

„Проходившие через Бухару с кавказского фронта, демобилизованные казачьи части начали усиленно снабжать Бухару оружием; помимо этого, эмир закупал оружие, где только возможно. Ему удалось установить связь с русскими контрреволюционерами и при помощи русских офицеров наладить довольно многочисленную по тому времени армию в несколько тысяч человек.

„Если к этому прибавить относительную финансовую силу эмирского правительства и его весьма значительные хлебные ресурсы и ту вызывающую позицию, которую он занял по отношению к советскому Туркестану, то станет понятным, почему обеспокоилось советское правительство Туркестана, и Колесов не меньше младо-бухарцев стал торопиться поскорее покончить с эмиратом.

„В эмирской Бухаре советский Ташкент увидел реальную угрозу, ставшей весьма опасным контрреволюционным центром в Средней Азии и приложил все усилия к скорейшей его ликвидации". (Ф. Ходжаев „К истории революции в Бухаре", Узбекгиз 1926 год, стр. 45).

В материалах для докладчиков „Январские события в Ташкенте", изданных АПО Средазбюро ЦК ВКП(б) и Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б), сказано: „В Бухаре вокруг эмира сколачивается и организуется все враждебное Советской власти: там создается кулак, непосредственно угрожающий Советскому Туркестану". (См. „Правда Востока", 18 января 1929 года, № 14).

Тов. Преображенский, работавший в Бухаре, будучи осведомленным о положении дел там и состоянии в связи с младо-бухарцами так характеризовал тот момент:

„Вскоре после Октябрьской революции бухарское правительство, предчувствуя выступление младо-бухарцев, стало усиленно готовиться дать отпор.

„За время с последних чисел ноября и до бухарских событий были об'явлены три мобилизации, созывались жители из кишлаков, которым устраивалось эмиром гуляние, заканчивавшееся джигитовкой.

„За этот промежуток времени особенно усилился подвоз оружия в Бухару, которое не раз перехватывалось в Новой Бухаре.

„Начиная с декабря месяца, снова участились аресты младо-бухарцев, при чем все предложения—Совнаркома Туркестана и Коллегии по бухарским делам относительно смягчения отношения бухарского правительства к младо-бухарцам оставлялись последним без внимания. Наоборот, стала заметисе тенденция итти в разрез с советской властью. Например, эмир не хотел дать аудиенции Коллегии по бухарским делам. А между тем назрел ряд вопросов, требовавших спешного разрешения.

„Вся работа по сношению с Бухарой сводилась к канцелярской переписке. И даже здесь бухарское правительство было мелочно, адресовывая переписку не Коллегии, а резидентству, в котором еще жил старый душок в лице трех чиновников. „Это наши люди, к ним можно обращаться за советом", писал эмир X (фамилия X не разобрана—Ф. К.) в письме, которое и было найдено у последнего (то-есть X—Ф. К.) при его аресте во время бухарских событий.

„Одно время зарвавшиеся восточные деспоты дошли до того, что предложили выдать младо бухарцев.

„Работавший в то время областной с'езд ответил, что русская демократия никогда не будет предательницей своих товарищей младо-бухарцев и такое предложение считает оскорбительным.

„Но этого мало. Я приведу возмутительный пример издевательства бухарского правительства над русскими рабочими.

„Одним из пунктов пресловутого эмирского и миллерского манифеста (речь идет о манифесте, изданном эмиром в марте 1917 года приведенном мною выше.—Ф. К.) было открытие типографии в городе Старая Бухара. Этот пункт был почему-то осуществлен и хотя в уродливой форме, но просуществовала (то-есть типография.—Ф. К.) до февраля 1918 года. Бухарское правительство решило уничтожить этот единственный исполненный ею пункт, но самый факт закрытия типографии носил особый характер. Во двор типографии была введена бухарская полиция, а рабочим в течение нескольких дней было отказано в выдаче провизии, керосина и дров. Среди рабочих начались заболевания, но врач, обслуживавший учреждения бухарского правительства, пользовать заболевших рабочих отказался, ссылаясь на то, что бухарское правительство другой месяц не платит ему жалованья.

„Только-что был ликвидирован вопрос с типографией, появился вопрос с каретной мастерской. Дело совершенно аналогичное. Далее вопрос о национализации частных банков в Бухаре и другие вопросы, требовавшие совместного обсуждения, но бухарское правительство торжественно молчало.

„Создавалось положение или бежать из Бухары, или жить так, как хочет бухарское правительство.

„Советники, в лице русской буржуазии, с которой у эмира были коммерческие дела, прекрасно знали, что Бухара самостоя-

тельна в делах внутреннего самоуправления и что их капитал и рост последних в Бухаре обеспечены.

„Нашли себе приют и работу в Бухаре бежавшие с разных мест офицеры...“(„Голос Самарканда“ 14 апреля, 1918 года № 67).

Вот совокупность обстоятельств, приведших к решению совместного выступления против эмирата.

Незадолго до событий в Бухаре происходил съезд младо-бухарской партии. На съезде присутствовало по данным секретаря ЦК партии т. Агдарова 713 делегатов. Основным вопросом съезда был вопрос о восстании. Съезд принял решение в положительном смысле. По окончании съезда происходил пленум ЦК (это было за несколько дней до восстания). На одном из заседаний пленума, на котором разбирался вопрос о восстании, я присутствовал. С этого заседания я ушел, уверенный в победе младо-бухарцев.

Совнарком решение по вопросу об участии в восстании принял единогласно. Руководство восстанием было возложено на меня.

В двадцатых числах февраля я побывал в Самарканде, Новой Бухаре, Чарджуе и Мерве, где на узких партийных совещаниях сообщил о решении Совнаркома поддержать младо-бухарцев в восстании. Решение это встретило полную поддержку. Места выделили отряды для участия в военных действиях. Отряды эти должны были двинуться в Бухару по моему особому распоряжению. В Новой Бухаре я имел совещание с ЦК младо-бухарцев, на котором решили, что действия начнем 1-3 марта 1918 года, вступлением в переговоры с эмиром. Надежда на то, что удастся мирным путем договориться с эмиром по вопросам удовлетворения требований младо-бухарцев и по вопросам установления нормальных отношений эмирата с советвластью Туркестана, не покидала младо-бухарцев и меня до последнего момента. Нечего и говорить, что это было напрасной надеждой. Советская власть с эмиратом договориться не могла. У рабочих и дехкан (крестьян) Туркестана с ханской Бухарой был один язык—язык оружия.

На этом же совещании я поставил в известность младо-бухарцев, что количество оружия, которое будет подвезено к моменту открытия военных действий, для вооружения младо-бухарцев, будет незначительно: не более 200—300 винтовок и соответствующего количества патронов к ним. Это обстоятельство т. Ф. Ходжаев в своей книге, упомянутой выше, подтверждает. Из крепости Кушки, которая находится на границе Туркестана с Афганистаном, я затребовал артиллерию, лучшую в крае, которая под прикрытием небольшого отряда, прибыла в Бухару к моменту военных действий. С Ферганой договорился по прямому проводу. Там были подготовлены два отряда, кои предполагалось затребовать в Бухару, в случае крайней необходимости, учитывая внутреннее тревожное состояние Ферганы, в связи с басмачеством. С ново-

бухарскими организациями договорился о порядке снабжения частей продовольствием. Этим организациям оказывать посильную помощь должен был ЦК младо-бухарцев.

Первого марта 1918 года я приехал на ст. Каган (Новая Бухара) с ташкентским отрядом в 50 человек, который фигурировал как личная охрана председателя Совнаркома. Все остальные отряды находились в пунктах, не прилегающих к границе Бухары, но готовые в любую минуту двинуться в Бухару. Это было сделано потому, что мы решили, как я уже говорил выше, попытаться договориться мирным путем с эмиратом, почему демонстрацию отрядов считали излишней до поры, до времени. Одновременно прибыла летучка с оружием для младо-бухарского отряда.

Младо-бухарский отряд был в сборе. Ново-бухарский рабочий отряд мог в любую минуту встать под ружье.

Прежде, чем приступить к описанию дальнейшего, считаю необходимым очень кратко изложить обстановку, в которой советская власть Туркестана вела борьбу за свое существование и выяснить в общем силы и средства, которыми она располагала в этой борьбе.

Туркестан во время гражданской войны был отрезан от мира. Руководящих директив получать не мог. По полгоду не имел сведений о том, что делается в РСФСР. Оторванность давала возможность враждебным силам распространять всевозможные провокационные слухи. Граничил Туркестан со злейшими врагами, выжидающими удобного случая для нападения. В территорию Туркестана вклинивались Бухара и Хива, лихорадочно готовящиеся для выступления против совласти. Непрекращающаяся вооруженная борьба совласти с врагами в Семиречье, Закаспии, Фергане и под Оренбургом требовала все новые и новые силы и средства. Контрреволюционные выступления в виде ташкентского (Доррер вского) в 1917 году, самаркандского, кокандского и кизил-арватского в 1918 году и осиповского в 1919 году—подрывали мощь советской власти. Сюда же можно отнести дмитриевское и беловодское выступление в 1918 году и попытку к выступлению ташкентских белогвардейцев 31 декабря 1917 года. Такая обстановка заставляла рабочих и дехкан Туркестана быть особо бдительными и не выпускать из рук оружия ни на минуту. Это обстоятельство отрывало трудящиеся массы от мирной созидательной работы. Аппарат, доставшийся советской власти работал не на нее, предавая при каждом удобном случае. Были случаи забастовок (почтово-телеграфное ведомство). Колчак и Деникин имели план соединения своих армий через Туркестан. Все, кто был против совласти, способствовали тем или иным способом осуществлению этого плана. Отсюда—вредительство, шпионаж и измена. Стойкость рабочих и дехкан советского Туркестана помешала осуществлению этого плана!

Большевистская партия была молода и немногочисленна. Перед ней, не имеющей опыта и традиций, встали задачи, по своей сложности явно непосильные, вытекающие из своеобразных условий Туркестана. Являясь партией национального меньшинства, а это меньшинство принадлежало к ранее господствующей нации, она бессознательно повела политику, враждебную интернациональным интересам пролетарской революции, чем отталкивала туземную бедноту от революции, что ослабляло ее позиции и усиливало противника, в лице мусульманской буржуазии.

Этому способствовала партия левых эсеров, с которой большевики работали на паритетных началах. Левые эсеры при каждом удобном случае натравливали русских рабочих на туземную бедноту, что не являлось делом трудным, принимая во внимание, что русское население Туркестана десятками лет воспитывалось в духе национального превосходства. Застрельщиками и руководителями этой травли русских на туземцев были колонизаторско-националистические элементы, члены союза русского народа (Успенский) и проч., являвшиеся руководящим ядром партии левых эсеров.

Меньшевики, в союзе с мусульманской буржуазией, делали все возможное для того, чтобы травля усиливалась.

В среде партии большевиков этому способствовали изменники Аганов и Осипов и провокатор Пашко-Круглов. Подробно о них — речь впереди.

Нет сомнения, что этот вопрос, исключительный по своей важности, требует подробного разбора, но это не входит сейчас в мою задачу, и я ограничиваюсь сказанным. Верным остается то, что линия партии была невыдержанной и рано или поздно, если бы не была исправлена ЦК российской коммунистической партии, привела бы партию большевиков Туркестана к гибели.

Враги это понимали.

Пойдем далее. Туркестан переживал неслыханный голод. Трупы на улицах городов и в кишлаках—обычное явление. Красногвардейские отряды полураздеты и наполовину босы. Для вооруженной борьбы недоставало орудий, пулеметов, винтовок. Патроны изготовлялись в среднеазиатских железнодорожных мастерских в Ташкенте; гильзы собирали на месте военных действий, а пули изготовляли из свинца. Свинец заливал дула винтовок, и бойцы чистили их под обстрелом врага. Паровозы отапливались хлопковым маслом и аральской рыбой.

Рабочие и дехкане, ведя борьбу в такой обстановке, в полном смысле этого слова, истекали кровью. Стоит-ли говорить о том, что партии большевиков, руководившей борьбой рабочих и дехкан, было неслыханно трудно. Лишь особой стойкостью рабочего класса и партии Туркестана можно об'яснить победу. Умение мобилизовать все силы и средства, имеющиеся в распоряжении совласти

Туркестана для ведения борьбы, сыграло не последнюю роль в победе.

Все то, что я выше кратко сказал об обстановке, силах и средствах, в которой и с которыми совласть Туркестана вела борьбу, относится и к борьбе с ханской Бухарой.

Перехожу к дальнейшему.

После моего прибытия в Новую Бухару произошло совещание с ЦК младо-бухарской партии, на котором был принят план действий, состоящий в следующем:

1) Революционный комитет Бухары и Совнарком обращаются с письмом к эмиру, в котором должны быть изложены требования младо-бухарцев [1]).

2) В случае отказа эмира выполнить пред'являемые требования, начать восстание.

План военных действий, как он намечался ранее то-есть при первом обсуждении вопроса о восстании в Совнаркоме с делегацией младо-бухарцев, состоял в том, что красногвардейские отряды прибывают в Новую Бухару к моменту восстания, которое (восстание) начинается младо-бухарцами изнутри; в случае недостаточности сил младо-бухарцев, красногвардейские отряды вмешиваются в борьбу На этом совещании первоначальный план, по предложению Бухревкома, подвергся такому изменению: отряд младо-бухарцев, поддерживаемый красногвардейскими отрядами, начинает наступление на Старую Бухару, что явится сигналом к выступлению изнутри. Выступление изнутри не состоялось из-за недостатка оружия.

Требования, предъявленные к эмиру, состояли в следующем:

а) учредить при эмире Исполнительный Комитет из представителей младо-бухарской партии, в руках которого должна быть сосредоточена вся полнота власти и по указанию и программе которого (Исполнительного Комитета) проводить реформы;

б) отстранить ряд должностных лиц;

в) отменить ряд налогов;

г) отменить телесное наказание;

д) предоставить свободу слова, свободу обществ;

е) предоставить свободу промысла.

Эмиру давалась гарантия в случае его согласия удовлетворить требования, что он останется эмиром. Во избежание нарушений со стороны эмира, последнему предлагалось обезоружить армию.

Требования эти были препровождены эмиру при особом письме, которое состояло из следующих пунктов ультимативного характера:

[1]) Ревком Бухары был образован центральным комитетом младо-бухарской партии в составе: **Ф. Ходжаева, (председатель)**, Фитрата, Ата Ходжа, Бурханова, Агдарова, Пулатова и Фазмитдин-Максума, на которых ЦК возложил руководство восстанием.

1) требования младо-бухарцев принять без изменений в течение двадцатичетырехчасового срока, о чем поставить в известность;

2) распустить бухарское правительство и на его место назначить Исполнительный Комитет из представителей младо-бухарской партии;

3) в случае непринятия требований, ответственность за дальнейшее ложится на эмират.

Письмо это было подписано от имени Ревкома Бухары тов. Ф. Ходжаевым, а от имени Совнаркома—мною.

Эмир ответил нам в том духе, что лично он не против удовлетворения предъявленных требований, но народ будет противиться этому по своей темноте и фанатичности, вследствие чего предлагал не настаивать на немедленном осуществлении требований и просил согласиться с его обещанием постепенно удовлетворить эти требования. Ответ подвергся обсуждению, в результате которого решили наступать. Частям было дано распоряжение занять исходное положение.

Как только эмиру стало известно, что мы решили открыть военные действия, он прислал второе письмо, в котором изъявил согласие удовлетворить пункт требований о назначении Исполнительного Комитета из младо-бухарцев, а все остальное обещал осуществить по мере возможности. С своей стороны ставил следующие условия: а) войско не должно входить в столицу Бухары—Старую Бухару; б) в Старой Бухаре не должно быть демонстраций младо-бухарцев. Письмо это эмиром подписано не было.

Обсудив письмо мы пришли к заключению, что эмир хочет выиграть время для подтягивания своих сил. Частям отдано было распоряжение начать военные действия.

Подробного освобождения действий нет надобности здесь делать. Ограничусь следующим. Штаб находился на станции Каган. Летучка с огнеприпасами здесь же. Продовольственная база в городе Новая Бухара. Связь с частями—телефонная и конная. От станции Каган как по направлению к Самарканду, так и по направлению к Мерву, по линии железной дороги, курсировали бронепоезда. (Туркестанские бронепоезда представляли собой железнодорожные платформы, защищенные хлопковыми тюками). Задачей этих бронепоездов было не допустить разрушения железнодорожной линии. Резерв в составе 150—200 бойцов находился на станции Каган, действовавший временами на том или ином участке. В военных действиях участвовали следующие соединения: младо-бухарский отряд—250-300 бойцов; ново-бухарский рабочий отряд—450-500 бойцов; отряд аму-дарьинских матросов—150 бойцов; кушкинский отряд—100 бойцов; ташкентский отряд—150 бойцов; отряд Мураева—100 бойцов; самаркандский отряд—150 бойцов; закаспийский отряд—около 100 бойцов; морозовская летучка (со-

става не помню), сводный конный отряд—около 150 бойцов и некоторые другие более мелкие формирования. К концу военных действий численность всего соединения достигала свыше 2000 бойцов. Штаб состоял из представителей крупных частей. Обязанности начальника штаба выполнял командир аму-дарьинского отряда. Общее командование осуществлял я. Моим помощником короткое время был т. П. Полторацкий, выбывший из строя вследствие ранения в ногу по причине неосторожного обращения с оружием.

Две колонны—одна по шоссе, другая по железнодорожной линии Каган—Старая Бухара, поддерживаемые артиллерийским огнем—наступили на Старую Бухару. Фланговым ударом противник был отброшен к стенам Старой Бухары. Наступление успешно развивалось, обещая победу. В этот момент от эмира прибыла делегация во главе самых влиятельных сановников: Усман-бек Кушбеги и Ходжи Закарья Азимова. Делегация сообщила нам о согласии эмира удовлетворить все наши требования и передала просьбу эмира прекратить военные действия, во избежание дальнейших обоюдных жертв. Нужно сказать, что армия эмира во время этого боя понесла значительные потери. Наши требования о разоружении бухарской армии эмир тоже принимал. Переданный нам делегацией манифест эмира вполне удовлетворял бухарский Ревком.

На специальном совещании, где бухарский Ревком был представлен товарищами Ф. Ходжаевым, Фитратом, Бурхановым и Фазмитдин-Максумовым решено было наступление прекратить, в соответствии с чем командование дало распоряжение частям отойти на первоначальные позиции.

Для контроля над проведением обезоружения бухарской армии, по соглашению с эмирской делегацией, была образована комиссия во главе с т. т. Уткиным и Пендо, которая вместе с делегацией эмира, сопровождаемая отрядом в 15-20 человек, отправилась в Старую Бухару. С делегацией эмира обусловлено было, что после обезоружения бухарской армии младо-бухарцы войдут в Старую Бухару. Даю место манифесту:

„Именем Великого Бога, объявляем всему нашему народу, что для нации нет более важного счастья, чем равенство и свобода. Мы отлично знаем, если не дать нашему народу права и свободы и не реформировать правительственное управление по духу времени, то мы не достигнем счастья народа и полной отрадности жизни в нашей стране. Мы признаем, что первой причиной такой отсталости нашего народа и нахождение его в темноте и в невежестве является [illegible]вежество наших администраторов и рабство нашего народа.

Принимая во внимание эти обстоятельства и желая улучшения жизни нашего народа и нашей страны, нами был издан одиннадцать месяцев тому назад один манифест, но благодаря подстрекательству некоторых сатрапов, манифест этот остался не проведенным.

От этого народ Бухары потерпел большое зло.

Так как нашей основной задачей является счастие страны и свобода народа, издавая этот второй манифест, мы об'являем всему нашему народу, что наше это решение твердое.

Для счастия народа наши задачи, которые будут проведены в стране, нижеследующие:

Первое. Предоставляя всему нашему народу свободу слова, свободу промысла, свободу обществ, окончательно аннулируем хищничество и тиранию.

Второе. На место существующих советников учреждаем в составе бухарских либералов Исполнительный Комитет, и все реформы проводим по программе и указанию этого Комитета.

Третье. Ввиду того, что стоящие во главе существующего правительства лица, являясь противниками свободы, подготовляют создать прежние крамолы, отстраняем их, а на место их назначаем лиц, которые будут указаны Исполнительным Комитетом.

Четвертое. Управление страны организуем на основе справедливости и шариата.

Пятое. Исключаем из существующих положений телесное наказание и смертную казнь.

Шестое. Аннулируется существующая и разоряющая дехкан и страну система налога „амляк" и в будущем устанавливаем, по указанию Исполнительного Комитета, какой-либо приемлемый другой налог.

Седьмое. Приносящая вред для торговых дел страны система налога „аминана" аннулируется.

Весь наш народ должен хорошо знать, что наши эти решения по пути к реформированию дел страны тверды.

Нет в мире таких сил сатрапов, которые могли бы заставить нас отказаться от этих решений.

Если кто-либо, или какое-либо общество будет противодействовать этому манифесту, таковые будут подвергнуты нами самому строгому наказанию.

Девятнадцатое джумадиальиввал, год 1336 гиджри, соответствует второму марта года 1918 маляди.

„Печать эмира".

Прошло некоторое время после от'езда нашей делегации в Старую Бухару, и мы получили печальную весть: делегация погибла. Весть эту принесли два красногвардейца из отряда, отправившегося сопровождать нашу комиссию, которые случайно избегли гибели. История гибели делегации такова: сперва растерзали отряд, сопровождавший делегацию, а делегацию заперли в какой-то дом, не обезоруживая ее. Через несколько часов дом был окружен толпой, которая намеревалась растерзать делегацию, но последняя стала отстреливаться; тогда дом подожгли, и все находившиеся в нем сгорели. В лице погибших товарищей мы потеряли лучших борцов за дело рабочего класса. Как сейчас вижу т. Пендо, идущего впереди цепи, воодушевляющего бойцов. Память о нем как об одном из лучших солдат Революции ос-

тается навсегда. Гибель делегации вызвала общее возмущение. Факт гибели делегации привел нас к убеждению, что эмир вел с нами переговоры и писал манифест с единственной целью: выиграть время, необходимое ему для мобилизации сил. Это оказалось правильным.

Упомянутое прекращение наступления на Старую Бухару, происшедшее в связи с принятием эмиратом наших требований, было роковой ошибкой, которую исправить не удалось. Я далек от мысли отмежевываться от какой-либо ошибки, имевшей место во время борьбы с эмиратом. Наоборот, считаю себя виновным более, чем кого-либо, в той или иной допущенной ошибке. Однако, должен сказать, что Бухарский Ревком не проявил в этом случае необходимой осторожности, к чему он обязан был всем опытом долголетней борьбы партии с эмиратом, о котором (опыте) большинство из нас не имело понятия.

Ошибкой было и то, что, посылая свою делегацию, мы не оставили заложников из числа членов делегации эмира. Я предложил это сделать, но отдельные члены Ревкома и ряд участников категорически возражали против этого, указывая, что это нанесет обиду эмиру и все дело будет испорчено.

Военные действия возобновились.

С возобновлением военных действий мы убедились в том, что совершили непоправимую ошибку, прекратив военные действия тогда, когда под нашим ударом противник дрогнул и отступил, и мы почти находились на его плечах. Дальнейшее развитие наступления и атака Старой Бухары могли дать нам победу. С возобновлением же военных действий эмират противопоставил нам не только силу своей армии, действовавшей ранее, но и силу тридцати пяти тысячного населения, вооруженного чем попало, которое было мобилизовано эмиром за время, выигранное им по нашей оплошности. Такой скорой мобилизации способствовало духовенство, „призвав верных на борьбу с вторгнувшимся завоевателем". Часть этой армии, а именно около 15,000—20,000 человек была брошена на железную дорогу, которая за сутки была разрушена на сотни верст. Связь прервалась, „броневики" затерялись в песках. Тыла не стало. Получение подкреплений в виде бойцов, огнеприпасов и прочего стало невозможным.

Несмотря на создавшуюся обстановку, командование все же решило атаковать Старую Бухару. Отряды, собравшись в кулак и поддерживаемые артиллерией, двинулись. Об успешном развитии этого наступления можно судить по тому, что эмир, захватив жен и ценности, охраняемый конным отрядом, эвакуировался из Старой Бухары. Предпринимая эту операцию, командование очень рассчитывало на подход отрядов, двигавшихся со стороны Мерва. Отряды эти, как нам известно было до перерыва связи, продвигались успешно, взяв с боем два пункта и разгромив одно из опол-

чений эмирата. Известно было также и то, что у отрядов имелись запасы снарядов, в которых мы ощущали недостаток. Недостаток снарядов туркестанские отряды имели и не только во время военной борьбы в Бухаре. Мервские отряды не подошли, что повлияло на исход борьбы. Оказалось, что отряды эти, в связи с перерывом связи, были остановлены „до выяснения положения“. Остановке отрядов способствовал **Печатников**, левый эсер, тот самый, который, по словам тов. **Дубицкого**, „скрывал Доррера“ [1] (тов. Рыскулов „Революция и коренное население Туркестана“, Узбекгиз, 1925 год).

Кончились снаряды и командованию ничего не осталось делать, как отдать распоряжение отрядам об отходе на станцию Каган.

Обсудив создавшееся положение, решено было отступать из Бухары. Но куда отступать? Появились слухи о том, что в Самарканде и Ташкенте советская власть пала. Были предложения отступать в сторону Мерва. Слухи о падении советской власти в Самарканде и Ташкенте, разумеется, распространялись нашими врагами, коим через эмира было известно, что из Ташкента к нам на помощь вышли отряды, о чем нам в этот момент не было еще известно. Эмирату важно было, чтобы мы не соединились в ближайшее время с ташкентскими отрядами, что облегчало задачу эмирской армии—разбить нас. Командованием отдано было распоряжение отступать в сторону Самарканда, исходя из цели: установить связь с Самаркандом, получить подкрепления в виде снарядов и хотя бы одного свежего отряда, после чего возобновить военные действия против бухарской армии.

Но одно дело решить отступить и другое—отступить. Не так, оказывается, это легко. Пожалуй немного легче наступления, если учесть настроение побежденной армии, отдаленность, расстилающиеся пески, безводье, отсутствие достаточного количества продовольствия, непрекращающиеся атаки врага, отсутствие снарядов и прочее и прочее. Отступление еще более осложнилось тем обстоятельством, что отряды оказались прикрепленными к железнодорожным эшелонам, растянувшимся на пять верст, занятым эвакуировавшимся населением Бухары в составе 10.000 человек. Здесь были семьи младо-бухарцев и семьи железнодорожных рабочих. Вследствие этого отряды лишены были маневроспособности. Случилось это так. Когда решено было отступать, то бухарский Ревком поставил вопрос об эвакуации семейств младо-бухарцев. Командование, давая разрешение на это, предвидело возможность того, что за семьями младо-бухарцев двинется и остальное население Новой Бухары, то-есть семьи железнодорожных рабочих и служащих советских учреждений. Так оно и случилось. Наши ме-

[1] *Доррер*, помощник генерального комиссара Временного Правительства в Туркестане, возглавлявший контрреволюционное восстание в Ташкенте в декабре 1917 года. Расстрелян.

ры к сокращению числа эвакуирующихся дали небольшие результаты. Сумятице способствовали все те, кому выгодно было усугубить наше отступление. Продвигались мы к Самарканду по мере того, как двигавшийся впереди ремонтный железнодорожный отряд прокладывал железнодорожное полотно, растащенное бухарцами при помощи верблюдов. Движение, по скорости своей, можно без преувеличения сравнить с движением черепахи. А противник время от времени атаковывал. Ремонтный отряд работал под обстрелом, куда противник направлял свои главные удары, стремясь этим задержать движение и взять нас измором, осведомленный о том, что мы ощущаем недостаток в воде. Число упавших духом увеличивалось с каждым часом. Даже некоторые командиры отрядов высказывались среди красногвардейской массы в том духе, что выбраться не удастся, и гибель неизбежна; вопрос лишь времени. Штаб фактически перестал существовать. На небольшую группу товарищей пала вся тяжесть задачи. Меньшевики, кадеты и прочий контрреволюционный сброд действовали. Несомненно, что эмир платил им хорошо. При их содействии по отрядам стал распространяться слух о том, что если будут выданы младо-бухарцы, то эмирская армия прекратит преследование и откроется возможность беспрепятственного продвижения к Самарканду. На младо-бухарцев еще с момента отхода частей на станцию Каган поглядывали косо, а когда появились эти слухи, то отношение к ним сделалось резко враждебным. Командованию пришлось принять меры к особой охране их. Дело дошло до того, что вопрос о выдаче младо-бухарцев был поставлен на одном из заседаний штаба. Командованию пришлось снять вопрос с обсуждения. Отряды все более и более стали тяготиться своей прикрепленностью к эшелонам. Преступный элемент стал вести агитацию за то, чтобы бросить эшелоны и двинуться походным путем, что давало отрядам преимущества против движения по железнодорожной линии под постоянным обстрелом противника. Преступный элемент здесь преследовал свою цель: грабеж эвакуированного ново-бухарского отделения народного банка, разместившегося в одном из вагонов. Катастрофа была возможна. Можно было предполагать, что лица, враждебно относящиеся к Советской власти, преступный элемент и люди, потерявшие голову, могут увлечь отряды, в результате чего произойдет растерзание младо-бухарцев, грабеж отделения банка и оставление эвакуировавшегося населения на произвол судьбы. Нечего и говорить, что большинству комсостава и ответственным работникам в этом случае грозила также гибель.

Сложившаяся таким образом обстановка принудила командование вступить в переговоры с эмиратом о перемирии. Заключать мир командование не намеревалось. Задача сводилась к тому, чтобы выиграть некоторое время. Переговоры осложнились требованием эмира выдать младо-бухарцев. Нечего и говорить, что

командование могло ответить на это только решительным протестом. Решительный отпор командования эмиру на это требование большинством не разделялся.

Чем бы все это кончилось—трудно сказать. Обстановка разрядилась вследствие происшедшего соединения с ташкентскими отрядами, прибывшими к нам на помощь.

Пришедшими тремя отрядами командовал П. Домогатский, левый эсер. Отряды следующие: Ташкентский под командой левого эсера Колузаева, тоже под командой левого эсера Степанова и под командой левого эсера Петренко. Начальником штаба был большевик тов. Гудович, которого Домогатский через некоторое время выкурил из штаба.

Эмир, в связи с нашим соединением с ташкентскими отрядами, присмирел и стал проявлять уступчивость. Разумеется, он ожидал возобновления военных действий против него. Ташкентские отряды по пути продвижения к нам с боем взяли один из крупных пунктов Бухары—Кермине. По соединении мы представляли собой армию, довольно грозную для эмирата. Имелась возможность получить снаряды независимо от запасов, имевшихся у прибывших отрядов. Младо-бухарский отряд представлял собой количественно большую силу, чем в начале военных действий. В ряде пунктов организованы были отряды, готовые двинуться в Бухару по требованию. Даю место документу.

„Сообщается, что во многих пунктах организовались отряды 100—150 бойцов для борьбы на бухфронте". (См. „Наша Газета" № 47 12/III. 1918 г. Ташкент).

Все было за то, чтобы возобновить военные действия и добиться победы над эмиратом.

Тов. Ф. Ходжаев говорит по этому вопросу следующее:

„Я думаю, что стремления Колесова заключить с эмиром во что бы то ни стало мир было вызвано не его военной слабостью в борьбе с эмиратом, а внебухарскими событиями: начавшимся контрреволюционным оживлением в Туркестане и голодом в киргизских районах Туркестана. Эти два события отвлекли внимание советского правительства Туркестана и лично Колесова от Бухары. Иначе собравшихся частей было бы вполне достаточно, если не для полной ликвидации эмирата, то, во всяком случае, для разгрома эмирской армии..." (См. Ф. Ходжаев „К истории революции в Бухаре", Узбекгиз, Ташкент, 1926 год, стр. 53).

Военные действия возобновлены не были. Разберемся в причинах.

Вследствие от'езда моего в Бухару, заместительство меня по Совнаркому было возложено на Агапова, работавшего в качестве наркомвнутрдел республики. Агапов, что было видно из партбилета, старый большевик. Он был весьма популярен среди рабочих Среднеазиатских железнодорожных мастерских, где проработал продолжительное время. Работая с нами, он, оказывается,

одновременно возглавлял контрреволюционную организацию, раскрытую в начале 1919 года, в связи с так называемым „Осиповским" контрреволюционным восстанием против советской власти. Ближайшими помощниками Агапова были полковник Цветков и Попов. Первый работал в аппарате Наркомвнудела, а второй в Среднеазиатских мастерских. Агаповская организация была связана со всеми контрреволюционными силами Туркестана и, в частности, с Бухарой. Как только началось восстание в Бухаре, агаповская организация стала действовать. Среди рабочих пошли самые нелепые слухи о событиях в Бухаре. Подготовив несколько почву, Агапов и Попов организуют в Среднеазиатских мастерских митинг, на котором красногвардейские отряды, действующие в Бухаре, обливаются грязью. Отряды обвиняются в грабежах, в пьянстве и т. п. гнусных вещах. Факт эвакуации Новобухарского отделения Государственного банка эта публика представила рабочим как грабеж. Рассказывалось, что деньги отряды поделили. Таким образом, истинные причины военных действий в Бухаре от рабочих были скрыты. [1])

Вслед за упомянутым митингом был организован второй митинг в Ташкентском городском саду, на котором агаповская организация обеспечила присутствие всех злейших врагов советской власти. Об этом митинге тов. В. Рдноскела рассказывает следующее:

„По инициативе рабочих узлового комитета Среднеазиатских железнодорожных мастерских был собран в городском сквере митинг, на котором присутствовали рабочие города Ташкента, члены демократических организаций и обыватели. Число присутствовавших 5.000 человек...

Повестка дня:

1. Чем вызваны события в Коканде.

2. Чем об'ясняется гражданская война в Бухаре.

3. Каково положение о заключении мира с внешним врагом.

4. Куда девались 40.000.000 рублей, 110 фунтов серебра и 32 фунта золота, вынутых в Бухарском отделении государственного банка.

5. Когда будет созвано учредительное собрание.

6. Что мешает созыву его.

Повестка была принята единодушно.

Выступали ораторы всех партий.

После речи тов. П-па о созыве Учредительного собрания, раздались аплодисменты...

Вдруг раздались выстрелы...

---

[1]) Ново-бухарское отделение Государственного банка благополучно прибыло в свое время в Ташкент, и все денежные средства поступили в Туркестанское отделение Государственного банка, что было оформлено соответствующими банковскими документами, о чем в свое время докладывал Совнаркому комиссар финансов республики.

„Перед закрытием был назначен второй народный митинг...“

(См. газету „Голос Самарканда“ № 43, от 17 апреля 1918 г.)

Комментировать нет надобности. Все ясно. Нужно только пояснить: а) митинг был созван узловым комитетом железной дороги, в котором верховодил Попов, упомянутый выше соратник Агапова, и б) выступивший за созыв учредительного собрания „тов. П-па“ был Попов.

Когда в Ташкенте стало известно, что действовавшие красногвардейские отряды против эмирата отрезаны, Агапов для дальнейших действий вступает в союз с вожаком туркестанских левых эсеров Успенским, работавшим в Совнаркоме, впоследствии уличенным в связи с Агаповым и осужденным судом. Связь левых эсеров с агаповской организацией и участие левых эсеров в осиповском контрреволюционном восстании, в настоящее время является доказанным среднеазиатским Истпартом ЦК ВКП(б) на основании документов. Вот что говорится в материалах для докладчиков о январских событиях в Ташкенте, изданных АПО Средазбюро ЦК ВКП(б) и Истпартом Средазбюро ЦК ВКП(б):

„Январские события в Ташкенте, являющиеся, несомненно, отголоском левоэсеровского мятежа в Москве, были организованы партией левых эсеров в интересах всей капиталистической белогвардейщины по наущению и под руководством агентов английского капитализма. Они имели целью нанести удар в спину советской власти, чтобы уничтожив большевистский центр в Ташкенте, способствовать об'единению контрреволюционных сил, боровшихся на территории Туркестана, и оторвать Туркестан от РСФСР.

Чью волю выполняла партия левых эсеров, организовавшая восстание? Волю английского империализма, желавшего оторвать Туркестан от Советской России, равно [redacted] и Баку, и Кавказ, и превратить Туркестан в свою колонию, соединив его непосредственно через Афганистан с Индией, волю местного бай-манапства, желавшего реставрации феодальных и капиталистических отношений.“

(См. „Правда Востока“. Ташкент, № 14 от 18 января 1929 года)

Должен сказать, что ряд членов лево-эсеровской партии в связи с осиповским восстанием порвали с ней, осудили ее и, вступив в коммунистическую партию, всей своей дальнейшей работой в рядах коммунистической партии доказали верность свою делу рабочего класса. К таким товарищам относятся: Н. Паскуцкий, Иванов, Белов и ряд рабочих, связавших свою судьбу на известный период с партией левых-эсеров, как бы по стечению обстоятельств.

Агапов, после установления связи с Успенским, стал проводить линию, соответствующую своей задаче, как в Совнаркоме, так и в Ташкентском совете, а именно в том направлении чтобы не посылать в Бухару помощи. Но он столкнулся с решительными возражениями ряда товарищей и лучшей части рабочих. Тогда на сцену выступили командиры Ташкентских отрядов Колузаев и Степанов. Они, солидарные со своей партией, отка-

зались выступить в Бухару, но через некоторое время, вследствие оказанного давления, стали готовиться к выступлению. Раз отряды выступают—задача Агапова и Успенского состоит в том, чтобы не допустить возобновления военных действий против эмирата по соединении частей. Почва для этого была подготовлена Не только часть рабочих, но и отдельные организации относились к действиям в Бухаре отрицательно, по той причине, что Совнарком скрыл от них истинную причину событий представив все в ложном и гнусном виде. Отряды выступили с целью помочь нам выбраться из окружения и только.

Тов. Гудович, бывший начальником штаба вышедшего из Ташкента воинского соединения, на собрании среднеазиатского землячества рассказывал, что по соединении с нами у отрядов не было стимула для борьбы с эмиратом, ибо Совнарком скрыл от них истинные причины военных действий, а представил дело так, что на нас напали эмирские войска и нужно помочь отрядам выбраться из окружения и заключить с эмиратом мир. Тов. Гудович обвинил Агапова и Успенского в предательстве.

Совнарком вынес постановление о заключении мира с эмиратом и миссию эту возложил на Домогатского, работавшего в Совнаркоме.

Второй задачей Агапова и Успенского было: отвлечь мое внимание от Бухары, ибо они допускали возможность моего неподчинения постановлению Совнаркома, учитывая практику совместной работы фракции коммунистов и фракции левых-эсеров в Совнаркоме. Хотя левые эсеры в Совнаркоме и представляли большинство, но задавить нас им не удавалось ни по одному вопросу. Учитывая это, Успенский пишет мне письмо, в котором настаивает на немедленном моем приезде в Ташкент, считая внутренее положение чрезвычайно обострившимся и грозным. В письме указывалось на ряд затруднений на других участках борьбы. Далее он указывал, что с Бухарой можно отложить, а то, мол, как бы не проиграть все. Фарисействовал и на счет того что, мол, в Ташкенте не все ладно и чувствуется, мол, какое-то оживление враждебных сил. В этом духе информировал меня и Домогатский, Точно так же, меня информировали прибывшие товарищи по партии. Некоторые из них повидимому были настроены Агаповым. Действительно, обстановка в Ташкенте была нездоровой, она пугала товарищей по партии, и они, конечно, искренно советывали мне поспешить в Ташкент и полагали, что наши действия против эмирата можно отложить на некоторое время. Не знаю, как бы все сложилось, но эсерам избавиться от меня помогло мое заболевание. Я заболел еще до соединения, но кое-как держался, а тут совсем свалился, Считаясь со всем этим, я выехал в Ташкент, предполагая на месте добиться изменения постановления Совнаркома о заключении мира с Бухарой, дав указания Домо-

гатскому, считаясь с его полномочиями на заключение мира, по вопросам линии поведения по отношению к эмиру и по вопросу наших задач в отношении младо-бухарцев. В Ташкент я прибыл больной и пролежал около месяца и никакого влияния на ход дела оказать не мог, принужденный впоследствии от имени Совнаркома утвердить состоявшееся соглашение с эмиратом, в котором ни звука не было сказано о младо-бухарцах.

Выпроводив меня, а вслед и т. Гудовича, левые эсеры, что называется, развязали себе руки. Они выступили пламенными сторонниками мира с Ханской Бухарой и преследователями младо-бухарской партии. Кто они? Домогатский, Колузаев и Степанов—левые эсеры. Шмидт—никто толком не знает, кто он. Выдавал себя за анархиста. Подозревался в шпионаже. От эмира получал бриллиантовые ценные кольца. В большой дружбе состоял с Агаповым и на него работал. Загадочно погиб. Введенский—агент царского правительства в Бухаре; заклятый враг советской власти. Тов. Ф. Ходжаев, в упомянутой мною выше книге, говорит о Введенском, как о человеке, принесшем огромный вред советской власти. Упомянутый выше Степанов за воровство и бандитизм впоследствии был растерзан красноармейцами своего отряда.

Интересен следующий случай. Когда Домогатский соединился с нами, то Колузаеву где-то на глаза попался тов. Ф. Ходжаев, и он арестовал тов. Ф. Ходжаева. Отпустил Колузаев тов. Ходжаева только после моего распоряжения. Когда я вызвал Колузаева для об'яснения причин его поступка, то он сослался на недоразумение. Конечно, это было далеко не недоразумением.

Вывод. В борьбе с советской властью и младо-бухарцами об'единились: Ханская Бухара, левые эсеры, меньшевики, кадеты, агаповская контрреволюционная организация, бывшие агенты царского правительства и всякий сброд, вроде Шмидта.

Даю место соглашению с эмиратом:

„Во избежание всякого рода недоразумений и неясностей, при проведении в Бухарском ханстве, тех или иных вопросов, чрезвычайному комиссару при бухарском правительстве т. Шмидту вменяется в строгую обязанность неуклонно и точно руководствоваться во всех случаях договорами, заключенными между Россией и Бухарой 11 мая 1868 года № 50, о торговле, 28 сентября 1873 года, № 51, о Шнаре, о дружбе, протоколом 28 августа 1888 года, о русских поселениях в ханстве, а также протоколом дополнительного соглашения, заключенным между русскими и бухарскими уполномоченными в Кзыл-Тепе 25 марта сего года, текст коего ниже следует:

Присутствовали:

Со стороны России: комиссар отрядов гр. В. Я. Шмидт, военная коллегия Г. А. Колузаев, Степанов и В. М. Копытов, товарищ комиссара путей сообщения Туркестанского края А. Ф. Солькин, городской голова Новой Бухары А. Н. Гальперин, уполномоченные председателя Совета народных комиссаров Туркестанского края гр. П. П. Введенский и Х. Х. К. Мирбадалев.

Со стороны Бухары: главный бухарский зякетчи Мирха Салим, Порваначи, Бий Ходжа, Абдурауф, Караванбаш Азизов, Мир-Баба, Мирахур. Председательствовал гр. В. Я. Шмидт, секретарь гр...,т. А. Ф. Солькин. Переводчик П. П. Введенский.

Гр. командующий войсками Туркестанского военного округа и народный комиссар Туркестанского края. П. А. Домогатский в виду острого заболевания согласно свидетельства врача, не мог присутствовать.

Слушали:

1. Совместными усилиями обезоружить бухарско-подданных.

Постановили:

Редакция принята с добавлением пожелания бухарских уполномоченных „оставить вооружение в глубоких степях, которое необходимо для охраны скота уменьшив это вооружение на половину и заменив винтовки дробными ружьями"

2. Оставить регулярную армию в пределах штатов, существовавших до последних событий.

Воспретить покупку всякого рода боевого огнестрельного оружия и снаряжения.

Редакция принята с добавлением „в числе двенадцати тысяч при 12 военноначальниках".

Все старые медные орудия остаются у бухарского правительства. Все новые орудия казнозарядные выдаются вместе с пулеметами, если таковые окажутся, России.

3. Выдать всех русских контрреволюционеров и офицеров русской армии, скрывающихся в бухарском ханстве.

Принято без изменений.

4. Обязать бухарское правительство восстановить железнодорожный путь и все убытки, происшедшие от военных действий, от разрушения всех государственных предприятий, убытки мирного населения и семей убитых и раненых солдат армии бухарского фронта по определению особо избранной комиссии. Обязать бухарское правительство предоставить в распоряжение Совета народных комиссаров сто вагонов хлеба.

От слов „обязать бухарское правительство" до слов „убытки мирного населения" принято без измений. От слов „убытки мирного населения" и до конца пункта следующая редакция: „Возмещение убытков мирного населения и семей убитых и раненых возложить на правительство каждой стороны по принадлежности. Бухарское правительство предоставляет в распоряжение Совета народных комиссаров равномерно сто вагонов хлеба и, в первую очередь, отправляет в Ташкент двадцать вагонов по выяснении наличных запасов советским комиссаром или его уполномоченным".

5. Обеспечить в дальнейшем целость и сохранность железнодорожного пути, телеграфа и жизнь служащих железной дороги на протяжении Бухарского ханства путем заключения особого договора между обоими договаривающимися правительствами.

Принято без изменений.

6. Беспрепятственное передвижение войск по Бухарской и Среднеазитской железным дорогам

Принято без изменений.

7. Обмен пленными без особого вознаграждения.

Принято без изменений.

8. Безусловное признание бухарским правительством советского комиссара при бухарском правительстве.

Принято без изменений.

9. Обязать бухарское правительство не перелагать на беднейшее население ханства тех расходов, которые бухарское правительство понесет при возмещении убытков, предусмотренных пунктом четвертым.

Принято без изменений.

Подлинный подписали все вышепоименованные лица".

Теперь, после выяснения роли левых эсеров напомню сказанное выше о том, что закаспийские отряды, двигавшиеся к нам были остановлены левым эсером Печатниковым „до выяснения положения". У меня нет сомнения в том, что это было сделано по указке из Ташкента. Печатников в партии левых эсеров играл видную роль. Интересно и то обстоятельство, что отряды под командой Домагатского, выйдя из Ташкента, двигались не спеша, ввязываясь в бои, кои можно было бы избежать. Словом, не торопились соединиться, зная, что мы находимся в ужасном положении. Предложение, сделанное штабу Домагатского некоторыми товарищами о высылке в нашу сторону разведывательного отряда, принято не было „по стратегическим соображениям" Степанова. Не они пробились к нам, а наша летучка под командой В. Морозова, оторвавшись от нас, обреченная нами на смерть, пробилась к ним. Только после этого к нам была выслана конная разведка.

В отношении младо-бухарцев у левых эсеров оказался свой план, состоящий в том, чтобы из партии, возглавляющей национально-освободительное движение в Бухаре, сделать партию по образу и подобию своему, то-есть способную предавать борьбу трудящихся за свое освобождение.

В младо-бухарской партии, в связи с неудачными результатами восстания, произошло разногласие. Партия раскололась. Лучшая часть ее, во главе с т. Ф. Ходжаевым, отколовшись, явилась основным ядром коммунистической партии Узбекистана. Этого забывать не нужно. Другая часть партии, составлявшая большинство, оформилась на платформе левых эсеров. Между новым руководством партии и левыми эсерами установились дружные отношения, тогда как против группы т. Ф. Ходжаева эсеры продолжали свои преследования.

Привожу документ:

„Сообщается, что Исполком младо-бухарцев, по случаю последних бухарских событий, переехал в Ташкент, переизбрал состав Комитета и принял программу левых социалистов-революционеров, по которой будет вести дальнейшую свою деятельность.

Состав Комитета следующий:

Председатель П. Пулатходжаев. Секретарь Мирза Абдупаямов. Казначей Абдузасиев. Члены: Пулатджанов Коры. Хасаналиев. и Мухидин Ходжа Ядгор-Ходжаев"

(См. газету „Голос Самарканда", № 97, от 29 мая 1918г).

За время моей болезни младо-бухарцы претерпели массу лишений и обид. Попыткам группы т. Ходжаева связаться со мной для переговоров по неотложным делам препятствовали Агапов и Успенский, ссылавшиеся на мое заболевание, хотя я переговорить с ними все-таки мог, считаясь с неотложностью вопроса.

В чем же состоят главные причины неудачи восстания? Их, причин, на мой взгляд пять:

1. Партия младо-бухарцев к моменту восстания не провела достаточной работы среди трудящихся масс Бухары. Идеи младо-бухарцев большинством этих масс восприняты не были. Большинство находилось еще под влиянием духовенства. Это обстоятельство дало возможность эмирату поднять против нас население, как против завоевателей „святой Бухары". По этой же причине местные организации партии не смогли оказать влияния на ход восстания, не говоря уже о вооруженных действиях со стороны их, что предполагалось Центральным комитетом младо-бухарцев. Правда, недостаток оружия связывал действия организаций, но и та часть, которая была вооружена, активности не проявила.

2. Несостоявшееся выступление изнутри, отмененное за несколько дней до восстания по недостатку оружия. Центральный комитет младо-бухарской партии пришел к убеждению отменить выступление в связи с моим извещением их о том, что оружие будет доставлено лишь к моменту восстания в количестве не более 300 винтовок, то-есть в количестве, достаточном лишь для вооружения младо-бухарского отряда, который соберется в Новой Бухаре. Таким образом, часть нашего плана оказалась невыполненной. Ранее младо-бухарцы получили небольшое количество оружия от Самаркандского и Ново-бухарского советов. Тов. Ф. Ходжаев считает (см. его книгу, упомянутую мною выше), что я, якобы, мало придавал значения выступлению изнутри, и он этим об'ясняет недостаточное снабжение младо-бухарцев оружием. Это не так. Я придавал этому решающее значение, как и бухарский Ревком. Открывая военные действия, командование рассчитывало на одновременное выступление изнутри, предположенное планом. Недостаточный отпуск оружия об'ясняется единственной причиной— неимением такового. Острота с оружием была такова, что для вооружения младо-бухарцев пришлось часть оружия взять путем частичного обезоруживания других отрядов.

3. Партия младо-бухарцев не была единой в момент восстания, что было так необходимо для успеха. Партия раздиралась внутренними разногласиями. Вот что говорит т. Ходжаев:

„Но и внутри самой младо-бухарской партии не было настоящего единства, настоящей твердой воли к победе. Партия еще не собрала своих сил, разбитых и разрозненных после мартовских событий 1917 года, в ней не было единства идеи и настроения; ее терзали внутренние противоречия—борьба групп и мнений.

„Влияние духовенства в стране было огромно. Эмир, как глава духовенства, а не только светский властитель, держал в своих руках все нити руководства духовной жизнью страны.

„При такой обстановке каждому беспристрастному наблюдателю было ясно, что выступление осуждено на неудачу, что выступать очень рискованно, если не безумно.

„Почему же ЦК все же решился на этот неосмотрительный шаг?

„ЦК был вынужден выступить под влиянием все усиливающихся репрессий эмира, грозящих окончательным уничтожением всему джадидскому движению.

„В случае отказа от выступления рисовались долгие годы медленной подготовки общественного мнения, накапливания сил,—все это в невыносимых условиях эмирского гнета и все усиливающихся репрессий.

„Не надо скрывать, что тут большую роль сыграло некоторое ослепление членов ЦК, излишнее увлечение руководителей движения теми, как мы теперь видим, небольшими успехами, которые сделала младо-бухарская партия среди кустарей и бедняков Бухары, а также среди армии эмира. Это сообщило уверенность в успехе, все же вышеотмеченные исключительной важности неблагоприятные моменты не были учтены полностью и своевременно". (Ф. Ходжаев „К истории революции в Бухаре", Узбекгиз, Ташкент 1926 год, стр. 43—44).

4. Прекращение первого наступления на Старую Бухару, удачно развивавшегося и обещавшего победу, что произошло (то-есть прекращение) в результате хитрого маневра эмирата, разобранного подробно выше.

5. Помощь, оказанная эмиру в борьбе с восстанием, со стороны левых эсеров, меньшевиков, кадетов, агаповской организации и прочих сил. Помощь эта была оказана эмиру разнообразно. Предательская работа агаповской организации, левых эсеров в Совнаркоме и провокационная работа кадетов в Бухаре были для Эмира наилучшими видами помощи.

Теперь вернемся к тому, что сказал т. Сафаров о Бухаре. Его точку зрения на события я процитировал в начале очерка. Отвечает ли действительности то, что он сказал? Нет, действительности не отвечает, ибо он сказал все то, что про восстание в Бухаре говорили враги советской власти. Тов. Сафаров свою точку зрения поддерживает так:

„Пришедшие в Бухару русские солдаты и красногвардейцы занялись прежде всего самыми возмутительными грабежами и насилиями... Именно этим об'ясняется огромный взрыв возмущения по поводу вторжения русских... „Революционная" подоплека совершенно отошла на задний план перед колонизаторскими аппетитами. Это подтверждает постановление общего собрания мастеровых и рабочих среднеазиатских и ташкентских мастерских и представителей от Красной армии..." (См. Т. Сафаров „Колониальная революция", ГИЗ, 1921 год, стр. 83).

Кто был организатором собрания, упоминаемого тов. Сафаровым? Узловой комитет, которым руководил активный член агаповской организации, Попов. В результате чьей информации было принято это постановление, учитывая и то, что постановление было принято менее устойчивой частью рабочих, ибо лучшая часть рабочих находилась на фронтах? В результате—информации агентов агаповской организации. Кто представлял Красную армию на этом собрании? Левые эсеры.

На основании подобных же данных тов. Сафаров раздул вопрос и о грабежах.

Остановимся на этом. Утверждаю, что среди той части отряда, командование которым осуществлял я, отмечены были лишь несколько случаев бандитизма со стороны отдельных красноармейцев, проявленного к русским жителям Новой Бухары. Эти лица подверглись суровой каре. Пьянства, не только огульного, но и в виде отдельных случаев, отмечено не было. Единичные случаи, прошедшие для командования незаметными, конечно возможны. Отзыв о поведении отрядов был дан в свое время бухарским Ревкомом, исключающий возможность обвинять отряды в проявлениях бандитизма. Это обстоятельство подтверждено членом бухарского Ревкома т. Агдаровым на одном из совещаний среднеазиатского землячества в текущем году. Обвинение отрядов в грабежах и пьянстве является ложью, распускавшейся в свое время врагами советской власти, преследовавшими свои предательские цели. Когда нам стало извество об этой лжи, по моему предложению был организован заградительный отряд и при возвращении отрядов из Бухары таковые были осмотрены. К осмотру были привлечены представители младо-бухарцев. Результаты осмотра подтвердили то обстоятельство, что на революционные отряды возводили клевету. На этот счет имеется акт.

А вот отряды, прибывшие в Бухару и руководимые Домогатским, Колузаевым, Степановым и Петренко, при взятии Кермене, по словам т. Гудовича, действительно наделали массу безобразий. Случилось так, что левые эсеры обвиняли нас в том, что сами делали.

То, что рассказал о Бухаре тов Сафаров, не отражает действительности. Это побасенка. Тов. Сафаров, проводивший в

Туркестане в общем и целом правильную линию в деле борьбы с колонизаторством, в данном случае допустил перегиб. Средне-азиатское землячество, разобрав историю восстания в Бухаре и ознакомившись с имеющимися документами, не согласилось с тов. Сафаровым, и признало мнение тов. Сафарова ошибочным.

События в Бухаре в 1918 году есть восстание против эмирата, организованное младо-бухарской партией. Уроки восстания не пропали даром. Главный урок состоит в том, что в момент восстания необходимы: единство партии и ее воля к победе. Этот урок был учтен партией впоследствии: Партия в восстании этом получила первый боевой опыт.

Восстание—один из главных этапов того сложного пути, по которому младо-бухарская партия, ставшая впоследствии коммунистической партией, пришла к победе.

Восстание—один из этапов того пути, по которому трудящиеся массы Бухары пришли к Узбекской Советской Социалистической Республике, несмотря но то, что в восстании 1918 года эти массы были представлены незначительным меньшинством.

Б. М. БАРЖАНОВ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ БЛОКАДЫ КЕРКИ 1919—1920 ГОДА

В печати появилось два очерка, посвященные керкинским событиям мая—августа 1919 года.

Один из них принадлежит перу члена так называемой комиссии по ликвидации керкинских событий т. Волжинскому („Красная Летопись Туркестана" № 1-2), второй—Т. С. Козлову („Туркменоведение" за 1928 год, № 3-4).

Оба эти очерка одинаково грешат и со стороны фактической, и со стороны правильного освещения событий. Задача настоящего очерка сводится к тому, чтобы дать материал, который поможет историку составить себе более точное представление об указанных событиях, чем представление, даваемое т. т. Козловым и Волжинским.

ЧТО ПРИВЕЛО К СОБЫТИЯМ

Керкинские события, конечно, не были результатом случайного обострения отношений двух соседей, как это хотелось и хочется изобразить нашим врагам, так же как и не были они войною русских с туркменами. Они явились одним из наиболее рельефных и резких моментов разгула бухарской реакции, свирепствовавшей в стране с марта 1918 года, с одной стороны, и одним из звеньев в цепи внешней и внутренней контрреволюции—с другой. Объединение же этих двух различных, но одинаково враждебных нам сил произошло на почве идентичности их стремлений и благоприятной для совместных действий обстановки. Завладение Керками обеспечило бы эмиру полнейшую победу над страшным джадидизмом, уничтожив это единственное в Бухаре пристанище младо-бухарцев, где они имели возможность легче, чем где бы то ни было связаться с кишлачным населением и вести агитацию. А закаспийскому белогвардейскому штабу дало бы стратегическое преимущество над нашей закаспийской армией

и сильного союзника в лице эмира. Керки должен был быть уничтоженным еще в связи с колесовскими событиями. Все шансы на это были налицо.

Ко времени колесовских событий демобилизация царской армии в Бухаре была закончена. В Керках, где раньше стоял тысячный гарнизон, не осталось почти ни одного солдата. В крепости рядом с комендантом сидел эмирский чиновник-контролер с небольшой командой бухарских солдат. Несмотря на это, а также и на козни эсеров и дашнаков, травивших большевиков и младобухарцев, просивших эмира принять их под свое высокое покровительство от произвола большевиков, керкинские джадиды и их союзники большевики избегли участи своих товарищей в остальных городах ханства Бухары,—Шахризябс, Карши, Келиф и других.

В этом своем спасении революционный Керки обязан губернатору Мирзе Зейнетдину. Мирза Зейнетдин был бухарским либералом, он сочувственно относился к культурным стремлениям джадидов, помогал им, оказывал покровительство, спасал их от преследований эмирской власти, предупреждая каждого из них о грозящей ему опасности. Эмирская реакция не могла терпеть присутствия этой личности. Мирза Зейнетдин был обезглавлен, как джадид, что видно из выписки приговора эмира, доставленной мне секретарем его Мирза-Рахматуллой. Вот эта выписка: „Его высочество соизволил выразить убеждение, что неблагодарный Зейнетдин Инок оказался джадидом. Со стороны его высочества повелевается Вам, Мирза Мухарбек, возносить за здоровье его высочества молитвы, казнив предварительно его и сына его, Мухамед Исмаила Токсабу".

Самой сильной организацией в Бухаре как по социальному составу, так и по численности, была группа керкинских джадидов. Благодаря постоянному общению с местной татарской интеллигенцией и благодаря активному участию этой интеллигенции в джадидском кружке, она быстрее прогрессировала в культурно-просветительном отношении, а февральская революция застала членов этого кружка на высоте понимания происходящих политических событий.

Дальнейшее общение с русскими революционерами создало исторический перелом в жизни кружка. Кружок из чисто культурной организации стал перерастать в организацию политическую, а члены из мечтателей о мелких школьных реформах—в мелко-буржуазных революционеров. Особенно широко развил свою деятельность кружок как-раз перед мартовскими событиями 1918 года, когда руководителем кружка вместо бездеятельного Кара-Юлдаша Пулатова был избран Гильдибай Ходжибаев. Родом туркмен он оказался весьма энергичным организатором и толково проводил в жизнь все постановления кружка. Поэтому он пользовался все бо-

лее растущим влиянием. Джадидизмом стали интересоваться даже такие видные представители населения, как Маман Токсаба, Момин-Токсаба Ахмед-Мирза и другие. Даже Тоган начал проявлять большой интерес к джадидам и заметно им симпатизировал. Это обстоятельство, между прочим, сильно обеспокоило эмира, страшно боявшегося лишиться поддержки этого царя пустыни. Организация росла вглубь и вширь; мелкие торговцы, ремесленники, интеллигенты и учащиеся наперебой записывались в кружок. Агитация джадидов перекинулась в кишлаки, вербуя членов среди дехкан и элементов, недовольных господством таджикской Бухары.

„Колесовские события,—как говорил Кази-Калян,—открыли глаза эмиру и убедили его, что с большевиками жить, так нужно камень за пазухой иметь, что джадиды имеют в лице большевиков верных союзников". Несмотря на тягчайшее поражение в мартовские дни, когда казалось, что слабому еще джадидизму, как политическому течению, нанесен непоправимый удар, керкинская организация сумела сохранить ядро, которое в начале 1918 года стало проявлять себя. Руководитель этого ядра, Раушан Баймуратов, имевший значительные связи с кишлачным населением, стал упорно налаживать прерванную работу. Это обстоятельство заставило бухарскую реакцию обратить особо серьезное внимание на неугомонный Керки. Поскольку за спиною джадидов стояли большевики, постольку Керки в целом сделался объектом вожделения бухарской реакции. С джадидами эмират попрежнему расправлялся обычными способами средних веков: на берегу реки, на площади против губернаторского дворца, появилась виселица. А против тех, которые находились вне пределов досягаемости ножа и его палача, он предпочел действовать путем „дружественного" воздействия на наших горе-дипломатов, сводящих восточную политику трудящихся к украшению коврами кабинетов, к банкетам, угодничанию эмиру и получению ценных подарков. Начинается расчистка большевистско-джадидского Керки. В феврале 1919 года распоряжением полпреда Печатникова, „во имя сохранения дружественных отношений с Бухарой" отстраняется от должности председатель Горкома партии и военный комиссар Керки.

Пост председателя Горкома замещается владельцем нескольких домов, председателем церковного совета, старым царским чиновником и казаком Иваном Гараниным, впоследствии осужденным за растрату. Пост же военного комиссара поручается некоему Бабаеву, человеку с сомнительным прошлым. Дела разведки были переданы эсеру Шванскому—злейшему врагу большевиков и пособнику бегства из Бухары полпреда Шмидта.

В начале апреля в Керки приезжает сам Печатников, останавливается в доме бывшего содержателя в Керках дома терпимости—Давыдова и с благословения „отца" Виталия начинает наводить „порядки". Керкинский совет распускается и назначается так назы-

ваемый Ревсовет, во главе которого ставится Иван Иванович Гарин.

Вот заголовок протокола об'единенного заседания этих примазавшихся к партии белогвардейцев: „Постановление керкинской группы российской фракции коммунистов при участии резидента в Бухаре, Печатникова, о роспуске керкинского Совдепа“ (Известия керкинского Ревсовета от 16 апреля 1919 года, № 5). Дальше идет длинейший обвинительный акт, приписывающий Совдепу смертные грехи: полное несоответствие своему высокому назначению, абсолютная неработоспособность вделе проведения в жизнь идей коммунизма и декретов, отсутствие энергии, присутствие спячки и т. д. без конца. Ввиду изложенного „исправление“ ошибок Совета, органа диктатуры рабочего класса, проведение в жизнь декретов рабоче-крестьянского правительства и внедрение идей коммунизма поручается сознательным, вдумчивым, энергичным и бдительным: кулаку, старому казаку, царскому чиновнику и казнокраду Гарину, матерому реакционеру, полковнику Василевскому и убежденному врагу пролетариата, изменнику революции, эсеру Шванскому. Каким образом один из важных пограничных стратегических пунктов советской республики, лежащий на большом водном пути, с огромными запасами военного имущества и боевых припасов очутился в руках контрреволюции. Казалось бы, что эмир должен бы был на этом успокоиться. Цель его была в известном отношении достигнута. Его друзья в Керках, так дешево захватившие власть, тут же приняли такие меры, что о революционной работе джадидам и думать стало нечего. Эмирские элгвазимы стали появляться и в европейской части города, куда до этого они не могли и носа совать. Младо-бухарский комитет был разогнан, председатель комитета Баймуратов и секретарь Бабаев были арестованы и отправлены в Бухару. Оба они дорогой сбежали и скрывались в кишлаке Ходжамбаз, остальные же члены комитета ушли вглубь подполья. Я был обезоружен и отдан под надзор Шванскому. Но союзникам эмира этого было еще недостаточно и они решили воспользоваться благоприятным моментом—и использовать своих друзей до конца. То, что делалось руками наших „коммунистов“, было лишь прологом к майской драме, нарочито приуроченной к моменту наивысшего напряжения борьбы на внешних фронтах. Дальновидный эмир не осмеливается порвать „дружбу“ с Советской Россией, а наши контрреволюционеры не решаются сменить собственными руками красное знамя эмирским флагом. И чтобы соблюсти невинность и приобрести капиталец, черная сотня решает разыграть мелодраму, а в качестве главных действующих лиц приглашает ашхабадских белогвардейцев. Последние настолько были уверены в успехе затеваемой ими авантюры, что сочли достаточным перебросить из Ашхабада легкий отряд всего в одну роту. Чтобы не быть совершенно голословным, я

приведу два письма из тех нескольких писем, которые мы заполучили 16 мая от секретаря губернатора при посредничестве джадида Рахматуллы Умаркарыева, (а не нашли в бекском доме, как, сознательно извращая факты, утверждает Волжинский).

Первое письмо:

Господину Керкинскому Беку.

С почтением довожу до Вашего сведения, что согласно письма и приказа Его Высочества 11 мая прибудем в Кизил-Аяк с войсками. Вас покорно просим пожаловать к нам и мы пред'явим Вам приказ и письмо Его Высочества и посоветуемся. Захватите с собою Самсона Мелик-Карамова (лидер керкинских дашнаков-Б. Б.) Очень прошу пожаловать лично. О нашем прибытии никто не должен знать.

Второе письмо:

Высокомилостивые господа мои!

Письмо получил. Молю бога, что все обстоит благополучно и хорошо. Приехавших гостей устроил в доме Алла Бакиз. Человек этот очень надежный. За оставшимися тремя я послал человека, чтобы их привести. Получил известие, что они тоже едут. (Здесь речь идет о белогвардейце Осипове. Б. Б.) Навстречу послал Мулла Саима Джибачи. Бог даст, к семи часам вечера прибудет на сборный пункт Хлеб, мясо и остальные продукты, кроме рису, все есть, есть и фураж, но рису нет. Благоволите прислать батман рису, полпуда сахару и 3 фунта чаю.

В ближайших окрестностях Керки у Караджа, Ишбаша, Чаршангу и Ташлыка надо выставить посты и зорко наблюдать, чтобы о приезде их посторонние не знали. Потом еще посоветуемся и вместе решим. О ходе дел буду докладывать. То, о чем мы решили нужно приводить в исполнение (речь идет о сборе нукеров). В то же время надо иметь сто всадников в шапках (речь идет о посылке разведки) Если отправите служащих или нукеров, то пошлите только очень надежных, которые смогут сделать дело. Берегитесь не надежных (это указывает на то что джадидизм проникал всюду). В это письмо я вложил другое письмо, которое передайте Самсону через надежного человека. Получена ли весть из Бухары? Как прибудут гонцы—извещайте меня. Молюсь за здоровье Его Высочества желаю ему успеха. Письмо от Тиляу Мирохура получил, и все сделал. Весть из Бухары необходима. Наблюдайте зорко все четыре стороны. Восемь армян сегодня пошли в сторону Байрам-Али. Пошлите человека и задержите их в Польварте или в Халаче и скажите, что, мол, большевики вышли и, задержите два-три дня. Пошлите одного или двух чиновников в Карши наблюдать за телеграфом. Киекчинское племя об этом знать не должно. Вторник 14 Шаабана 1337 года, то-есть 14 Мая 1919 года.

Эти письма написаны рукою Нуретдина, караул-беги.

Подготовка внутри Керков шла тоже усиленным темпом. Гарнизон крепости, состоявший, главным образом, из бывших военнопленных и керкинских мещан, был на поводу у контрреволюционеров. Особенно большую роль играл в крепости лидер дашнаков Самсон Мелик-Карамянц, племянник которого—Ашот Мелик-Кара-

мянц—был назначен комендантом крепости. Имя этого Мелик-Карамянца упоминается в одном пз писем начальника белогвардейского отряда к беку. „Ревсовет" умышленно развращал красноармейцев и рабочих, выдавая им наградные, пособия на женитьбу и распределяя между ними казенное имущество. В целях дискредитации советской власти „Ревсовет" вел себя самым необузданным образом, вынося ничем разумным не вызываемые, не соответствующие интересам советской власти, постановления. Для примера приведу несколько пунктов из этих постановлений.

Журнал № 4 от 9 апреля 1919 года.

Пункт 3. „Предложить заведывающему городским отделом муниципализировать дома".

Пункт 4. Слушали: О реквизиции у бухарского буржуазного класса излишнего имущества и о распределении его среди неимущего класса. Постановили: Поручить заведывающему Городским отделом совместно с милицией сделать опись имущества всех граждан города Керки.

Пункт 5. О сдаче оружия гражданами.

Этот пункт был направлен исключительно против партийцев, так как у граждан оружия не было. Нелепость и неосновательность этих постановлений подтверждается и тем, что в Керках буржуазного класса в полном смысле этого слова и не было. Там была мелкая буржуазия: агенты и приказчики торговой, промышленной и финансовой буржуазии. Все эти агенты, приказчики и прочие мелкобуржуазные элементы, работающие на чужие деньги, были очень довольны Октябрьской революцией, не мало оставившей в их руках хозяйского добра, лишив последних возможности требовать отчета и платы по векселям. Поэтому эти элементы не только не враждовали с советами, а наоборот их поддерживали. Офицеры и чиновники, конечно, держали себя иначе.

Все выше приведенные мероприятия „Ревсовета", конечно, были чистейшим вздором. Преследовалась совсем не та цель, которая ставилась на показ. Бывших военнопленных обещали отправить на родину. Среди них началось дезертирство с оружием в руках. Сбежал даже заведующий здравотделом, некто Бурго, захватив значительную сумму из кассы здравотдела. Проведение декретов Ревсоветом в жизнь заключалось в том, что вместо одного исполкома и милиции, которые вполне обслуживали небольшой город, наплодили столько отделов, что в течение короткого времени весь город превратился в гигантский дом социального обеспечения. Это явление в свою очередь привело к финансовому кризису и другим связанным с ним неприятностям.

Положение становилось тревожным. Несколько человек партийцев, отдающих себе отчет о происходящем, не могли не понять, что очутились перед фактом готовящегося контрреволюционного выступления. Настроение было подавленное. Казалось, что не видно никакого выхода из положения.

Возникла мысль о том, чтобы путем открытого выступления свергнуть „Ревсовет“, опираясь на гарнизон города. Условия для этого, однако, были неблагоприятны. Поэтому решено было оставить вооруженное выступление, как крайнюю меру, пока другие средства, могущие привести к победе, не будут использованы. Шансы на этот успех начинали у нас складываться. Гарин и компания, думая, что реквизициями, описываниями и обысками они восстановят население против советской власти, как таковой, восстановили его против себя. Обыватели, недавно восхищавшиеся эсерами да дашнаками, стали не добром поминать новых глав города.

Усиленная агитация среди интернационалистов отрезвляла их сознательную часть. Особенную роль в этом отношении сыграл чех, товарищ Беркишук. Решено было немедленно использовать этот начинающийся перелом в настроениях. Комитет отзывает Гарина, как члена партии из „Ревсовета“. Это обстоятельство хотя и вызывает бузу, но дело дальше словесных реплик не идет. Чтобы не обратить особенного внимания на наши сокровенные намерения, Гарина заменят одним лицом из их же компании—неким Ширянцевым (впоследствии, изменившим своим друзьям, чего они никак не могли ему простить, и значительно облегчившим нашу задачу в борьбе с внутренней контрреволюцией). Замена Гарина не встретила особенного возражения и со стороны Печатникова. С устранением Гарина, как будто внутреннее положение несколько смягчилось, но все же оно оставалось угрожающим. Была создана тройка в составе Нестерова, Фельдмана и меня.

В случае обострения положения, эта тройка должна была заменить собою „Ревсовет“. Документы, относящиеся к периоду конспиративной работы группы товарищей, к сожалению, не сохранились. В день пред‘явления ультиматума закаспийскими белогвардейцами Нестеров и Фельдман имели неосторожность сжечь все эти документы. Это дало повод Гарину и компании устраивать травлю. (Смотри письма Гарина к Нестерову и „Известия Ревсовета“ № 65 за 1919 год.)

НАЧАЛО СОБЫТИЙ

Еще в первых числах мая младо-бухарцами были получены сведения о движении какого-то отряда. Хотя эти сведения были еще довольно смутные, но все-же, в связи с внутренней обстановкой, они заставили нас насторожиться. Вот что писал Умаркарыев в своем донесении, относящемся к третьему мая: „я пригласил туркмена из кишлака Чаршангу, который возит мои товары в Тохта-Базар. Он сказал, что не стоит пока ехать, потому что дорога не спокойна. На вопрос „в чем же дело?“ он долго колебался, и потом под клятву сообщил, что бек оповестил население, что из Ашхабада придут меньшевики воевать с большевиками, кто бы ни

заметил движения меньшевиков, никто не должен об этом говорить в городе ни слова. Скоро эти сведения выкристаллизировались настолько, что перестали возбуждать сомнения. Стало очевидным, что мы находимся перед фактом назревшего, вооруженного контрреволюционного выступления.

Поведение бека внешне оставалось дружественным и лишь после удаления из ревсовета Гарина стали обнаруживаться элементы недоброжелательства. Подрядчики стали жаловаться, что власти учиняют препятствия к заготовкам, что населению приказано не продавать русским хлебных злаков и фуража. Восьмого мая младо-бухарцы получили следующие сведения: „в ста верстах от Керков стоит отряд. В отряде много армян. Говорят, что идут брать Керки у большевиков, и что за этим отрядом придет еще больший отряд с пушками. При отряде два бухарских чиновника“.

Двенадцатого мая младо-бухарцам поступили точные сведения о прибытии ашхабадцев в керкинское бекство, о численности их и о начальнике отряда, Айрапетове. Положение стало чрезвычайно напряженным. К вечеру тринадцатого мая начальник разведки Шванский сообщил официально в „Ревсовет“, что песками идет отряд со всеми видами оружия, и что в отряде насчитывается до трех тысяч человек. Это явно преувеличенное сведение Шванского, преследовало определенную цель—отвлечь внимание защитников от главного врага, от Бухарского правительства. В этот вечер верные революции члены „Ревсовета“ потребовали организовать специальный орган обороны и самому свертываться. На этом заседании, как потом выяснилось, прения носили чрезвычайно бурный характер. Особенно упорны и жестоки были прения вокруг моей кандидатуры на пост руководителя обороной. Противники мои, или, вернее сказать, враги большевистской партии и советской власти, чьими руками готовилось нападение на Керки—Шванский, Василевский, Гарин, Бабаев и Штокаленко,—дошли до такой наглости и мерзости, что меня открыто называли афганским шпионом и всемерно старались натравить на меня массу, предупреждая, что, если поручить мне судьбу Керков, то город скоро увидит афганские войска. Эта последняя попытка предателей вновь настроить массу против верных делу революции большевиков, чтобы оставить за собою руководство и довести гнусное предательство до конца, также сорвалось. Товарищам удалось, хотя только под скромным названием военного специалиста, все же провести меня в члены коллегии. В двенадцать часов ночи я получил официальное извещение о назначении в члены коллегии и о снятии с меня запрета вмешиваться в общественные дела. После короткого совещания с товарищами Нестеровым, Сыринковым и Фельдманом я немедленно отправился в крепость. Гарнизон в крепости гудел, как улей. Прибежавшие ко мне навстре-

чу, т. Беркишук и комендант Столяров сообщили, что гарнизон уже знает о моем назначении и требует меня для доклада о положении дел. Все красноармейцы были при оружии и встретили меня с криками ура. Такой резкий перелом в настроениях крепости произвел на меня весьма отрадное впечатление и вселил бодрость. Раз'яснив красноармейцам причины, значение и возможные последствия для революции в случае нашей неустойки, мы предложили товарищам дать торжественную клятву бороться до последних сил, выявить и указать на элементы, которые стараются расстроить наши ряды. Громкое—клянемся, клянемся—было венцом неурочного митинга. После митинга в крепости я посетил бека, чтобы выяснить его отношение к распространяющимся по городу „слухам". Несмотря на позднюю ночь, вся высшая губернская администрация и все высшие судебные и финансовые должностные лица—Кази, Раис, Закетчи и прочие—находились у бека. Очевидно, у них шло какое-то совещание и никаких гостей они не ожидали. Бек был крайне любезен. Оказалось, что он уже знает о происшедшей у нас перемене. Он горячо поздравил меня с возвращением вновь к власти, обещая завтра же донести об этом Эмиру, который ко мне чрезвычайно благосклонен за мою позицию во время колесовских событий, что эмир видит во мне искреннего друга Бухары и сторонника мирных отношений и т. д.

Когда я приступил к изложению цели своего позднего посещения что, мол, в городе циркулируют очень странные слухи о появлении каких-то неизвестных людей, хотя я лично и не придаю значения этим слухам, потому что будь они основательны—бек, конечно, счел бы своим долгом предупредить своего соседа, дружественные отношения с которым никогда и ничем не омрачались. Беку же, как главе Кургана, наверное было бы известно появление посторонних людей в пределах бекства, тем более, что слухи идут не об отдельных людях, а о массе вооруженных. Страшно нервный бек с большим трудом дослушал нарочно растягиваемую мною речь. Потом он оправился и начал уверять в дружбе. „А что касается этих слухов,—сказал он,—я только что какихнибудь полчаса тому назад тоже слышал что-то в роде этого и тут же послал Нуретдина Караул-Беги выяснить в чем дело, но он еще не вернулся. Но думаю, что вооруженные люди появились не в бекстве, а в голове какого-нибудь фантазера. Поэтому я как и все отношусь к этим слухам скептически. Бог даст—ничего не случилось",—закончил бек свое „дружеское" заверение.

В результате часовой беседы с беком и с другими высшими должностными лицами нетрудно было притти к заключению, что мы имеем дело с общим фронтом, сложившимся из трех элементов: бухарской реакции, внутренней контрреволюции и ашхабадских белогвардейцев. Оставалось только выяснить, кто именно из этих трех элементов составляет главную силу.

Надежды на внутреннюю контрреволюцию должны были в значительной мере померкнуть потому, что она была уже почти обезглавлена. Если враги сделали ставку на нее, то эту ставку нужно считать битой. Ашхабадцы также не могли играть главную роль. Потому что, даже при том условии, что их было бы восемьсот человек, как потом сообщил Шванский, пусть даже при артиллерии (так как у них могла быть только горная артиллерия), то и тогда их оказалось бы недостаточно для выполнения такой серьезной задачи, как взятие укрепленного района.

Ашхабадцы могли выполнить эту задачу лишь при вооруженном союзе с эмиром.

Придвинувшаяся вплотную опасность диктовала необходимость решительных действий. Завтра, несомненно, мы будем слабее противника, чем сегодня. Военная тактика требовала опрокинуть внезапным и решительным ударом ближайшего врага, непосредственно угрожающего нам в данную минуту, и обеспечить себя с тыла. Но немедленное выполнение этого требования осложнялось чрезвычайно сложной политической и экономической обстановкой при наличии серьезных трений внутри самой коллегии. Не привлекая на свою сторону населения и не обеспечив себя его поддержкой, особенно иностранцев, не могло быть и речи о включении туземной части города в общую зону обороны и потому организации надежной и стойкой защиты.

Мы были очень слабы материально и не располагали почти никакими запасами продовольствия. Коллегии пришлось потратить целых двое суток драгоценного времени на дипломатические переговоры и на идеологическую подготовку. Представители афганской и персидской колоний только к вечеру пятнадцатого мая определили свое отношение к возникающим событиям и заявили, что формально они нейтральны, но фактически сочувствуют нам и всемерно будут поддерживать нас. Афганские и персидские купцы кредитовали нам необходимые товары, главным образом продукты, на сотни тысяч рублей, а трудящиеся этих стран даже поступили добровольцами в наши ряды. Бек также об'явил себя „нейтральным". Враги не сумели воспользоваться этой нашей вынужденной оттяжкой и не атаковали с двух сторон сразу, пока мы были между молотом и наковальней, а пред'явили ничем неоправдываемый ультиматум, ловко использованный нами для оттяжки так необходимого нам времени.

Как только определилось отношение наших новых друзей и как только были приняты меры к ограждению жизни и имущества населения от возможных покушений со стороны вредных элементов, так сейчас же был поставлен на повестку дня коллегии вопрос о включении старого города в линию обороны и об отношении к беку. Несмотря на всю очевидность военного союза Бухары с Закаспием, известная часть коллегии категорически высказыва-

лась за необходимость уважения „нейтралитета“ Бухары. Василевский и Шванский с пеною у рта доказывали, что в случае включения старого города в линию обороны — мы нарушаем нейтралитет страны, с которой находимся в дружественных отношениях, а это равносильно об‘явлению войны. Ввязаться в войну с Бухарой,—это значит открыть новый фронт. Самое выгодное для нас—это выйти навстречу ашхабадцам, разогнать их, и дело с концом. Коллегия очутилась перед возможностью совершения непоправимой ошибки. С величайшим трудом удалось в конце концов вернуть большинство коллегии к благоразумию и чтобы больше не вернуться к этому вопросу, еще и еще установлен был взгляд на бухарское правительство как на главного врага, и осаду считать неизбежным последствием пред‘явленного ультиматума и к ней готовиться.

В момент атаки нами бухарской крепости соотношение сил сторон выражалось в следующем: гарнизон бухарской крепости состоял из одной роты гвардейской пехоты в 180 человек при двух офицерах. Артиллерийский взвод в 26 человек при одном офицере. Полиции—81 человек с миршабом во главе. Все эти части вооружены винтовками образца 1891 года. Кроме того этот гарнизон был пополнен 500 нукеров под видом охраны нейтралитета. Нукеры были вооружены нарезными ружьями разных систем и шашками. Боевых припасов было также достаточно. Ашхабадцев было около ста человек, но число их росло за счет мобилизуемых нукеров.

Гарнизон нашей крепости состоял из 150 красногвардейцев при одном командире и комиссаре. Конная сотня 120 сабель при одном командире. Взвод полевой батареи 12 человек. Пулеметная команда 9 человек. Партийная дружина 80 человек. Гормилиция 16 человек и рабочих ст. Самсоново 75 человек. К этому числу потом прибавилась мусульманская рота в 300 человек, гражданская рота в 90 человек и Каганский отряд т. Шуберта, состоящий из 150 человек.

В случае одновременного и внезапного нападения с двух сторон, при явной измене внутри и при нашей разбросанности поражение наше было неизбежно. Необходимо было поспешить обезвредить бека и обеспечить себе наивыгодное и удобное положение в дальнейшей борьбе. Этого мы могли достичь лишь путем обезоружения гарнизона бухарской крепости. Перед этим все женское и детское население города было собрано в цитадель (в казармы бывшей 238 дружины), так как в случае неудачи предполагалось отступление в цитадель.

По заранее разработанному плану ровно в семь часов вечера артиллерия с северо-восточного барбета открыла беглый огонь по бухарской крепости. После нескольких выстрелов гарнизон врага высыпал на площадь, где был встречен дружной атакой пехо-

ты и конницы и сброшен через проливчик на острова. Покинутый гарнизоном бек сдался. Сейчас же после пленения бека в старом городе было создано самоуправление из младо-бухарцев и представителей населения и из них же была создана милиция. В качестве технических инструкоров были назначены Искандер Богданов и И. Гарин, который на другой же день был снят за бесчинства и предан суду. Таким образом авантюристическая часть плана противника разбилась вдребезги о бдительность трудящихся города Керки.

ПЕРИОД МЕЖДУ ПЛЕНЕНИЕМ БЕКА И ПОЯВЛЕНИЕМ ГЕНЕРАЛА ГАЗИ-БЕКА

Вместе с сброшенным гарнизоном бухарской крепости уходят из города и два непримиримых врага младо-бухарцев и большевиков и активные организаторы авантюры—Нуретдин, Караул-Беги и Абдулла Матчелбаев—крупный ташкентский купец, принявший бухарское подданство и произведенный эмиром в Караул-Беги. Они тотчас же поскакали к Ишану Судура, где был написан эмиру всеподданейший доклад о крушении авантюры с просьбой дальнейших указаний и отправлен с срочным гонцом. (В таких случаях гонец достигал Бухары в течение каких-нибудь 10-12 часов). В Керках воцарилась полнейшая тишина.

Оставшись без руководителя и не имея полномочия на об'явление мобилизации, противники наши ничего не могли предпринять. Ашхабадцы, конечно, были очень слабы для самостоятельной операции и притаились.

В ночь на семнадцатое было сделано по проводу два доклада: штабу фронта и Печатникову. В докладах было указано, что противник не остановится на неудавшейся авантюре и несомненно попытается осуществить свои планы силой. Поэтому необходимо серьезно поднажать на бухарское правительство и, добившись отправки смешанной комиссии, немедленно же выслать подкрепление. Штаб обещал снестись с полпредом и принять меры, а Печатников встретил наш доклад явно враждебно. Штаб фронта, как видно, снесся с полпредом и на этом успокоился. Печатников просто водил за нос и штаб фронта и Ташкент. Иначе нельзя об'яснить предоставление эмиру полной свободы действий в продолжении целых трех месяцев. Верить эмиру на слово, что в Керках восстало туркменское население, что нельзя ни проехать, ни пройти, Печатников, конечно, не мог.

Уж очень „нужны“ были туркменам бек да киикчинские купцы, которых „пограбили“ большевики. Печатников просто сознательно вторил эмиру и, чтобы показать, что в Керках случилось нечто такое, о чем Печатников не знает и не ведает, он отправляет в сторону Керки т. Шуберта на „разведку“. Тов. Шуберт осторож

ненько да потихонечку доходит до самого Керки, не встречая никаких препятствий. „Восставшие“ туркмены как будто его и не замечают. Но уйти обратно т. Шуберт уже не может, так как к этому времени прилетает из Бухары гонец с приказанием о разборке пути, о разрушении телеграфа и т. д. Если бы эмир и Печатников не хотели восстания в Керках, то смешанная комиссия для урегулирования конфликта безусловно приехала бы с Шубертом. Раньше в подобных случаях эмир поступал совсем иначе. Например, утром 9 января 1918 года в районе того же Керки возник крупный инцидент между нашими пограничниками и подданными эмира. Несколько человек было ранено. К десяти часам вечера эмир уже знал об этом происшествии. В десять часов вечера Кушбеги по телеграфу обратился ко мне (тогда я был военным комиссаром русских войск, расположенных в пределах бухарского ханства и полпредом) с печальной вестью, о которой я еще ничего не знал, и получил донесения по телеграфу от командира пограничной бригады генерала АКО только к одиннадцати часам. Уже в два часа ночи с эмирским генералом Магде-Беги мы выехали на экстренном поезде к месту происшествия.

С прибытием Каганского отряда наше внутреннее положение вновь обострилось. Пользуясь шаткостью Советкина и Сорова, известная часть коллегии возобновила свою демагогию. Против меня началась травля, угрожающая крайне нежелательными последствиями. На меня стали указывать как на виновника событий. Вот, мол, видите, ашхабадцы ушли; не трогай мы бека, все бы кончилось по хорошему, а теперь по милости его приходится воевать.

Однако, как только выступил разведывательный отряд т. Шуберта и прошел всего с полверсты от линии обороны, он был встречен сильным ружейным огнем с разрывными пулями: взрывалось несколько ручных гранат. Вернувшийся т. Шуберт донес о присутствии ашхабадцев. Этим был положен конец всем выступлениям врагов изнутри и коллегия (меньшинство) получила независимость в дальнейших своих действиях.

Отныне роль внутренней контрреволюции сводилась лишь к тайному шпионажу и фабрикации провокационных слухов вроде того, что ашхабадцы взяли Чарджуй или Колчак вступил в Ташкент.

Внезапный и решительный удар по беку расстроил хитросплетенные планы об‘единенной контрреволюции. С падением бека следовало бы нам сейчас же оповестить кишлачное население о падении бека, пригласить всех старейших и влиятельных лиц и, не жалея ни баранов, ни быков, ни подарков, ни рису, устроить большое угощение и предложить им об‘явить Керки независимой от эмира областью и выбрать правление. На успех подобного предприятия шансы были большие. В рядах туркменских верхов недовольных эмиром лиц было достаточно.

Трудящиеся туркмены, безусловно, также были готовы восстать против эмирского гнета. Но, увы, мы этого сделать не посмели. Для этого нам нехватало самого главного—нехватало способной вести большую политику партии в Туркестане. Тогда в Туркестане большевистской партии не было и не было большевистского правительства, были лишь отдельные большевики и рабочая масса, которые вели смертельную борьбу с внутренними и внешними врагами. Наши дипломаты в Бухаре занимались не тем, чем бы следовало заниматься. Шмидт скрылся, устроив чайную панаму. Печатников и Аксельрод, ослепленные „дружбой" (и подарками) эмира, ничего не видели. Поэтому приходилось ограничиваться маленьким делом—вести агитацию, когда было возможно, и в случае открытого нападения врагов— просто отбиваться. Вот почему после пленения бека, когда явились к нам туркменские представители с Абду-Вахаб Мирахуром во главе с об'явлением покорности, мы об'яснили им причину пленения бека и посоветовали ждать назначения из Бухары нового губернатора.

НАЗНАЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ГАЗИ-БЕКА И НАЧАЛО ПРАВИЛЬНОЙ ОСАДЫ

Утром девятнадцатого мая наши наблюдатели заметили оживление вокруг города: стали обнаруживаться признаки враждебных приготовлений. Скоро младо-бухарский комитет получил сведение из Бухары о выступлении генерала Гази-бека. Вот что пишет младо-бухарец Хаитов по этому поводу двадцать третьего мая: „К Бурдалыку подошел Гази-бек бий, посланный из Бухары с войсками. На каждой лошади по два сарбаза. Солдаты переправляются на другой берег. Вещи перевозятся на пароме и на гупсалах. Лошадей пускают вплавь. Сарбазы с подвязанными под живот пузырями тоже переправляются вплавь". Из этого видно, что восстание началось не в Керках, не на месте, а по указке из Бухары. Конечно, глуп был бы эмир, если бы он не постарался воспользоваться такими благоприятными обстоятельствами для достижения своей заветной цели, и не послал на Керки, как на гнездо джадидизма, своего генерала.

Октябрьская революция заставила эмира махнуть рукою на своего старого союзника—Россию и искать другого покровителя или союзника; и нашел он его на берегах Каспийского моря сначала в лице англичан, а потом Деникина. Вот что пишет ставленник Деникина в Закаспии, генерал Савицкий, эмиру в своем письме от четвертого июня 1919 года: „Я заверяю Вас, что немедленно же, по прибытии от генерала Деникина подкрепления, начну наступление, которое во всяком случае не ограничится занятием города Чарджуя, но прогонит большевиков далеко за пределы дружественной и близкой нам Бухары".

Должен ли был эмир сидеть сложа руки?

Конечно, нет. И он не сидел. Вот почему эти дни с пятнадцатого по девятнадцатое мая прошли совершенно спокойно, не обнаруживая никаких намеков на враждебность извне. Только утром девятнадцатого начались приготовления к враждебным действиям вокруг города.

„Восстание“ не застало коллегию врасплох.

Мы отлично знали, с кем имеем дело и что может стоить „дружба“ эмира, учитывали создавшуюся обстановку и крепко готовились к самому худшему. Гарнизон, пополнившийся за счет трудящихся всех наций, населяющих Керки, и подкрепленный потом отрядом тов. Шуберта, получил достаточную идеологическую обработку. Эсеро-дашнаковская дрянь была выявлена и взята под негласный учет. (Их оказалось всего не больше двух десятков). Остальной гарнизон, как города, так и крепости и население города, как европейской части, так и туземной, не исключая даже иностранцев, стали на сторону коллегии,—спаянные глубоким сознанием высокой ответственности перед моментом и твердой революционной дисциплиной. Все были готовы и на жертвы, и невзгоды, неизбежные в случае продолжительной осады. Этому единодушию главным образом и обязан Керки своим спасением. Красноармеец здесь показал себя Востоку, что он по своей храбрости, твердости, преданности революции и безупречности своего поведения, достойный часовой Октября. Не даром афганский консул Ахунд-Задэ как-то сказал: „Вы так заразили своим примером безумной храбрости наших ребят, что они рвутся в ваши ряды“.

ОСАДА.

Формально осада началась пятнадцатого мая, когда в связи с ультиматумом все женское, детское и вообще небоеспособное население города было собрано в устроенной наспех цитадели (казармы бывшей 238 дружины). Это было сделано потому, что не исключалась возможность нападения с двух сторон. Фактическая же осада началась только девятнадцатого мая, когда прибыл приказ из Бухары. Первый серьезный штурм был произведен в ночь на двадцать пятое, когда прибыл первый транспорт с оружием и боевыми припасами. Тогда же получилось сведение о пребывании в ставке Гази-бека Осипова. Затем Осипов был назначен для захвата парохода, идущего из Чарджуя. При этом между Осиповым и Нуретдином Караул-беги произошли разногласия: Осипов стоял за то, чтобы пропустить пароход за Бурдалык и потом напасть на него, тогда по мнению Осипова пароход не мог бы уйти обратно и сдался бы. А Нуретдин боялся, что пароход за Бурдалыком может пройти в Керки или из Керков могут притти ему на помощь.

Что касается положения Гази-бека во все время осады, в качестве кого именно он приехал: в качестве ли мирного посредника между „восставшими“ туркменами и „возбудившими восстание“ русскими или же в качестве полководца, достаточно ясно видно из того, с чего начал Гази-бек свою миссию. До двадцать пятого июня, когда мы писали письмо и послали делегатов с предложением удалить ашхабадцев, мы и не знали о прибытии Гази-бека, который приехал еще двадцать четвертого мая. Что же делает этот „мировой посредник“ в течение целого месяца, не давая нам даже знать о себе.

Приходилось отбросить в сторону всякую болтовню о мирных задачах генерала. То, что нападение на Керки было организовано бухарским правительством, что Керки был блокирован не туркменским населением, а бухарскими войсками, что генерал Гази-бек и Наураз-Зор признаны были не в качестве мирных посредников, а в качестве командующих осаждающей армией, помимо всего вышеприведенного, подтверждается и самим Волжинским.

Могло ли случиться так, чтобы ашхабадцы ушли с миром обратно после того, когда им отказали сдать крепость без боя? Людям крайне близоруким, не смыслящим ничего в политике, не понимающим значение и глубину социальной борьбы, конечно, может казаться так, что „не трогай мы бека, все бы кончилось по хорошему“. Борьба в Керках—это не была война русских с туркменами, а была борьба бухарской реакции с бухарскими джадидами. Правящие классы в Бухаре отлично знали, что джадиды теперь держат курс не на мелкие школьные реформы, как это было два года тому назад, а метят на власть и хотят до тла разрушить все благополучие старой теократии. В истории нет примера, что бы когда-нибудь, какой-нибудь господствующий класс сдавал свои позиции без боя и отказался от господства, не использовав все возможные средства, могущие сохранить его господствующее положение. Господствующие классы Бухары не должны же были составлять особого исключения и они его не составляли, а боролись всеми средствами.

СВЯЗЬ С АФГАНИСТАНОМ

Абсолютная неизвестность о положении дела в центре Туркестана и на фронтах—страшно угнетала и нервировала защитников. Все те способы, которые были доступны нам для установления связи, хотя бы с Чарджуем, не дали никакого результата. Даже моторная лодка, которую мы с трудом соорудили, оказалась негодной, ввиду чрезмерной громоздкости мотора, который мы сняли с водокачки и который мог работать только посредством приводного ремня. Положение, усугубляемое распускаемыми со стороны врагов провакационными слухами, при наличии начинающейся голодовки, становилось угрожающим. Настал момент, когда необхо-

димо было во что бы то ни стало в блокаде пробить отдушину и пропустить свежую струю. Решено было связаться с Афганистаном и просить наместника Афганского Туркестана и Балха информировать нас о положении дел в нашем отечестве. В ночь на двадцатое июня маленькая бударка, гонимая попутным ветром, умчала нашего курьера в Басагу. Наместник не замедлил ответом, и подробно описал положение не только Туркестана, но даже и внутренней России. Эта официальная весть о том, что социалистическая родина здравствует, чрезвычайно ободрила защитников.

В СТАНЕ ВРАГА

Нелегко было и осаждающим. Длительное пребывание в песках под знойными лучами немилосердно-палящего солнца утомляло армию врага. Огромные потери в его рядах, без всякого видимого результата, угнетали психику осаждающей армии. Кроме того, трудовое дехканство, доведенное до крайности хозяйничанием многотысячной армии, мешающей уборке урожая и бесцеремонно отбирающей продукты, стало роптать и требовать увода войск. Дальнейшее продолжение осады становилось затруднительным. Это затруднение врага решено было использовать. Поэтому мы при посредничестве афганцев предложили покончить ничего не обещающую борьбу, на что Гази-бек откликнулся известным своим письмом. Начиная переговоры с Гази-беком, мы отнеслись к его „мирной“ миссии очень осторожно.

Естественно, что ведя такие мирные переговоры, ни мы, ни Гази-бек не могли быть искренними. Начиная переговоры, мы имели целью дальнейшее углубление начавшегося у врага затруднения, а Гази-бек старался этим усыпить нашу бдительность и завести нас в ловушку. Нам необходимо было создать реальные условия для прекращения осады, то-есть убедить эмира в его бессильности в борьбе с джадидизмом, а Гази-беку нужно было захватить во что бы то не стало Керки.

Условия же эти, по мнению Коллегии, должны были заключаться в следующем: Или правительство Туркреспублики должно было пред‘явить эмиру ультимативное требование о немедленном удалении ашхабадских белогвардейцев и прекращении враждебных действий против Керки, принудив его принести извинение за действия керкинского губернатора, допустившего в пределы ханства третьей враждебной силы, и сместить последнего. Или довести осаждающих до полного сознания бесполезности дальнейшей осады путем нанесения возможно большей потери, растройства тыла и подрыва почвы. Осуществление первого плана нашего освобождения зависело не от нас, и скоро мы убедились, что мы помощи извне не дождемся и должны рассчитывать только на свои силы. Оставалось терпеливо и настойчиво работать над созданием дорого стоящего второго пути, но зато более верного и надежного.

Непосредственного общения с кишлачным дехканским населением и его старейшинами, джадиды не могли иметь, чтобы использовать это общение для ведения агитации против Гази-бека, а между тем почва для подобной агитации назревала. По мере того, как затягивалась осада, настроение и без того недовольного дехканства менялось не в пользу Гази-бека.

Начался глухой ропот, доходящий местами до открытого сопротивления реквизициям Гази-бека. Нукеры стали дизертировать. Армия его стала постепенно таять. Чтобы пополнить свои ряды более надежными бойцами Гази-бек начал вербовать добровольцев из кочевников и беглецов афганского племени Хазара и пригласил к себе известного разбойника Гаудара, который с пятью стами своих джигитов поступил на службу к эмиру. Это обстоятельство еще больше испортило отношение населения к Гази-беку. Двукратный наш удачный маневр нападения на тыл противника заставил его быть в более напряженном состоянии. Гласное обращение наше с предложением прекратить безнадежную войну также возымело свое действие. Теперь уже Гази-бек не мог продолжать обманывать свою армию и население, что, мол, стоит только снять осаду, как большевики и джадиды нахлынут на кишлаки и начнут грабить, насиловать и т. д. Авторитет его со дня на день падал. Он „охотно" отзывается на наше предложение, и как „мирный посредник" между нами и „восставшими" туркменами посылает своих парламентеров из „представителей туркмен". Парламентеры действительно пытаются выдать себя за представителей населения, но тут же сами себя разоблачают, пред'явив требование о выдаче младо-бухарцев. „Так зачем же вам нужна кровь джадидов?"—говорит им коллегия,—„если вы представители народа, джадиды разве не дети ваши"? Затем коллегия самым решительным образом отвергает эту диверсию Гази-бека и со ссылками на документы и на следственный материал ЧК доказывает парламентерам, что город осажден эмирскими войсками и осадой руководит генерал бухарской армии, назначенный самим его высочеством, что подобными извращениями содержания событий не удастся бухарскому правительству увильнуть от ответственности.

ГЕНЕРАЛ НАУРАЗ ЗОРА И ШТУРМ КЕРКОВ

Гази-бек совершенно потерял обаяние. Целый ряд неудачных штурмов в течение почти трехмесячной борьбы показали неспособность генерала руководить армией перед лицом врага. Считавшийся отличным администратором и организатором Гази-бек оказался плохим главнокомандующим. Это понял и эмир. Поэтому он решил попытать свое счастье через руки другого, еще более выдающегося генерала Наураз Зора, что значит Науразa Сильного, про которого бухарские солдаты пели: „Генерал наш боевой и не боится большевой".

Вновь назначенный Главком прибыл в ставку как раз в тот день, когда парламентеры вели с нами переговоры, закончившиеся перемирием. Поведение генерала Наураз Зора, красноречивее всяких слов раскрывало нам намерения эмира, посылавшего своих генералов. Все эти ставленники эмира, также как письма Гази-бека, также как миссия Ишан-Судара были лишь средством для достижения намеченной цели, как они и оценивались тогда руководителями обороны. Как только командование осадой убедилось, что нас на мякине не проведешь, так сейчас же плюнуло на заключенное перемирие и обрушилось всей тяжестью своей многотысячной армии на утомленных долгой, напряженной борьбой защитников. Но боевому генералу не повезло также, как и его предшественнику. Этот последний, но безумно упорный штурм, продолжавшийся двое суток, унес из рядов защитников не один десяток лучших бойцов, а для врага был по истине катастрофическим.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ОСАЖДАЮЩЕЙ АРМИИ

Я думаю, что не безинтересно будет, разобраться в причинах приведших двух самых видных генералов эмира, Гази-бека и Науразa Зора, к такому обидному поражению. В свое время эта сказочная победа горсточки защитников над многотысячной армией осаждающих толковалась по-разному.

Мне кажется, что одною только храбростью защитников, готовых жертвовать собою за интересы своего класса, нельзя объяснить неудачу противника. Эти качества защитников могли затруднить и осложнить задачу, затянуть осаду, заставить осаждающих чрезмерно напрягаться,—как это сделала Бухара в сентябре 1920 года,—и вызвать большие потери, но ни в коем случае не обречь его на неудачу. Поэтому главную причину неудачи осаждающей армии надо искать в недостатках ее руководителей. В остальном же дело обстояло вполне удовлетворительно. Об'ективно, из ста шансов на победу—девяносто пять было на стороне осаждающих.

Линия обороны, проведенная нами, по крайней малочисленности гарнизона грубо грешила против требования военного искусства. Мы не могли выдвинуть ее вперед до линии наилучшего обстрела местности. Проволочные заграждения были сделаны только в один ряд, крайне небрежно, при явном саботаже инженерно-технического персонала. Противник же всегда был свободен в своих решениях и выборе времени дня своих действий. Инициатива всегда находилась в его руках, всегда диктовал он сам свои планы. Силы у него было больше, чем достаточно. Техника у него была также удовлетворительна. Отсутсвие артиллерии он мог компенсировать ручными гранатами. Артиллерией мы пользовались также очень редко, ввиду непродуктивности огня этого рода оружия в тех условиях борьбы. Погода стояла великолепная. Снабжение было удовлетворительное.

Армия была хорошо обучена и достаточно дисциплинирована. Стрелки стреляли довольно метко и всегда соблюдали дисциплину огня. Огонь начинался внезапно и внезапно же прекращался, компактно и быстро переносился с одной цепи на другую. Организация начиналась с десятка, во главе которого стоял ун-баши, затем чур-агасы, юз-баши и мин-баши. Мин-баши непосредственно подчинялся ляшкар-баши. Только дело снабжения предметами продовольствия находилось не в организованном состоянии, каждый из-баши самостоятельно добывал и бесконтрольно расходовал продовольствие, что было крайне не экономно и давало широкую возможность злоупотреблениям и обиранию населения. Это обстоятельство, конечно, было минусом в организации осадной армии, но сказываться на успехах ее деятельности не могло, так как армия стояла на одном месте и с места же добывала продовольствие.

Настроение армии, за исключением частей, состоящих из мобилизованных на месте нукеров, насильно оторванных от железной дороги, было боевое. Кадровые солдаты, хазарийцы и гаударовские молодцы, оказались великолепными бойцами. Наблюдая за действиями этих упорно лезущих прямо в огонь и призерающих смерть людей, порою приходилось буквально восхищаться их солдатским упрямством и жалеть от души, что эти безумные храбрецы не имеют достойного полководца и боряться за совершенно чужие им интересы, только лишь из-за сытного обеда и за возможность пользоваться трофеями в случае победы. Атаки велись совершенно правильно, как и следовало при данной обстановке боя; после усиленной подготовки огнем, люди бросались в атаку сомкнутым строем.

Несмотря на эти в общем очень выгодные об'ективные условия, умелую организацию и правильное начало штурма,—все-таки финал его получался из ряда вон неприятный. Секрет здесь, на мой взгляд в том, что осада велась по чужому рецепту. Фигуры на доске расстанавливались умелой рукой белых офицеров, а двигала то их неумелая рука эмирского генерала.

Отсутствие общего руководства, координирующего действия всех колонн, авторитетной личности главного начальника, когда все силы введены в дело и, когда солдат дошел до того предела, где больше всего он нуждается в моральной поддержке, воодушевлении и властном руководстве, способном толкнуть его даже на смерть,—привело к печальному результату трехмесячную осаду, связанную не с одной тысячей человеческих жертв.

Яростные атаки пятого и шестого июля окончились еще большим поражением эмирских полководцев, чем это было при предыдущих штурмах. Это небывалое поражение врага явилось естественным исходом упорнейшей трехмесячной блокады и создало необходимые условия для начала настоящих мирных переговоров.

Последний генеральный штурм, как и весь ход борьбы, дали эмиру вполне заслуженный урок, доказавший ему, его генералам и строптивым союзникам в последний раз, что стратегия требует не авантюр, не операций, рассчитанных на измену изнутри или на ошибки противника и на провокации, а планомерных, основанных на принципах военной науки и классовых отношений, операций.

ЗДЕСЬ ВОЙНА, А ТАМ „МИР"

Отборные войска эмира под командой лучших генералов направляются в Керки; здесь они пополняются мобилизованными нукерами добровольцами и вольно-наемными, и в союзе с ашхабадскими белогвардейцами под руководством опытных инструкторов осаждают крепость. Сам эмир, вдали от устраиваемого им кровавого побоища, в своих роскошных апартаментах ведет игру с правительством Советского Туркестана, подпевая под аккомпанимент продажного полпреда нашего Печатникова о „дружбе", „сожалеет" и „скорбит" о случившемся; бранит „непокорных" туркмен, ловко дурачит и водит за нос даже председателя Турцика, указывая на опасность посылки в Керки кого бы то ни было и таким образом старается обеспечить своему генералу достаточное время для расправы, с небольшим гарнизоном Керки. Когда и эта реальная часть плана вместе с армией разбивается о стойкость блока, сколоченного в Керках из всех национальностей, населяющих город; когда представители местного населения, толкаемые дехканством, начинают волноваться и требуют увода войск; когда на юге наша армия удачным маневром по персидской границе—наносит серьезный развал в тыл закаспийской армии Деникина, а на севере начинается развал левофланговой армии Колчака; когда благодаря отзывчивым отношениям к нашей просьбе Мазар-и-Шерифского генерал - губернатора, в герметически закупорившей нас блокаде пробивается брешь, только тогда, оставшись без единого козыря, эмир „соглашался ликвидировать событие мирным путем", и дает в состав комиссии трех незначительных чиновников, которых наши „хитрые, как лиса", дипломаты принимают за министров. (См. статью Болжинского в Красной Летописи Туркестана № 1-2). Чтобы нагнать на комиссию побольше страху и сильнее подействовать на воображение ее членов, эмир продолжает дурачить комиссию, разыгрывая перед ней грубый фарс на всем протяжении пути. Все эти нападения на комиссию и все эти „чуть-чуть не кольнули" „чуть-чуть не убили", слишком театральны, и в них нет ничего правдоподобного. Не кольнули и не убили потому, что не нужно было колоть и убивать.

„МИР"

Для заключения мира ни в какой комиссии нужды не было. Он фактически уже был заключен, потому что эмир уже былне в

состоянии продолжать борьбу. Обстоятельства изменились не в его пользу.

Коллегия по обороне предложила комиссии три следующих пункта, как необходимую основу для установления нормальных взаимоотношений:

1. Немедленно увести войска из района Керки.

2. Заменить всю старую высшую администрацию новыми чиновниками, а старую привлечь к ответственности.

3. Не преследовать бухарско-подданных, принимавших то или иное участие в организации временного самоуправления и вообще в обороне.

Но комиссия не обратила на это внимания и всем своим поведением показала, что коллегия не пользуется в глазах комиссии доверием. Однако, не зная ни узбекского, ни фарсидского языка, члены комиссии принуждены были просить делегировать к ним меня. Коллегия приняла это предложение, оговорив, что за последствия мирного соглашения никакой ответственности ни коллегия, ни делегируемый член ее не несут. Гвоздем переговоров оказались два момента: 1. Боязнь бухарской делегации, неизбежно падающей на их правительство ответственности. 2. Выдача младо-бухарцев, якобы как главных виновников, вводящих в заблуждение русские власти и создающих постоянные трения между двумя соседями. При внесении этого пункта афганский представитель Фазлы-Ахмед-хан и я демонстративно оставили заседание, заявив, что не вернемся до тех пор, пока делегаты эмира совершенно не откажутся от этого пункта. Конечно, бухарцы тут же сняли это предложение. И-3. Вопрос о личном имуществе Закетчи, Нуретдина и Раиса, которое вместе с захваченным в качестве военного трофея имуществом, оказалось забранным и использованным для нужд обороны.

Переговоры страшно затянулись, аппетиты бухарской стороны продолжали расти. Гарнизон и население, сидящие на голодном пайке, нервничали. Кишлачное население также стало беспокоиться и требовало скорейшего открытия базаров. Аксакалы кишлаков передали нам через афганцев, чтобы мы включили в договор, как условие, обязательное удаление разбойника Гаудара, который беспокоит население.

Комиссия вышла из положения, взвалив всю ответственность на коллегию по обороне, что и нужно было эмирским делегатам. Трудно даже представить себе такую бесчестность, какую проявила при этом комиссия. Плоды дорого стоющей победы были сведены на-нет пером подлых „дипломатов".

При честном отношении комиссии и полпреда к своему долгу договор дал бы блестящие результаты. Он открыл бы младо-бухарцам широкую возможность для их революционной деятельности, так как авторитет эмира, как джехангира, в глазах населения со-

вершенно пал. Но предатель на то и есть предатель, чтобы парализовать успехи революции.

ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ

Ближайшим наглядным последствием „мирного" соглашения в Керках явилось то, что комиссия, приехавшая совсем налегке, уехала с громоздким багажем и с оттопыренными карманами, а в дальнейшем эти последствия выражались в том, что, проиграв дело в открытом бою, эмир решил взять не мытьем, так катаньем. Печатников оставался на своем посту и весь был к услугам эмира. Начались новые козни против Керки. На основании состряпанного комиссией материала, Печатников посылает в Керки карательный отряд под начальством своего военного атташе, Петрова, человека крайне невежественного и грубого. Отряд Петрова, называвшийся коммунистическим, в большинстве своем состоял из буржуазных сынков Новой Бухары. Во главе этого отряда в качестве командира стоял некто Доброжанский, впоследствии растрелянный за продажу оружия.

Только что сорганизованный трудящимися Керки Совет вновь был распущен и заменен „Ревкомом", во главе которого был поставлен другой реакционер и враг большевиков, полковник царской службы Василевский. А военным комиссаром была назначена бесцветная личность, бывший царский офицер и сын новобухарского попа, расстрелянного за контрреволюционное выступление, Омелюстый.

Младобухарский комитет вновь был разгромлен и члены его были высланы. Конная сотня, как наиболее революционная часть, была из Керков снята, а главные защитники его были арестованы и переданы в руки врагов. „Расследование керкинской авантюры" было поручено царским чиновникам и эсерам, которые поистине не знали границ в своих издевательствах над нами. При обыске отобраны у меня все ценные документы и, конечно, не были возвращены. К делу подшили два синих письма, полученных от губернатора Мазар-и-Шерифа, которыми размахивали, как доказательством о моей „шпионской" деятельности в пользу Афганистана. Меня держали в специально приспособленной, темной, неотапливаемой камере, а когда водили к „следователю" Гарину, то меня сопровождало шесть человек конвоиров.

Натешился и бек над джадидами. Чего не удалось сделать в мартовские дни 1918 года, было наверстано сторицей. Младобухарская организация была уничтожена.

Для остального населения Керки последствие заключенного договора, как видимо, было тоже не сладкое. Вот что пишет керкинский Исполком в своем докладе IX с'езду советов, „договор, заключенный с бухарскими властями после событий 1919 года, создал для русского населения Керкинского района не-

выносимо тяжелое положение. Железная дорога от Карши до Керки и телеграф не восстановлены и материалы расхищаются, пароходного сообщения по Аму-Дарье нет. Таким образом, мы оторваны от всех остальных пунктов республики и не имеем с ними никакой связи. Сообщение и передвижение возможно только на каюках или на арбах. Но эти способы передвижения возможны только при условии получения от местных бухарских властей или даже от эмира особых на то разрешений, в каждом отдельном случае, даваемых крайне неохотно. Для большей же гарантии безопасности передвижения независимо от охранных грамот, является необходимым еще всякий раз назначение особых чиновников, что очень увеличивает путевые расходы. Те же затруднения встречаются каждый раз при необходимости выступления русских (подразумевается советских, потому что русским белогвардейцам резрешалось ходить куда угодно и сколько угодно—Б.) граждан за черту русской (советской) части города. Однако, и эти меры в большинстве не достигают цели. Следующие случаи являются разительными тому примерами:

25 октября, при возвращении из Ташкента делегатов керкинского Совдепа тов. Лагода и Сырникова и воинов Керкинского гарнизона т. т. Петрова, Шилова и других, везших на каюках в сопровождении конвоиров ташкентской конвойной команды три миллиона денег для содержания гарнизона и совучреждений, а также разные продукты для гарнизона, у кишлака Ходжамбаз каюки были задержаны вооруженными туркменами (читай бухарским постом—Б.) и, несмотря на имевшиеся у них охранные грамоты, были обезоружены, обысканы, раздеты и закованы в цепи. Все казенные деньги, оружие, вещи, продукты, документы, посылки, а также все собственные деньги и имущество как делегатов, так и конвоиров были отобраны и потом делегаты и конвоиры были приговорены к смертной казни. При этом над ними чинились всевозможные издевательства. В таком положении между жизнью и смертью все задержанные находились в кишлаке четыре дня. Какие ужасы им пришлось пережить и переиспытать, показывает то, что один из конвоиров тов. Шрейдер получил острое нервное расстройство. Только счастливая случайность, что до Керков скоро дошли слухи о происшедшем, и только настойчиво категорические требования, пред'явленные беку, дали возможность выручить всех задержанных.

20 ноября председатель керкинской следственной комиссии тов. Богданов, плывя на каюке из Чарджуя, у того же кишлака Ходжамбаз также был задержан „туркменами“, не взирая на имевшиеся у него и едущих с ним граждан от бухарских властей пропускные документы и сопровождавшего их чиновника. Все вещи у них были перерыты и осмотрены с разным издевательством, при чем тов. Богданову были нанесены удары палкою по спине.

30 ноября возвращавшиеся с краевого с'езда коммунистов-большевиков—керкинский делегат тов. Фельдман с несколькими гражданами были остановлены у того же кишлака Ходжамбаз. Вещи их под предлогом, якобы, отыскания скрыто-провозимого оружия, осмотрены с допущением унизительного обращения, угроз и ругательств.

На запросы к беку и протесты нас успокаивают или тем, что виновные должным образом уже наказаны, или будут наказаны, или же, что власти будто бы не в силах справиться с туркменами, которые, якобы, им не повинуются, что безусловно противоречит действительности. Во всех нападениях туркмен на проезжающих по Аму-дарье, особенно резко бросается в глаза то, что они нападают на русских граждан. Персы, афганцы и другие пропускаются совершенно беспрепятственно. Заготовка предметов первой необходимости для русского населения города Керки всецело зависит от усмотрения бека и его чиновников и допускается только по мелочам, что ставит нас в весьма затруднительное положение. Сплошь и рядом наталкиваешься на такого рода явления: бухарские власти дают нам официальное разрешение на ту или иную закупку и любезно выражают полную готовность содействовать успеху заготовки, негласно же через посланных по всем кишлакам и базарам чиновников строго-настрого воспрещают продавать что-либо русским под страхом конфискации припасов, наказания палками и „зинданом" (тюрьма-клоповник). Это неимоверно удорожает стоимость продуктов и припасов первой необходимости и т. д."

Хотя авторы этого доклада благодаря своему недостаточному пониманию классовой подоплеки происходящей борьбы, проводят враждебную линию между русскими и туркменами, то-есть между национальностями, на самом же деле эта враждебная линия проходит между классами. Ведь от Чарджуя до Керков на расстоянии почти трехсот верст расположен не один только кишлак Ходжамбаз, а там масса кишлаков. Несмотря на это, несчастье с советскими гражданами случается каждый раз на одном и том же месте. Ясно, что у кишлака Ходжамбаз расположен пост с определенной задачей и с определенными инструкциями, кого задерживать и кого нет. Задерживаются только те каюки, на которых плывут большевики. Почему же ласкают палкой по спине именно Богданова, а не кого либо другого? Да потому, что Богданов большевик, да еще чекист. Во имя чего же все это делается? Во имя того что „колесовские события открыли эмиру глаза, и убедили его, что с большевиками жить—так нужно камень за пазухой иметь, что джадиды имеют в лице большевиков верных союзников". Так что туркмены тут являются просто только козлом отпущения и ширмою, за которую прячет свои оскаленные зубы бухарская реакция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Керкинские события являются одной из ярких страниц в истории Красной армии. Ее нужно очистить от той грязи, которой умышленно запачкали ее наши враги при содействии разных лжекоммунистов. Текст очерка Волжинского составлен упомянутым выше Василевским, этим услужливым секретарем всех неграмотных представителей центра (как правило, классово не выдержанных), которые приезжали в Керки. Эти представители в своем стремлении попасть в общество „порядочных“ людей и в роскошную обстановку с нафуфыренными дамами,—легко попадали в сети замаскированной белогвардейщины. Естественно, что эти социальные враги пролетариата смотрели на Красную армию как на банду.

Вот что пишет Василевский в своем докладе в качестве председателя Ревкома о рабочих: „Пролетарские элементы, к сожалению, не сумели справиться с задачей. Так как большая часть их оказалась несознательною, распущенной и развращенной. Единицы же идейно преданных делу, не имея надлежащей подготовки, без необходимой эрудиции, и будучи задавленными большинством беспардонных, неимеющих ничего общего с высокими и светлыми идеями человечества—не в силах были сделать что-либо в направлении развития и закрепления советской власти в Керках“.

Видите как хорошо выходит? Действительно, можно подумать, что поет настоящий соловей, а не граммофон. Значит пролетариат оказался никуда не годным и, если у него и были кое-какие сносные ребята, то они так же были неспособны к руководству. А посему-де лучше передать бразды правления в руки царских офицеров и чиновников, умудренных долголетним опытом, имеющих надлежащую подготовку, с эрудицией, и способных обуздывать беспардонных рабочих и крестьян. Удивительно ли, что автор вышеприведенных строк, являясь и автором очерка Волжинского (хотя Волжинский кое-что позаимствовал и из моего доклада в штаб фронта)—красной нитью проводит ту мысль, что к осаде Керки привели массовые грабежи и насилия. Конечно, все эти разговоры о вакханалиях грабежей и насилиях—сплошная ложь и чистейшая клевета на защитников Керков—следовательно, и на Красную армию.

Я разумеется, очень далек от мысли совершенно отрицать присутствие в рядах Красной армии преступного элемента. Но этого недостаточно для утверждения, что действия Красной армии и большевиков всюду сопровождались вакханалиями грабежей. Что бы не быть совершенно голословным в своем опровержении Волжинского, я обращаю внимание читателя на те об'ективные условия, при которых сама возможность не только вакханалии, но и всякого необдуманного поступка и недостойного поведения по отношению к

населению, исключается. Как только стало ясным, что без вооруженного столкновения не обойтись, в гарнизоне была проведена большая раз'яснительная кампания. Красноармейцам было внушено, что наступает чрезвычайно серьезный момент, налагающий суровую ответственность за все его действия, что на помощь из центра надеяться трудно, что борьба может затянуться надолго, что обязательно необходимо постараться заслужить расположение и доверие всего населения, среди которого много и иностранцев, что всякое действие, преследующее корыстную цель, повлечет за собою суровую кару и под страхом жестоких наказаний красноармейцам был запрещен вход в дома. Затем об'ектами действия наших войск были только два пункта: бековская крепость и правительственный сарай, где по сведениям были сосредоточены ударные войска для ночного нападения. В бековской крепости грабить было нечего. Он жил на холостую ногу; кроме гостинной обстановки, личной постели у него, почти, ничего и небыло.

Самым показательным в безупречности поведения защитников является то, что они пользовались поддержкой всего населения Керки—афганцев, персов и индусов. Грабителям, оббиравшим всех без различия, едва ли удалось бы мобилизовать вокруг себя общественную помощь в таких размерах и в такой степени. Едва ли персидское и афганское правительства стали бы приносить „грабителям" письменные благодарности за защиту и охрану интересов, жизни и имущества их подданных. А афганское правительство, кроме письма, прислало правителя Маймене Гаффар-хана, который, познакомившись с положением дела на месте, лично поблагодарил за защиту интересов афганских граждан. На скромном банкете он в присутствии высших сановников Бухары и представителей иностранных колоний громогласно заявил, что распространяемые слухи о грабежах и насилиях—со стороны русской армии—чистая выдумка, если бы не эти окопы, то даже трудно было бы поверить, что здесь только что кончилась жестокая трехмесячная борьба.

Следовало бы Истпарту ЦК Туркменистана тщательно расследовать керкинские события, пока живы участники этих событий, так как документы, относящиеся к ним не могли сохраниться полностью. У меня при аресте были отобраны все документы, касающиеся не только событий, но и все исторические документы, собранные мною в течение многих лет, разумеется были уничтожены. А кроме того, не все важные вопросы обсуждались на общих заседаниях коллегии, в виду ненадежности некоторых ее членов, и решались просто частным образом при товарищеских беседах. Стенографических записей заседаний не велось совершенно. Очень хорошо было бы разыскать то „уголовное" дело, которое было составлено на меня. Оно раскрыло бы многое. Оно должно быть в архивах б/Крайкома туркестанских организаций РКП и теперь

может быть перешло в архивы Средазбюро ЦК ВКП(б). Что эти ложные слухи о грабежах выдумывались и распространялись врагами трудящихся, что дело, на основании которого мы были арестованы, было состряпано из материалов эсеров, дашнаков и белогвардейцев, видно из постановления центрального комитета бухарских коммунистов от 8 июня 1920 года, № 53.

„Рассмотрев дело члена Центрального Комитета тов. Баржанова, представленное полномочным представителем советской республики в бухарском ханстве Аксельродом, Центральный Комитет бухарских коммунистов находит: 1. В бумагах, отобранных у тов. Баржанова при обыске и представленных, как обвинительный материал, не только не имеется ничего компрометирующего т. Баржанова, как политического деятеля, но наоборот, имеются документы, указывающие на его большие способности в области дипломатии, на преданность идеям угнетенных. 2. В докладах, или вернее сказать в доносах. гр. Гарина, Шванского и Василевского Центральный Комитет усматривает тенденциозность, предвзяточнсть, направленных к опорочению доброго имени одного из видных большевиков и к сведению счетов. 3. Очевидно это было также оценено и самим Аксельродом—иначе в течение целого года делу был бы дан ход. Однако, оно прислано Аксельродом лишь теперь для оправдания себя за арест т. Баржанова в апреле сего года, что, как нам известно, сделано по просьбе бухарского правительства. Поэтому, примая во внимание: 1) личность гр. Гарина, Васильевского и Шванского, первый из них—бывший казачий чиновник, владелец усадьбы и нескольких домов, второй старый полковник, имеющий собственный дом, и третий—лидер керкинских эсеров, вполне понятно, что с такими людьми тов. Баржанов не мог быть душа в душу; 2) граждане города Керки состоят из представителей торговой буржуазии, агентов промышленной буржуазии и из бывшего офицерства и чиновничества. Рабочих в полном смысле этого слова, там очень немного. Ясно, что со стороны такого ассортимента граждан, никакой коммунист не мог бы пользоваться симпатией. И, если в дни грозных событий 1919 года тов. Баржанову удалось объединить вокруг себя различные слои населения, то это исключительно дело его личных качеств и 3) принимая во внимание прошлую и настоящую деятельность тов. Баржанова на революционном поприще и отзывы местных организаций ВКП(б), Центральный Комитет постановляет: 1) тов Баржанова, как активного политического работника, считать вполне соответствующим ко всякому ответственному назначению., 2) чтобы окончательно выяснить деятельность темных элементов в Керках, составить смешанную комиссию из трех лиц—двух от Крайкома РКП и одного от ЦК ВКП(б), которой затребовать из Керки все журналы, протоколы, и приказы Исполкома за время деятельности там тов. Баржанова и приказы, протоколы военной коллегии по обороне Керки и весь следственный материал Керкинской ЧК. 4) копию настоящего постановления послать в Крайком Р.К.П.

Председатель ЦК Хусанов

Секретарь Мухамедов

Была ли организована упомянутая выше комиссия или нет, мне ничего неизвестно, кажется, что не была.

ДОКЛАДЫ В САНИИР

ДИСКУССИЯ

о революции 1905 года в Средней Азии

в Средне-азиатском отделении Общества историков-марксистов

ДОКЛАД ТОВ. БЕРЕСНЕВА[1])

Революция 1905 года в Средней Азии имела не только много своеобразия в процессе своего развития, но и получила чрезвычайно любопытное освещение в нашей исторической марксистской литературе. По сути дела истории революции 1905 года нет; ни одна проблема революции 1905 года в Средней Азии ни в одном журнале, ни в одном из наших марксистских трудов не поставлена и не разрешена. Та же литература, которая в той или иной степени затрагивает вопросы революции 1905 года в Средней Азии, обоснована в большей степени не на документальном материале, который должен быть положен в основу изучения революции. Вместо того получила распространение та точка зрения, что революции 1905 года в Средней Азии не была. Есть и другое положение,—что классовая борьба в 1905 году в Средней Азии была, но не было самостоятельного революционного движения, проходившего в виде отголосков той революционной борьбы, которая велась в центре. В частности весьма распространено представление, что в Средней Азии революционное движение в 1905 году хотя и было, но находилось целиком и полностью под влиянием партии эсеров, что все массовое, особенно солдатское, движение „определялось и проводилось партией эсеров".

Я хочу сегодня поставить вопрос: был ли 1905 год в Средней Азии или нет? Об этом можно сказать, что революция 1905 года в Средней Азии была не простым отголоском событий центра, а действительно революционно-массовым движением пролетариата. Второй вопрос—вопрос о характере развития революционного движения и о той роли, которую играла партия эсеров.

---

[1]) Доклад печатается в сокращенном виде.

На всех вопросах, которые затронуты в моем докладе, я остановиться подробно не смогу, но заострю ваше внимание на самых главных и существенных моментах.

Основная линия классовых противоречий в Средней Азии вскрывается т. Галузо в следующем виде: „Наиболее острым противоречием было противоречие **между колониальным господством и дехканско-скотоводческой массой в Средней Азии.** За этим идет противоречие между „городской демократией" (сюда включается мелкая буржуазия и зародыши средней промышленной буржуазии и мелко-буржуазной интеллигенции) и тем же колониальным господством. И, наконец, третье— наиболее слабые противоречия—это противоречие между туземной торговой буржуазией и духовенством, русским господством в крае, торговой и банковой буржуазии."

(П. Галузо. „Туркестан—колония", стр. 133. Подчеркнуто мной).

Но кроме этого „мы имеем в виду еще 21 тясячу пролетариата, разбросанного по краю, по разным предприятиям, среди которого 77% было туземцев". (Там же, стр. 161).

Норма эксплоатации местного пролетариата равнялась 417% (вычислено тов. Лаврентьевым по данным Заорской и Александер. См. Лаврентьев—„Капитализм в Туркестане" стр. 157).

Противоречия „между торговой буржуазией" и „русским господством в крае" не могли привести к открытой классовой борьбе, так как „опорой самодержавия в Туркестане оказался не феодал, а торговый буржуа и ростовщик". (Лаврентьев—„Капитализм в Туркестане", стр. 112).

При этом „посредничество туземной буржуазии являлось совершенно обязательным звеном капиталистической эксплоатации Туркестанской колонии". (Там же, стр. 113).

К эпохе революции 1905 года следует отнести начало развития и усиления монополитического капитализма. И в этот же период можно отметить начало следующего процесса, когда „торгово-ростовщическая эксплоатация дехканства вступила в противоречие с буржуазной колонизацией Туркестана (там же стр. 125), когда, в частности, получились „убытки на безнадежном застревании задатков в обломках разорявшихся ростовщичеством и хлопковой торговлей мелких крестьянских хозяйств, убытки на скверном качестве волокна, которое поставлялось туземными частниками". (Там же, стр. 125). Наличие классовых противоречий между царизмом и русской буржуазией и прочими классовыми прослойками не носило острого характера, а общность взаимных интересов устраняла предпосылки к открытой классовой борьбе.

Если взять Семиречье, то там, наряду с „острым противоречием между колониальным господством и дехканско-скотоводческой массой" (у которой шла усиленная экспроприация земель для русских переселенцев) существовало противоречие между крестья-

нами-переселенцами и казаками, носившее характер борьбы за право колониального грабежа кочевого и полукочевого населения. Но эти противоречия в 1905 году решающего значения, того значения, которое они приобрели на базе расширенного воспроизводства в период с 1916 по 1919 год., в 1905 году не имели. Кроме того была „отдушина", куда недовольство российских крестьян могло выходить. Например, значительное недовольство было в 1903 году, но потом оно прекратилось, когда переселенцы получили землю.

Я не останавливаюсь долго на этих вопросах, так как они в нашей марксистско-ленинской исторической литературе разобраны достаточно хорошо и к основным положениям, которые по ним имеются, присоединяюсь. Положение Средней Азии, как царской колонии, определило также и то специфическое положение, в котором находился пролетариат. Рабочий класс состоял из трех основных групп: из пролетариата местной национальности, из пролетариата сопредельных стран и пришлого европейского пролетариата. Мы не будем делать разграничений между пролетариатом Афганистана, Таджикистана, Белуджистана поскольку это не имело особого значения в эпоху революции 1905 года, но разница между европейским пролетариатом и местным была значительна.

Достаточно сказать, что разница в зарплате русского рабочего и рабочего местной национальности доходила до 50%, а в некоторых случаях она превышала и сто процентов, даже в таких местах, как, например, Туркмения, где условия в начале XX века были особенно благоприятны для пролетариата из местных национальностей. И, наконец, если посмотреть на положение самого европейского пролетариата, то и тут мы можем найти значительные прослойки, которые друг от друга чрезвычайно сильно отличались. Например, оплата труда рабочего одной и той же квалификации, слесаря или токаря в частных предприятиях, мелких, кустарных и государственных разнилось на 20, 30, а то и на 50%.

В начале XX века в Туркестане имела место острая недостача квалифицированной рабочей силы. Рабочие, занятые в частных ремесленных и кустарных предприятиях, где было от двух до четырех-пяти человек, могли поставить себя в весьма выгодные условия. Предприниматели предпочитали итти на уступки рабочим, нежели терять квалифицированную рабочую силу, которую найти было трудно.

Можно насчитать десятки забастовок проходивших после отказа предпринимателей увеличить зарплату, или сократить рабочий день. Рабочие после увольнения переходили в государственные предприятия, на железную дорогу, где требовалось значительное количество рабочих рук, в связи с железнодорожным строительством между Ташкентом и Оренбургом.

Если посмотреть на пролетариат, занятый в государственных предприятиях, в данном случае на железной дороге, то оказывается, что рабочие Среднеазиатской железной дороги одинаковой квалификации, занимающие одну и ту же должность, в одних и тех же мастерских с одинаковым рабочим днем, получают разную оплату. Разница в оплате колебалась от нескольких процентов до 10.

Политика царского правительства приводила к тому, что расслоение в самом рабочем классе, занятом в государственных предприятиях было чрезвычайно большое и напоминало собой цеховую структуру.

Характерен такой момент: рабочие временных мастерских или рабочие, которые только что поступили на железную дорогу, никакими правами не пользовались, рабочие же, которые прослужили на железной дороге ряд лет, пользовались целой серией привилегий. Рабочие штатные были заинтересованы в том, чтобы не уйти с этого производства, так как по истечении ряда лет они получали соответствующую надбавку. Рабочие не штатные, сплошь и рядом, получали зарплату, на много уступающую штатным. Нижеприведенная таблица может это наглядно иллюстрировать. Здесь взят средний заработок поденных служащих основных специальностей за 1904 год. При этом заработок кизил-арватских рабочих взят за сто процентов.

Наименование специальностей	Кизил-Арват		Ташкент		Депо	
	Средний заработок в процентах	Среднее число рабочих дней за месяц	Средний заработок в процентах	Среднее число рабочих дней за месяц	Средний заработок в процентах	Среднее число рабочих дней за месяц
1. Слесаря	100	32	82,7	34	72,4	32
2. Кузнецы	»	31	101,4	29	77,4	29
3. Молотобойцы	»	—	77,7	—	77,7	—
4. Токаря	»	26	76,1	25	84,1	31
5. Котельщики	»	29	83,0	27	84,7	31
6. Подручные котельщики	»	—	92,3	—	87,3	—
7. Столяры	»	27	96,5	30	82,7	32
8. Маляры	»	25	84,2	33	86,1	30
9. Рабочие	»	—	110,5	—	105,3	—

Изложенные различия в положении рабочих в производстве оказали большое влияние на характер и на формы массового движения. При этом следует заметить, что в 1905 году проходит снижение заработной платы, в первую очередь, для нештатных рабочих на железных дорогах, при общем повышении цен на продукты, так например, заработок в 1905 году по сравнению с 1904 снизился для тех же мастерских в следующих процентах:

	Кизил-Арватские мастерские	Ташкентские мастерские
Слесаря	8,6	8,3
Кузнецы	1,4	26,3
Токаря	6,1	—
Котельщики	16,3	1,6
Столяры	13,8	13,9
Медники	11,5	20,3

Особенно это отражалось на внештатных, временных рабочих. Я думаю, что здесь можно принять во внимание еще один характерный момент для революции 1905 года. Это прохождение первого сквозного поезда по Ташкентско-Оренбургской железной дороге 11 января 1905 года. Огромное количество рабочих, которые были заняты на строительстве железной дороги, было выброшено на рынок труда. Наплыв рабочих на железнодорожное строительство в Туркестане происходил в 80 и 90 годах XIX века и в начале XX века. Основная работа по железнодорожному строительству в конце 1905 года прекратилась. Значительное количество рабочих рук осталось без работы. Отсюда мы имеем целую серию частичных, а иногда и крупных стачек. До 1905 года было две крупных забастовки, и особенно одна из них, против которой выступил „знаменитый“ Прасолов. Всю массу рабочих забастовщиков до 300 человек вывезли в район крепости Кушки и затем разослали по всей Средней Азии. Характерно, что в этом крупном выступлении не участвовали русские рабочие, участие узбеков и также туркмен было очень незначительно, а подавляющая масса участников—персияне.

Следовательно, в этой вспышке и в ряде других забастовок было видно назревание массового движения рабочего класса. В заключение, для понятия, как причин, так и движущих сил революции 1905 года, я приведу некоторые цифры о развитии производительных сил колонии.

Бурный рост фабрично-заводской промышленности в крае за период с 1898 года по 1909 год по 18 отраслям производства выражается в увеличении продукции с 17.612 до 68.306 тысяч руб-

лей. При этом обращает на себя внимание хлопкоочистительная промышленность, увеличившая ценность своей продукции за этот же промежуток времени в три с половиной раза. Наиболее показательной для роста хлопковой промышленности в годы революции и накануне ее служила Ферганская область—центр хлопководства, где за годы с 1903 по 1912 было выстроено два новых хлопковых завода с одиннадцатью джинами, в то время как площадь, занятая хлопчатником, за тот же период возрастает с 135.840 десятин до 199.413, при увеличении вывоза хлопка с 3.548.000 до 7.615.223 пудов.

Изложенные данные показывают не только бурный рост хлопковой промышленности, впитавшей значительную массу батраков, чем сглаживались на время под'ема классовые противоречия, но и показывают, что главная направленность в развитии производства шла по линии увеличения производительности заводов, что можно было бы сделать и путем увеличения общего времени работы этих заводов (из сезонных превратить их в более или менее постоянные) и привлечения большего количества постоянной рабочей силы. При общем ограниченном количестве квалифицированной рабочей силы в Туркестане хлопкоочистительные заводы в период под'ема особенно дорожили квалифицированными работниками, высоко оплачивая их труд, благодаря чему рабочие хлопкоочистительной промышленности были заинтересованы в непрерывности своего производства и не всегда сочувствовали забастовочному движению на железных дорогах, которое сокращало вывоз хлопка и подвоз с'естных припасов, что в свою очередь вело к сокращению производства.

Подводя итоги, можно сказать, что при данном соотношении классовых сил, движущей силой революции мог быть пролетариат (европейский и национальный) и дехканско-скотоводческая масса, прочный союз которых мог бы завершить развитие колониальной буржуазно-демократической революции. Национальная буржуазия и национальные господствующие классы, благодаря теснейшему переплетению своих классовых интересов с интересами царского правительства и российского капитализма, в лучшем случае могли мечтать об отделении колонии от метрополии, но встать на путь свержения царизма они не могли, так как для торговой и торгово-ростовщической буржуазии это могло означать гибель их классового господства.

Местная мелкая буржуазия и мелко-буржуазная интеллигенция качественно не представляли собой однородного, монолитного, социального тела. Одна часть (ремесленники-кустари и мелкая торговая буржуазия) суб'ективно стояли на стороне реакционных сил и были против развития капиталистических отношений в колониях, которые разоряли и пролетаризировали их. Поэтому они плелись в хвосте реакционного духовенства и реакционно-господствующих

классов, но об'ективно они могли итти в союзе с пролетариатом и дехканско-скотоводческой массой и быть революционными, поскольку они были заинтересованы в свержении самодержавия. Другая часть (мелко-буржуазная интеллигенция) в одном секторе стала окончательно на службу колонизаторам (переводчики и прочие), в другом (учителя, духовенство), являлась интеллигенцией господствующих классов и в третьем—представляла собою интеллигенцию нарождающегося класса местного промышленного капитала. Но об'ективное положение промышленного капитала в общем хозяйстве определило и характер революционного движения этой группы, которая дальше разрешения элементарных культурнических задач не шла и пойти не могла.

Основными выводами из приведенных положений необходимо считать: 1) разрешение задач колониальной буржуазно-демократической революции могло быть только при свержении царизма в центре и всего аппарата правительства на местах; 2) единственными классами, которые в тесном союзе друг с другом могли бы довести революцию до конца, являлся пролетариат (европейский и национальный) и дехканско-скотоводческая масса.

Перехожу к вопросу о характеристике тех об'ективных задач, которые стояли перед революцией 1905 года в Средней Азии. Ленин говорил, что революция 1905 года „была буржуазно-демократическая, так как целью к которой она стремилась, и которую она могла достигнуть непосредственно своими силами, была демократическая республика. Восьмичасовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения—те меры, которые почти в полном об'еме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 году“.

Но при этом к особенностям этой революции тов. Ленин относит то, „что, хотя эта революция и была по своему об'ективному характеру „буржуазно-демократической“, но „по средствам борьбы была пролетарской. „Доведение до конца“ буржуазно-демократической революции означало в то же время установление революционно демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“.

„Но когда вопрос переносим в условия колоний, то здесь постановка его принимает несколько иной и достаточно своеобразный характер. Что означала бы буржуазно-демократическая революция в Средней Азии? Она означала бы, в первую очередь, уничтожение господства колониальной системы, переход всей государственной власти в руки местной буржуазии. Когда мы касались развития этой буржуазии в Средней Азии, то видели, что она не была способна стать во главе революции и довести до конца буржуазно-демократическую революцию в колонии. Буржуазно-демократическая революция в Средней Азии не могла не быть в то же время национально освободительной, ибо без уничтожения колониального господства российского полуфеодального военного империализма

развертывание буржуазно-демократической революции здесь было невозможно. Но местная буржуазия руководить буржуазно-демократической революцией не могла, потому что сама была крепко сращена с системой колониального господства, и была контрреволюционной в период революции 1905 года.

По методам и формам своей борьбы эта революция в Средней Азии была пролетарской, так как единственный класс, который выступал в этой революции и проводил эту революцию в Средней Азии своими специфическими методами, был пролетариат.

К основным задачам пролетариата в этой революции я бы считал возможным отнести следующее. В среде среднеазиатского пролетариата наиболее передовой и наиболее организованной частью была местная социал-демократическая организация европейского пролетариата. Местный пролетариат самостоятельной организации не имел и в небольшой своей части входил в социал-демократические организации; европейский пролетариат принимал активное участие в революционном массовом движении.

Основную задачу социал-демократии и пролетариата в этой революции в Туркестане можно сформулировать таким образом: 1. Самым решительным образом очистить ряды пролетариата от носителей великодержавного, великорусского шовинизма, ибо в среде европейского пролетариата шовинизм играл чрезвычайно большую роль. Товарищи, участвовавшие в революционном движении 1905 года подтвердят это. 2. Повести решительную борьбу среди европейского пролетариата против великодержавных и колонизаторских тенденций. 3. Высвободить европейский пролетариат из-под влияния колонизаторской местной буржуазии. 4. „Изолировать“ колонизаторскую либерально-монархическую буржуазию, как от массового пролетарского движения, так и от революционного национально-освободительного.

Центральным моментом должна была быть борьба за овладение и за укрепление прочного союза пролетариата угнетенной нации с пролетариатом господствующей нации, с одной стороны, и, с другой стороны, осуществление революционного союза с массой дехканско-скотоводческого населения, как единственного союзника пролетариата в борьбе за доведение буржуазно-демократической революции до конца.

Для этого необходимо было в повседневной практике поставить центральными вопросами вопросы национального освободительного движения—полного освобождения колоний от власти русского империализма: „свобода агитации за политическое отделение, потому что демократические принципы требуют, чтобы всякая агитация противопоставляла духовное оружие, а не насилие“. (Ленин, там же, стр. 18).

В этой борьбе революционная социал-демократия, не отказываясь не только от поддержки, но и от временных союзов с национальной буржуазией (в том случае, если последняя становится на путь решительной, революционной борьбы с царизмом), должна в то же время противопоставлять себя, как авангард передового класса, ведущего борьбу за полное раскрепощение угнетенных народов от политического и экономического рабства. В революции 1905 года местные национальные господствующие классы не только не вступили на рельсы национально-освободительной революции, но и не раз высказывали сочувствие и поддержку царизму в его борьбе с революцией.

Таким образом, революционная социал-демократия могла на опыте революционного движения показать эксплоатируемым классам колонии, что единственно верный путь к их полному раскрепощению ведет через прочный союз дехканско-скотоводческой массы с местным национальным и европейским пролетариатом и крестьянством метрополии.

Перехожу к изложению хода самой революции. Я разделяю события 1905 года в Туркестане на четыре основных этапа.

К первому этапу относится период, который охватывает февральские и мартовские забастовки, то-есть рабочее движение, кончая июльской демонстрацией в Ташкенте.

Второй период начинается с осени 1905 года и кончается декабрьским поражением вооруженного восстания, в Москве.

Третий период—с конца второго и кончается летним восстанием 1906 года по всей Средней Азии.

И последний период считают с осени 1906 года до конца полного разгрома революционного движения в Средней Азии.

Массовое выступление пролетариата в Средней Азии произошло двенадцатого января в Ташкенте, в так называемый „Татьянин день" в общественном собрании. Банкет в этот день по существу являлся продолжением земской кампании, которая была в России, а здесь в Средней Азии проходила с запозданием (Ташкент, Самарканд, Ашхабад). Ташкентская социал демократия привела на это собрание несколько сот ташкентских рабочих, кроме того, в конце собрания была разбросана прокламация о необходимости свержения самодержавия. Требования, пред'являемые либеральной буржуазией к правительству, были ничтожны и ничем не отличались от тех требований, которые пред'являлись земцами в центре. Характерно, что после банкета 12 января местная ташкентская либеральная буржуазия целиком отделилась от местной меньшевистской руководящей верхушки социал-демократической организации. Местной социал-демократической организацией после банкета 12 января проведена огромнейшая работа по выяснению ряда вопросов, относящихся к революции и партийному руководству, в том числе и вопрос относительно выделения ее в самостоятельную ор-

ганизацию, которой не руководила бы теперь либеральная буржуазия. Вторым моментом была борьба с партией эсеров, с которой был общий Городской комитет. Борьба закончилась, примерно, в апреле 1905 г., когда удалось окончательно убедить огромную массу членов местной социал-демократии в необходимости порвать с партией социалистов-революционеров. Весь этот период характерен тем, что местная большевистская революционная часть социал-демократической организации борется за очищение своих рядов от меньшевистской части, продолжая борьбу за очищение рабочего движения от либеральной буржуазии и партии эсеров.

Успехи в этой борьбе были значительны, поскольку местная ташкентская организация приобрела крепкие связи с рядом большевистских центров в России и закрепила крепкую связь с редакцией газеты „Вперед" и „Пролетарий".

Закончилось это движение двумя характерными моментами: первый момент произошел в мае 1905 года в Ташкенте, когда была устроена экспромтом чрезвычайно удачная массовая демонстрация во время гуляния в городском саду. Один из присутствующих здесь товарищей [1]) являлся участником и организатором ее. Вторая демонстрация в июле 1905 года прошла более организованно и проведена ташкентской социал-демократической организацией под лозунгом партии большевиков. Демонстрация прошла перед зданием городской думы, где разбирался вопрос о булыгинской думе. Рабочие поставили вопрос о допуске их на заседание в городскую думу. Когда председатель городской думы отказал, то на летучих митингах, которые прошли сплошь по Ташкенту (в районе от городской думы до вокзала), ставился вопрос определенно:

— Мы пришли плохо организованные, мы оружия не имеем. Мы сейчас уходим с этого митинга, чтобы добыть оружие и добиться своих прав с оружием в руках.

„Оружие и организация"—было и лозунгом дня. В разбрасывавшихся прокламациях говорилось: „мы сознательные рабочие г. Ташкента протестуем против булыгинского проекта государственной думы", выставлялось требование „бойкотировать думу". Сорвать эту думу можно не простым словесным рассуждением, а вооруженным восстанием". В одной из прокламаций рабочие прямо призывались к вооруженному восстанию.

В Закаспийской области события проходили таким же образом. Правда, надо оговориться, что обстановка и конкретные события были совершенно другие. Там события шли более медленным темпом, чем в Ташкенте. Освобождение из-под влияния либеральной буржуазии эсеров и меньшевиков происходило медленно. Причины, которые задержали быстрое нарастание событий, видимо, были в том, что местные ашхабадские организации потерпели поражение; арестами были задеты группы Ставровского, Егорова и других; основное ядро работников ушло в подполье.

---

[1]) Трофимов, К.

Когда проходила полоса февральских и мартовских забастовок революционное движение приняло большие размеры, особенно, в Кизил-Арвате, где летом 1906 года очень удачно воспользовались смертью Ставровского. 4 июля состоялись похороны. 8 июля проводится огромная демонстрация. По всей железной дороге в этот период была проведена огромнейшая агитационно-пропагандистская работа. Но в этот период рабочее движение не дошло до перехода на большевистскую платформу, на которую стало рабочее движение в Ташкенте.

Весь этот период, с лета 1905 года и до осени—октября—является периодом, когда в массах разбираются все основные вопросы, поставленные революцией. В этот период выпускается много листовок, проходит волна митингов, сходок по всей Средней Азии.

Осенью 1905 года в течение нескольких недель произошли частичные забастовки по всей линии, завязывающие и укрепляющие связь по всей Средней Азии. Черняевская организация посылает нескольких товарищей на заседание ташкентского комитета социал-демократической группы, где они встречаются с представителями из Перовска и Арыси. Сильна также связь Ташкента с Самаркандом.

В период октябрьской забастовки, той обособленности, которая была в различных прослойках рабочего класса, о которой я говорил, на железной дороге уже не было—она стерлась благодаря возросшей сознательности и активности рабочих. Для февральского и мартовского забастовочного движения это различие сохранялось: бастует вся молодежь, внештатные рабочие, и только в тех местах бастуют штатные рабочие, где были социал-демократические организации, как например в Кизил-Арвате, в Чарджуе, где имелась значительная масса штатных и внештатных рабочих, а также флотских во время одной из забастовок происходит следующее: нештатные рабочие бастуют, штатные протестуют, флотские рабочие хотят бастовать, но им начальство снижает на один час рабочий день и они не бастуют.

В октябрьской забастовке эта грань исчезла благодаря возросшей сознательности пролетариата и он весь пролетариат монолитной массой пошел на забастовку, и забастовка вылилась во всеобщую политическую стачку. Забастовка охватила всех рабочих железнодорожной линии, охватила рабочих местных городских предприятий, втянула служащих и особенно приказчиков, которые особенно сильно эксплоатировались (в то время для рабочих был 8-9 и 10 часовой рабочий день, приказчики работали по 16 часов). Также легко втягивалась в забастовку рабочая масса частных мастерских: швейных, сапожных, слесарных и т. д.

По Ташкентско-Оренбургской железной дороге особенно бурно проявлялось забастовочное движение.

№ 2201—10*

Октябрьская всеобщая политическая забастовка началась с 14 октября в городе Ашхабаде и длилась с перерывами до 11-12 декабря. Забастовочное движение, которое проводилось рабочими железной дороги, задерживало нормальные темпы всей хозяйственно-политической жизни края. Максимального развертывания октябрьские забастовки достигли в Ташкенте. Забастовки проходили упорно, с большим под'емом. Массовые демонстрации, митинги легализировались, собрания партийных и профессиональных организаций шли совершенно открыто и огромные массовые демонстрации проходили свободно. Демонстрации достигли своего высшего развития 18 октября, когда теперешняя улица Энгельса почти сплошь была запружена демонстрантами от сквера до тюрьмы. Демонстранты требовали освобождения политических заключенных. Только самое решительное препятствие, выставленное правительством в лице значительной вооруженной силы, заставило демонстрантов отступить. Но требование об освобождении политических заключенных продолжалось.

18 октября происходили частично стычки с представителями власти. 19 октября революционное брожение вплотную подходит к открытому вооруженному восстанию, но предательское поведение меньшевиков приводит к тому, что демонстрантов провокационным путем расстреливают. Генерал-губернатор Сахаров отдал распоряжение военному губернатору Сыр-дарьинской области Федотову 19 октября принять необходимые меры, чтобы к 20 октября демонстраций уже не было. Федотов спровоцировав толпу, расстрелял демонстрантов.

Значение демонстрации заключается в том, что 16 июля местная социал-демократическая организация готовится к вооруженному восстанию, но благодаря меньшевикам, не могла выбрать удачного случая и подойти более реально к организации вооруженного восстания. Масса же была подготовлена непрерывной агитационной кампанией к необходимости участвовать в вооруженном восстании; 18 октября демонстрация подошла вплотную к вооруженному восстанию. Но местные организации не выполнили поставленных перед ними задач и практически и технически не подготовились к восстанию. В Ташкенте уже с весны были организованы боевые дружины, представители которых сидят здесь и могут рассказать много интересного. Эти боевые дружины проделали большую работу. В период забастовок они охраняли все рабочие районы по ту сторону Воскресенского базара, где больше всего жило евреев, против которых черносотенцы готовили погром и к которому открыто призывали в своих прокламациях. Местная боевая дружина выставляла патрули; следовательно, со стороны самих масс подготовка была проведена. Но боевые дружины не были использованы для обороны и охраны демонстраций, митингов и т. д. В этом отношении оппортунисты-меньшевики в Ташкенте предали рабочую массу.

В других местах Средней Азии мы имеем почти аналогичное положение. Характерно то, что царское правительство в некоторых местах терпит эти активные выступления, не будучи уверено в войсках. Солдаты, особенно железнодорожных баталионов, в период октябрьской революции были сплошь на стороне революции. Это отмечено и в официальных сводках и в неофициальных, где фиксируется фактический переход на сторону революции солдат, особенно стрелковых частей.

В период октябрьской забастовки уже назрели потребности в новых организационных формах для массового рабочего движения. Руководящими центрами были стачечные комитеты в Ташкенте и Ашхабаде, которые назывались центральными стачечными комитетами. В период октябрьской забастовки руководил главным образом ашхабадский стачечный комитет.

В ноябрьскую забастовку положение изменилось. В Ташкенте комитету пришлось самостоятельно руководить обширным районом; сюда примыкала и Фергана, и Ташкентско-Оренбургская железная дорога. Там, где рабочих было небольшое количество, выбирались делегаты не только из рабочих, но и среди железнодорожных батальонов стрелков и всех тех, кто активно примыкал к революции. В таких местах, как Чарджуй, выбирали самостоятельный стачечный комитет.

Это была основная организационная форма, в которую вылилось массовое движение в этот период.

В период октябрьской и ноябрьской забастовок не было организации, которая называла бы себя советом рабочих депутатов. В Средней Азии совет рабочих депутатов появился в 1906-1907 году в Кизыл-Арвате. Но в период октября-ноября 1905 года стачечные комитеты, делегатские организации и центральные комитеты фактически несли выполнение функций советов.

По длительности и упорству забастовки в Средней Азии в период октября-декабря превосходили даже высокоразвитые забастовки в промышленных районах России.

Какие функции несли в период октябрьской и ноябрьской забастовок местные забастовочные комитеты? Имеется ряд документов, в которых указывается, что центральный стачечный комитет руководит по всей Средней Азии железными дорогами. Например, поезда отправлялись и приходили в момент забастовок только по особому разрешению Центрального комитета и местных делегатов. Кроме организации железнодорожного хозяйства в период забастовок для охраны имущества во всех местах выделяются дружины; войска и жандармы от этого устраняются. Кроме того, пришлось с первых же дней забастовок центральным стачечным организациям взять на себя организацию питания по всей Среднеазиатской железной дороге. Как известно, по линии Среднеазиатской железной

дороги есть места, где нет не только своих продуктов питания, но даже воды. Поэтому стачечные комитеты на протяжении октябрьских-ноябрьских забастовок ведут деятельную работу по снабжению линии продуктами и водой. Правительственная администрация в этот период организовать что-либо была уже бессильна. Наконец, когда царское правительство увидело полную развернутую картину всего движения не только в Ташкенте, но и во всей Средней Азии, оно растерялось и до разгрома московского вооруженного восстания не решалось активно выступить в борьбу с революцией. Исключение представляет прасоловское выступление.

Прекращая работу телеграфа, останавливая движение на Среднеазиатской и Ташкентско-Оренбургской дороге, пролетариат ставит целью ради успеха забастовки окончательно разомкнуть связь местных властей как между собой, так и с центром. Поэтому, пропуская необходимые поезда и случайных пассажиров, ко всем подозрительным лицам, могущим нарушить выполнение поставленных задач, применяются меры, которыми могут пользоваться только административные и судебные власти. Характеристикой общего положения царских властей и новых функций, которые комитеты и делегаты несут в интересах успешного проведения забастовки, служит рапорт командира 4-й отдельной закаспийской бригады командующему войсками округа: „телеграф и почта бездействуют, пакеты мною пересылаются с большим трудом, при чем возят их скрытно, так как железнодорожные делегаты проверяют все бумаги проезжающих. Указания о том, как действовать и чем руководствоваться в данное время, я не получал, и с 16 ноября не имею никаких сведений из бригады". Власти бездействовали не только потому, что ничего не могли предпринять, кроме как итти на компромисс с революцией от Сахарова до полицейского исключительно, но и потому, что забастовка привела их в состояние паники и растерянности. Командующий войсками делает любопытную в этом отношении пометку на приведенном рапорте: „все были в таком положении, а потому и бездействовали, пока не пришли в себя". Последнее в такой же степени относится и к самому командующему войсками.

Таким образом стачечные и забастовочные комитеты представляли собой зачатки революционной власти, с которой правительственные чиновники должны были считаться. Центральная организация, руководящая боевой политической стачкой, парализовавшая деятельность правительства, должна была перерастать формы стачечного комитета с первых же дней под'ема массового движения пролетариата, в качественно отличную, иную форму. И этот процесс тем быстрее шел, чем быстрее расширялось, чем быстрее накоплялось под влиянием и под напором массовой борьбы пролетариата количество все новых и новых функций, переходивших к центральному комитету, местным комитетам и делегатам

как-то: управление дорогой и телеграфом, охрана казенного имущества, охрана личной безопасности и жилища.

Воле центрального комитета, местных комитетов и делегатов не только подчиняются железнодорожные рабочие и служащие, но и городские.

Для расширения более тесных связей, для углубления политического самосознания пролетариата и укрепления местных организаций по Среднеазиатской и Ташкентской железной дороге курсируют так называемые делегатские поезда, иногда эффектно разукрашенные красными знаменами и лозунгами. Кроме них на всякий случай, когда нет опасности захвата со стороны правительства, держатся под парами паровозы для частных сообщений по вопросам забастовки с близ лежащим районом.

Можно привести характерную выдержку из заявления, которое подписано железнодорожными рабочими в числе 541 человека. Это заявление чрезвычайно характерно; оно показывает какую колоссальную работу нес пролетариат параллельно с борьбой, которую он вел.

„Администрация дороги нашла нужным во избежание кровопролития, голодовки на линии и растраты миллионного имущества дороги и порчи путей, войти в письменное соглашение с делегатами временного центрального комитета, совместно с которым выработано правило, как должны вести себя бастующие. Соглашение это было об'явлено по линии, и мы вполне ему подчинились, выполнив таковое без малейшего отступления, а именно: приняли на себя охрану всего имущества—грузов, зданий, сооружений дороги и отправку, установленных соглашением и назначенных заведывающим техническим движением поездов. Кроме того, в виду появившихся слухов о готовящейся в Кизил-Арвате резне на почве национальной вражды и вследствие невозможности принять меры со стороны администрации, нами была установлена самая строгая охрана города, что могут подтвердить заведывающий полицейской частью, капитан Мельников и командующий первым железнодорожным баталионом, полковник Актисин. Таким образом, за все время забастовки нам пришлось нести обязанности более трудные, чем в рабочее время, а многие из нас вынуждены были по несколько суток находиться без достаточного отдыха и сна; администрация же дороги никаких обязанностей ни общественных, ни служебных не несла".

И, наконец, доказательством повсеместного перерастания стачечных комитетов и делегатских организаций в зачаточную форму новой революционной власти служит деятельность так называемого Перовского революционного комитета, фактически распоряжавшегося по всей линии Ташкентско-Оренбургской железной дороги, почти от Актюбинска до Арыси. Наиболее подробную характеристику Перовскому революционному комитету дал жандармский рот-

мистр Шлихтинг, из которой наглядно можно уяснить его социально-политическое значение в революции.

„Перовский революционно-забастовочный комитет был совершенно самостоятельный и действовал солидарно с другими комитетами“. Перовский революционный комитет не представлял органа какого-либо сообщества, а был самостоятельный“. „Комитет собирался и решал вопрос о митингах, забастовках, устройствах продовольствия и помощи тем рабочим, которые нуждались и могли, вследствие нужды, изменить свой взгляд на упорную забастовку“. „Комитет решил вопросы по эксплоатации и передвижению поездов, устраивал делегатские поезда“.

„Перовский революционно-забастовочный комитет ставил своей задачей не заведывание отдельной какой-либо отраслью революционного движения, но об'единял все вопросы: заведывал созданием и руководством забастовок, ведением забастовок, стремился создать, возможно, упорные забастовки, устраивал митинги и заседания, на которых постоянно присутствовали члены революционного Перовского комитета, укрывал и покровительствовал ораторам, которые ездили по линии, каковыми были: Махарадзе, Табацкий, Гуриновичч, призывающие к вооруженному восстанию, а также Абошидзе, Николай Богданов“...

Там же находим, что бывали случаи, когда требовалось каким-либо образом реагировать на неблаговидные поступки товарищей. Для этого в Перовске специально судили. Так машиниста Васейко приговорили к смертой казни за избиение одного из самых горячих социал-демократических агитаторов—Табацкого, но казнь была заменена бойкотом. По словам свидетеля Соловьева „устраивалось нечто вроде суда над служащими, которые по мнению рабочих поступали несправедливо. Так между прочим был такой суд над дорожным мастером за то, что он представил к увольнению старшего рабочего“.

Элементы „временного революционного правительства“, которые тогда зарождались, получают в некоторых местах реальную опору в лице „зарождающейся революционной армии“. Об'единение революционного рабочего с солдатами, организация совместного комитета давало возможность еще больше расширить сферу деятельности, как например, в Черняево, где вся общественно-хозяйственная жизнь была взята под контроль и проводилась охрана всей окружающей местности патрулями так как были опасения, что против них будут высланы войска.

Как менялась обстановка, как менялись формы и значение местных советов с переходом армии на сторону революции, как перерастали революционные организации из стачечных комитетов, из солдатских и партийных комитетов в зачаточные органы временного революционного правительства,—показывает пример Мерва, который отнюдь не был единственным и не из ряда выходящим.

Начальник мервского гарнизона в докладе исполняющему должность Туркестанского генерал-губернатора генералу Сахарову вынужден был признаться в полной потере авторитета, в полном бессилии старой власти перед новой. В этом докладе от 28 ноября 1905 года он писал: „Но не могу, конечно, отрицать, что факт забастовки железнодорожной роты, не произвел известного впечатления на умы солдат гарнизона, тем более, что местный комитет делегатов, опираясь как бы на вооруженные силы, стал играть роль какого-то временного правительства, приобретавшего все больший и больший авторитет. Так 22 ноября мне стало известно, что нижний чин железнодорожной роты, арестованный офицером за дерзкое поведение на улице и бежавший с извозчика, на котором его вез этот офицер на гауптвахту, обратился непосредственно к комитету с просьбой о защите его, при чем вопрос этот серьезно там обсуждался“. Такое развертывание упорной массовой революционной борьбы пролетариата привело к тому, что в конце ноября, примерно с двадцатых чисел, и до 9—15 декабря местная власть совершенно была отрезана от центра. Сведения к генерал-губернатору о событиях в центре поступали иногда через Мешед, Турцию или Персию. В пределах Средней Азии генерал-губернатор не знал, что делается в других местах, также на местах не знали, что делается в Ташкенте.

События назревали. Первым ярким выступлением против революции было выступление коменданта крепос. Кушка-Прасолова. Поэтому к „прасоловскому походу“ нельзя относиться, как к „пьяной шуточке“, как к выступлению „Дон-Кихота“. Прасоловский поход являлся одним из характерных эпизодов в Средней Азии, а для всей царской России послужил как бы сигналом перехода правительства в наступление. Интересно вспомнить, что Прасолов, выступив против революции, назвал свой поход „крестовым походом“. Прасоловский поход является первой попыткой порвать то кольцо, ту действительную цепь, которая зажала в своих тисках весь царский аппарат в Средней Азии. Прасолов действовал по распоряжению Сахарова, хотя потом Сахаров от него открещивался. В личной телеграмме Прасолову Николай II дал полное разрешение беспощадно расправиться с руководителями революции. Когда выступление Прасолова приняло угрожающий характер карательной экспедиции, петербургский совет рабочих депутатов в упор поставил вопрос царскому правительству об отмене казни ряду лиц, которых прасоловский суд приговорил к смерти. Активное и прямое вмешательство пролетариата всего Союза заставило еще раз отступить царское правительство, и жизнь кушкинских товарищей была спа-

сена. Только после того, как Прасолова серьезно „вогнали в его берлогу“, когда царское правительство должно было проиграть на кушкинском деле, тогда можно было обявить, что Прасолов „зарвался“.

Сейчас я перейду к другому вопросу—это к вопросу о характере деятельности партии эсеров. Во весь период, который мы рассмотрели, главную роль в революции играли местные социал-демократические организации большевиков и меньшевиков. Местные эсеровские организации принимали участие в этом движении, но только постольку, поскольку их включали местные меньшевистские организации. Все лозунги были лозунгами социал-демократическими или большевистскими, или меньшевистскими, а в некоторых случаях была помесь, потому что выдержанных организацией здесь не было. В 1906 году появляется вновь масса прокламаций смешанных социал-демократических и эсеровских организаций. На прокламациях вверху например, иногда написано „пролетарии всех стран соединяйтесь“, а внизу „в борьбе обретешь ты право свое“, или наоборот. Но борьба с партией эсеров в это время еще не велась, так как партия эсеров активного участия в революции, как партия самостоятельная, не принимала. Партия эсеров становится деятельной только с осени 1906 года, когда начался разгром социал-демократических организаций. Та масса рабочего класса, которая находилась на **особенно привилегированном** положении, была неудовлетворена кропотливой подпольной работой, где вновь надо было восстанавливать и создавать рабочие организации. И эта масса от движения начала отходить. Но еще весь 1906 год проходит под непосредственным основным руководством местных социал-демократических организаций. Характерной для этого периода является целая серия солдатских восстаний. Я не считаю, что восстание в Ташкентской крепости было подготовлено партией эсеров, хотя последние и спровоцировали преждевременное выступление. Давать ему оценку не буду. Оно стоит несколько обособленно от массовых солдатских восстаний. Все восстания в период 1906 года, в том числе и восстание в Ташкенте прошли, если не под непосредственным руководством социал-демократов, то все же они проходили под их влиянием.

В Красноводске восстание проходило под руководством социал-демократической организации, по Ашхабаду в течение нескольких дней движением целиком руководили штатские социал-демократы, из которых многие примыкали к партии большевиков, и все движение прошло под большевистским влиянием. Главнейшие восстания солдат прошли целиком и полностью под руководством социал-демократов и всеми крупными военными организациями руководили также они. Так длилось до осени 1906 года, когда ряд солдатских восстаний потерпел поражение и социал-демократические организации были разгромлены и связи между ними по-

теряны: с Чарджуем, который имел опытную организацию, такое же положение с Ферганой, Кизил-Арватом, Красноводском. Осенью август, сентябрь, октябрь—буквально все связи, организационные формы, которые были налажены—взорваны. С'езд всех Среднеазиатских железных дорог, от Красноводска до Оренбурга, который проходил летом 1906 года, целиком и полностью руководился местными ташкентскими социал-демократами, многие резолюции его соответствовали основным лозунгам, выставляемым большевиками или же достаточно приближались к ним.

После этого, осенью 1906 года идет широкое наступление партии эсеров на эсдековские организации, начиная с Закаспийской области. В октябре прошла конференция союза железнодорожного движения. Основной линией конференции было вытравливание эсдеков из рабочих организаций.

В 1906—1907 годах центр деятельности эсеры перевели на экспроприацию и на террор и массовое рабочее движение и солдатское, использовали тоже в этих целях.

Рост влияния партии эсеров шел параллельно наступлению царского правительства на социал-демократические организации. Если меньшевики не вели борьбы с партий эсеров, то эсеры дали хороший урок среднеазиатским оппортунистам вместе с царским правительством, разгромив и социал-демократические,и рабочие, и солдатские организации.

Террористическая деятельность партии социал-революционеров развертывалась в процессе роста влияния этой партии и, когда террор и экспроприация достигли высокого развития, к этому времени рабочие и солдатские организации были в основном разрушены.

Когда началась подтотовка к вооруженному восстанию, вопрос о целях его был поставлен эсерами шиворот навыворот. Если эсдеки смотрели на вооруженное восстание, как на средство свержения самодержавия, то эсеры (на с'езде 1907 года), считали его лишь как средством давления на царскую власть. Эсеры, выступая с „левыми“ фразами, на деле проводили обычную правую меньшевистскую линию; это была обычная картина для всей Средней Азии.

Только в 1907—1908 году ряд организаций переходят в руки эсеров, но эсеры ту роль, которую им приписывают в солдатском и массовом рабочем движении, не играли. Под их руководством в Средней Азии не прошло ни одного крупного ни рабочего, ни солдатского восстания.

Перейду теперь прямо к вопросу о национальном движении. В период революции 1905 года произошли очень небольшие случаи активных выступлений местных интеллигентов, дехкан, рабочих и буржуазии. Отдельных эпизодов произошло много, но они не дают основания говорить о развертывании массового движения среди пролетариата и крестьянства местных национальностей. Мы

знаем, что целая серия товарищей узбеков входила в местные социал-демократические организации; среди них была даже одна узбечка. В стачечном движении принимали участие и рабочие местных национальностей: персы, афганцы, узбеки, туркмены; но они были простыми рядовыми участниками.

Мы знаем, что во время стачек бывали недовольства на национальной почве. Мы знаем такие случаи, когда русские отдельные рабочие об'являли забастовку с требованием об увольнении местных рабочих.

В период революции 1905 года происходит ряд собраний, которые организуются в Семиречье среди казаков и киргиз, особенно, связанных с Тургаем. Мы имеем также провокационные собрания, организованные Шкапским, Румой и другими эсерами, среди киргиз, с целью вызвать карательную политику против местной интеллигенции. В конце 1905 года в Фергане, в Андижане и в Коканде, в аулах Туркмении, в семиречье проходит целый ряд совещаний, которые выливаются в петиционную кампанию. Это захватило интеллигенцию, но далеко не всю. Но самостоятельных массовых выступлений в этот период не происходило. Со стороны дехканской массы в ряде мест частично происходят отказы платить подати и прочие повинности. в Этот о п р о с к р а й н е в а ж н ы й н о, к с о ж а л е н и ю, н е т д о с т а т о ч н о г о к о л и ч е с т в а д о к у м е н т а л ь н о г о м а т е р и а л а д л я т о г о, ч т о б ы с у д и т ь н а с к о л ь к о д а л е к о з а ш л о б р о ж е н и е с р е д и д е х к а н с к о - с к о т о в о д ч е с к о й м а с с ы. Я прочту выдержки из работ комиссии по организации контрразведки в Средней Азии. Вот к каким результатам пришла эта организация, куда были привлечены для работы и редакционные, и научные работники.

Отмечу еще характерный момент—это организация партии „младо-сартов“. Трудно сказать, в каком именно году—в 1905, 1906 или 1907 организовалась эта партия, но несомненно, что основы ее были заложены под влиянием революции в период 1905-1908 годов.

Революционное движение центра оказывало большое влияние на местное национальное движение. Но еще больше влияние оказывал среднеазиатский европейский пролетариат своей борьбой. Однако идеологическое оформление местное национально-освободительное движение получило от той политической агитации и пропаганды, которые, прошли Среднюю Азию вместе с ее носителями, из стран Востока как, например, из Тургайской области, откуда оно и было занесено в Казакские степи.

Это было течение, шедшее с запада от татар—оформившее в Средней Азии джадидизм,—с юго-запада—через Каспий, с юга—из Персии и частично из Турции и с юго-востока—из Индии. Так что среднеазиатское национально-освободительное движение развивалось, впитывая в себя опыт революционного движения многих стран.

Что касается джадидизма, появившегося в Средней Азии одновременно с революцией 1905 года—говорить о нем, как об определенном революционном течении, мы не можем. Носителями его были не местные жители, а почти исключительно татары.

Являясь долгое время наносным течением, джидидизм развивался чрезвычайно медленно. В начале группа джадидской интеллигенции взялась за активную политическую пропаганду, настолько значительную что первый с'езд железнодорожников приветствовал выпускаемый ими журнал „Терраки" деятельно агитировавший против правительства. Но к 1907-1908 году революционная часть джадидизма уж прекратила свое существование. Осталось простое культурничество, элементарная культурническая работа, которая об'ективно быть может, и имела политическое значение, но суб'ективно политического характера не носила. В целом надо признать, что движение джадидизма политически было крайне аморфно.

Однако наши сведения о джадидизме далеко недостаточны, поэтому наиболее существенной проблемой я считаю дальнейшее исследование тех метариалов, которые, наверное имеются в степях и кишлаках, материалов о той пропаганде, о тех организациях, которые возникали в отдельных аулах, областях, особенно в среде кочевого населения.

Последний вопрос, на котором я хочу остановиться,—это по существу продолжение того, о чем я говорил—вопрос о борьбе царского правительства с революцией. Главною заботою царского правительства, ведшего борьбу с революционным европейским пролетариатом, было—изолировать местное население в революции 1905 года.

Царская администрация в Средней Азии и царское правительство в Петербурге, когда вопрос касался массового революционного движения, говорили—„а что будет с местными жителями".

До революции 1905 года военный губернатор Сыр-дарьинской области писал туркестанскому генерал-губернатору Тевяшеву „что с усилением высылки в область лиц, признанных виновными в государственных выступлениях, для коих масса невежественного, туземного населения может предоставить готовое поприще для антигосударственной агитации..." (подчеркнуто мной).

Центральные царские власти в период революции 1905 года в Средней Азии опасаются возможных волнений среди местных жителей. Граф Витте писал Сахарову 25 декабря 1905 года, что если не подавить самым решительным образом борьбу европейского пролетариата, то „мы потеряем всякий престиж среди туземного населения, и подготовим восстание".

Это же самое подчеркивается еще раз и департаментом полиции через год, 31 декабря 1906 года: „Борьба с противоправительственной агитацией в названном крае представляется особенно важною, как в целях искоренения вообще одного из очагов крамолы, так в частности и для укрепления авторитета русской власти в наших среднеазиатских владениях".

Туркестанский генерал-губернатор Гродеков, анализируя положение Туркестана во время революции 1905 года, пришел к следующему заключению: „как только туземное население *(в особенности кочевое)* (—в тексте зачеркнуто. Г. Б.) реально почувствует ослабление русской власти, оно несомненно без всякой связи с целями революционных партий воспользуется случаем для того, чтобы проявить те стремления к широкому разбойничеству (бандитству), которые в настоящее время можно считать вполне подавленными, но лишь до того момента, пока слабость русской власти в чем-нибудь не обнаружится". (Подчеркнуто мной)

С первого открытого выступления пролетариата в революции 1905 года (и до 1917 года) царизм прямолинейно направлял свои действия на изоляцию европейского революционного движения от национально-освободительного. Между тем как победоносна'я национально-освободительная, буржуазно-демократическая революция и пролетарская революция в среднеазиатской колонии могли быть доведены до конца при условии, когда борьба пролетариата и местного крестьянства прошла бы в тесном союзе совсем европейским пролетариатом и крестьянством и только этот союз действительно мог бы обеспечить окончательную победу в местных, исторически определившихся условиях.

Опыт 1905 и 1916 года показал, что борьба пролетариата и дехканско-скотоводческой массы, проходя изолированно друг от друга и от центрального революционного движения для царизма не страшна и не опасна. В 1905 году среднеазиатский пролетариат получил поражение не только потому, что революция была раздавлена в центре, но и потому, что его не поддержали дехкане и скотоводы; в 1916 году дехканско-скотоводческое революционное движёние было разгромлено и потерпело тягчайшее поражение не только потому, что пролетариат Средней Азии не смог его поддержать, но и потому, что в центре не развернулась еще победоносная революция.

Царская администрация в крае иногда заигрывала с революцией, что об'ясняется двумя вещами: страхом перед мощным рабочим движением и перед дехканско-скотоводческой массой, могущей примкнуть к рабочему классу и под его руководством довести революцию до победоносного конца. Царское правительство

не оставило этой политики вплоть до февральско-мартовской революции 1917 года. В 1916 году во время восстания местных жителей происходили брожения среди европейского железнодорожного пролетариата, которое правительство всеми мерами, идя на любые уступки, приглушило, не давая вылиться в открытые волнения. Если в 1905 году правительство шло на любые уступки пролетариату до тех пор, пока боялось выступления дехканско-скотоводческой массы, которая в тех условиях могла решить на ближайшее время судьбу революции в Средней Азии, то в 1916 году главная задача заключалась в нейтрализации европейского пролетариата; и только затем, когда национально-освободительная революция была подавлена, можно было перейти к удушению рабочего движения. Поэтому-то генерал-губернатор Куропаткин 29 августа 1916 года предлагал начальнику Среднеазиатской железной дороги: „принять все зависящие меры к мирному улаживанию данного дела (волнение рабочих - Г. Б.) в виду того, что в переживаемое ныне время, обострение отношений с рабочими крайне нежелательно".

Угроза союза дехканско-скотоводческой массы с рабочей массой и со всем революционным движением центра была страшней открытой вооруженной борьбы с одним их этих классов, порукой; к этому был для царизма 1905 год, когда пролетариат выступал изолированно, а также 1916 год, когда дехканско-скотоводческая масса, не будучи поддержана пролетариатом и революцией в центре, была подавлена. **Но именно этот опыт, вышедший из горнила революции, определил тот мощный союз, который смог в Средней Азии завершить буржуазно-демократическую, национально-освободительную, колониальную революцию под руководством пролетариата и нашей большевистской партии и привести к строительству социализма.**

Таким образом, опыт революции 1905 года и восстания 1916 года не пропал бесследно для Средней Азии и был использован Октябрьской революцией 1917 года.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

Тов. Трофимов

— Я совершенно не подготовлен к выступлению. Со своими воспоминаниями может быть, выступит Коледзян. Касаясь доклада, я должен подтвердить, что рабочая масса была подготовлена и организованность рабочего населения города опровергает то, что как будто здесь не было революции, а были только отголоски центра. Это неверно, но товарищ докладчик упустил один момент, что когда подошли освобождать тюрьму, то участвовали воинские силы, преградившие нам дорогу к тюрьме. Они преградили дорогу и социал-демократы охрипли, уговаривая публику разойтись, а то было бы кровопролитие. Народ шел к тюрьме, хотели освободить политзаключенных и никто не хотел разойтись. Все видные рабочие говорили о том, чтобы разойтись, что мы не подготовлены, прольем

много крови, пострадаем зря. Мы отступили у первой аптеки. Раздавались голоса наших товарищей: „товарищи, не жалейте, что мы ушли, мы соберемся еще раз с бомбами, вооруженными“.

Дальше, тов. Береснев говорил о железнодорожном союзе. Я должен сказать, что железнодорожный союз играл здесь доминирующую роль, с присоединением главных мастерских. Все организации, главным образом городские, считались с решениями, что может выполнить узловой комитет. В железнодорожный союз, как правильно отметил докладчик, входили большинство социал-демократов, и через железнодорожный союз вели политику, как в самом гор. Ташкенте, так и Красноводске, и Фергане. Еще докладчик не упомянул, это было позднее, что к нам приезжали делегаты из Актюбинска. Следовательно, повторяю, что железнодорожный союз играл большую роль, и стачечный комитет был правильно обрисован.

Тов. Прохоров

— Товарищ докладчик сказал все как будто бы правильно, только упустил одно, что в 1906 году осенью были разбиты социал-демократы и была порвана связь по Среднеазиатской линии, по Кизил-Арвату—это неправильно. Провал был, но не везде. Когда я приехал, правда, организации были разбиты, но начали оформляться и к осени были крепки. В июле 1906 года организовался узловой комитет. В 1907 году узловой комитет состоял исключительно из рабочих, но были представители и из социал-демократов и эсеровской организации с правом совещательного голоса. Когда получился разгром эсдековский и эсеровский—правильно, они не могли привлечь всей рабочей массы, так как в мастерских были преимущественно эсдеки, которые и вели работу среди рабочего класса. Железнодорожный союз также был под руководством социал-демократов, но, тов. Береснев говоря, что эсеры в 1907 году завладели всеми организациями,—не прав. Дело в том, что эсдековские организации в 1907 году посылали по линии железных дорог своих делегатов вплоть до Самары. Но тогда мы на узловом комитете железнодорожного союза постановили, совместно с эсеровской организацией, что мы будем посылать делегатов только в целях железнодорожного союза.

Тов. Парфенов

— Я полагаю, что в общем установки тов. Береснева правильны. Центр революционного движения, так сказать, квинт-эссенция его, был железнодорожный союз, за овладение которого партии боролись. Ко второй половине 1906 года этот центр, состоявший фактически из беспартийных, безусловно, находился под большим влиянием социал-демократии. Это влияние продолжалось вплоть до большого разгрома социал-демократической партии. В 1906 году этот разгром был не окончательным. Тов. Прохоров немного увлекается, говоря, что разгром был полный; люди остались и принимали участие вплоть до 1908 года в подполье; при чем они применяли до некоторой степени и террористические методы. Но в 1906 году, с приездом сюда из Оренбурга эсера Ососкова, партия эсеров начала развиваться и, так сказать, постепенно стала захватывать в свои руки власть. Сколько мне помнится, вследствие разгрома социал-демократической партии, здесь не было сильных работников, которые могли бы

противостоять не столько идеологии, сколько личностям эсеров, в частности личности Ососкова, который был чрезвычайно интересной личностью, как бы веянием времени. Деятельность эсеров в конце концов сводилась к террористическим актам, главным образом, к экспроприации. Так продолжалось вплоть до 1908 года. В 1908 году я был арестован. До этого времени в этой беспартийной организации, каким являлся союз железнодорожников, власть была эсеров, до разгрома эсеровской организации.

Здесь товарищ упустил довольно интересный момент—развитие профессионального движения среди рабочих. Я приехал в 1907 году. В то время здесь был крупный профессиональный союз шапошников. Я состоял в профессиональном союзе печатников и по поручению месткома нес определенные функции, по организации боевых дружин. Тогда еще из союза шапошниц участвовала Наталия Иванова, Воронцов и другие. Оба эти профсоюза определенно ставили вопрос о работе в области вооруженной организации рабочих масс, о вооруженном восстании. В докладе тов. Береснев это упустил, возможно потому, что не было беседы по этому вопросу, хотя он часто приходил ко мне, но этого вопроса не задевал.

Еще мне хотелось отметить один момент. Когда я приехал в 1907 году, большое влияние социал-революционеров распространялось по железной дороге. и был совершен террористический акт—убит начальник, но возможно это сделали ради мести.

На этот момент тов. Береснев не указывает, он его упустил из вида. Городской пролетариат Ташкента также принимал горячее участие в области профессиональных организаций, строил свои профорганизации именно большевистского типа, то-есть профсоюзы, которые ставили политическую платформу.

Необходимо отметить женское революционное участие ташкентского пролетариата, ташкентских работниц, как например, беспартийной организации „Красный крест“[1]), где революционную деятельность главным образом проявляли местные женщины. „Красный крест“ в большинстве своем был женской организацией, им удобно было ходить на свидания, делать сборы.

Красный крест являлся беспартийной организацией и в нем большинство было социал-демократов. Все-таки во всех организациях преобладали социал-демократы, они были в то время доминирующими.

Тов. Милоградов

— Товарищи, 1905 год меня застал на военной службе. Я был солдатом первого запасного железнодорожного баталиона, в то время обслуживающего Среднеазиатские железные дороги. Так как частных лиц не хватало, были созданы железнодорожные баталионы первый и второй, которые и обслуживали железную дорогу. Я был солдатом и в то же время был помощником начальника станции Иолотань, где находился наш запасный баталион. Забастовочное движение, захватившее железнодорожных служащих, было сначала чисто экономического характера, и только впоследствии приняло уже политический характер. Наш

[1]) „Красный крест“ об‘единял все партии, членам которых оказывалась помощь после ареста в тюрьме, на каторге и т. д.

баталион—как передовые части, так и сборные не могли пройти мимо этого движения, и в большей своей части примкнули к забастовочному движению. Когда был призыв к забастовке, то войско присоединилось, и первой откликнулась наша четвертая железнодорожная рота, находившаяся при баталионе в Кизил-Арвате. Когда они присоединились к движению, были выбраны депутаты и от них поступила телеграмма по другим ротам, так как роты нашего баталиона были разбросаны по городам и местечкам: и в Красноводске, и на Кушке, и в Иолотани и в Каахка. Телеграммы поступали по всем местечкам, где находились роты. Я не могу сказать, как эти телеграммы доставлялись другим ротам, но поскольку в Иолотани я работал в качестве помощника начальника станции и помошника телеграфиста, я принял эти телеграммы, отправился в шестую роту, чтобы об'явить ее и призвать к забастовочному движению. Я пришел в роту, собрал ротное собрание, прочитал телеграмму, после чего были выбраны депутаты. Я, Орехов и третий—фамилии не помню—из западной губернии—выбрали депутатов, дали телеграмму ашхабадскому забастовочному комитету и по ротам, что шестая рота присоединяется к забастовке и исполняет распоряжения только центрального забастовочного комитета Ашхабада. После этого все телеграммы, которые поступали как от ЦК, так и от других забастовочных комитетов, получались на станции, поступали в роту и обсуждались. Когда было первое собрание и в роте был избран депутат, то об этом донесли ротному командиру. Ротный командир, конечно, немедленно явился со своим помошником. Меня сейчас же позвали в канцелярию, и ротный командир закричал, что „на каком основании ты, Милоградов, хочешь командовать ротой, я тебя арестую и отправлю из роты". Я спокойно ответил, что поскольку я являюсь депутатом роты, выбранным, вы меня арестовать не можете, а если попробуете, то будет плохо. В то время, когда забастовочное движение было уже в крупном размере, командный состав потерял свою силу, растерялся. Командир роты не мог препятствовать, и мы спокойно работали. По всем обсуждавшимся телеграммам мы выносили постановления и давали телеграммы по другим забастовочным комитетам. Но поступает телеграмма со ст. Комарова, так называемого раньше Кала-и-Мор, что генерал Прасолов арестовал инженера Симонова и техника Морозова, выстроил эшафот и готовится их повесить; крепость об'явлена на осадном положении. Эта телеграмма обсуждалась в центральном забастовочном комитете и с протоколом комитета поступил протест из Петербурга, откуда было требование арест с техника Морозова снять и об'яснить, на каком основании крепость Кушка об'явлена на осадном положении. На эту телеграмму генерал Прасолов ответил буквально такими словами: „Пресвятая богородица и царица наша небесная, да поможет разогнать крамолу, за царя и матушку царицу", и дальше в таком же роде. Но поступила опять телеграмма от военного министра Левьера о прекращении казни. Казнь не состоялась, но Прасолов на этом не унялся и опять начал создавать карательный отряд, чтобы ехать к Мерву. Я узнал, когда он едет—он ехал тайком, но я все-таки узнал, когда поезд подходил к Сары-Язы (это вторая станция от Иолотани) и с этими сведениями я отправился в роту. Собираю ротное собрание и об'являю, что едет генерал Прасолов с карательным отрядом, а так как наша часть являлась враждебной карательному отряду, то мы решили принять меры, что и обсуж-

дали на собрании. Я предлагал сделать так: поскольку инициатива у нас в руках, давайте спустим под откос этот состав и в то же время расстреляем; они будут находиться врасплохе, победа будет наша. Я срочно дал телеграмму в центральный забастовочный комитет в Ашхабаде, как они будут реагировать, но ЦК дал сейчас же ответ, чтобы к вооруженной силе не прибегать. Получив такую телеграмму, пришлось отнестись пассивно к движению—Прасолов пусть едет дальше без препятствия. Обсудили вопрос, нужно было оставаться на местах. Я отправился на станцию для исполнения своих обязанностей, но в виду того, что начальник станции в это время был болен, а может быть и нет, но об'явил себя больным, он передал мне станцию, следовательно, я являлся и начальником станции, и депутатом, и всем. Приезжает карательный отряд. Спрашивают—„кто начальник станции?" я говорю—„его нет".—„Где заместитель"?—„Я, как дежурный по станции и телеграфист". Мне говорят—„вы телеграфистом не будете", поставили часового, поставили караул, сделали обыск у всех служащих. У начальника станции взяли револьвер и затем потребовали Бисерова, командира роты, на станцию. Бисеров явился не скоро. Прасолов потребовал, чтобы он дал продовольствие для отряда, но Бисеров, может быть он симпатизировал движению, отказал, говоря, что продовольствие есть только для своей роты и помещений также нет. Прасолов, видя такой недружелюбный прием, начал кричать, что я вас арестую, снимите шапку и т. д. Бисеров говорит—это дело ваше. Карательный отряд отправился к Мерву, там не больше 5 верст до Мерва, они спешились и пошли к Мерву в пешем порядке. станцию Мерв заняли, придя пешим порядком. Были слухи, я лично не был там, но говорили, что кто-то из рабочих стрелял в Прасолова, но промахнулся. Он по пути всех делегатов от железнодорожных служащих арестовывал и препровождал в Кушку. Следование его продолжалось к Чарджую и всех он забирал и отправлял в Кушку. Затем их пришлось ему освободить, но его выступление послужило примером другим. Из Ашхабада выступил с карательным отрядом генерал Субботич и отсюда генерал Лиенталь, и они задушили забастовочное движение на Средне-азиатской железной дороге. Потом его надо было восстанавливать.

Вот краткая история выступления шестой роты нашего железнодорожного баталиона.

Тов. Яроцкий

— Я считаю, что тов. Бересневым проделана большая и очень ценная работа. Ценность этой работы заключается в том, что т. Береснев внимательно собрал и проработал много исторических фактов, до сих пор скрывавшихся в недрах архива и недоступных рядовому читателю.

Однако, задача историка заключается не только в том, что бы подобрать материал. Это одна из стадий работы историка-исследователя, стадия первоначальная, за которой немедленно должен следовать второй этап исторического исследования,—этап обобщения. А самый подбор материалов и отдельных фактов из той группы материалов, с которой сталкивается исследователь, определяется той концепцией, с которой исследователь подходит к ним—рабочей гипотезой.

Однако, тот доклад, который мы здесь заслушали, страдает, если не отсутствием рабочей гипотезы, с которой начата работа, то полным исчезновением ее при проработке. Я обращаю внимание на разительное противоречие между кон-

№ 2201 11*

цепцией т. Береснева и основными установками его доклада. Он подошел к революции 1905 года в Средней Азии не как к событиям, являющимся простым отголоском событий Москвы, Петрограда и т. д. в 1905 году, а как к историческому событию, которое было предопределено не только общим российским ходом классовой борьбы в эпоху, когда перед нами встала огромная задача свержения самодержавия, но и местными условиями.

Я позволю себе напомнить точные слова т. Береснева. Он говорил, что революция 1905 года—не отголосок российских событий, а продукт среднеазиатских условий. Я не буду устанавливать точность или неточность формулировки, данной им, хотя мне кажется, что в этой формулировке, не учтены некоторые противоречия, которые в Средней Азии зарождаются при наличии огромного количества отдельных национальностей, при наличии ярко выразившегося влияния торгового капитала. Кстати, надо отметить приведенный тов. Юсуповым в сжатой форме очень ценный материал по вопросу о роли ростовщического капитала. Налицо имелись, конечно, и в Средней Азии те основные противоречия, которые были движущей силой революции 1905 года. Эти основные противоречия, между ростом производительных сил и той оболочкой производственных отношений, которая сохранилась в форме самодержавного строя и огромного количества феодальных и полуфеодальных пережитков и противоречий—сказывались не только в районах метрополии, но и в Туркестане.

Однако, не считать эти противоречия главнейшим толчком к революционному взрыву, в такой же мере, как и местные специфические проявления борьбы классов и классовых противоречий было бы неправильно, в формулировке же тов. Береснева—допускаю, что это формулировка недостаточно продумана,—чувствуется противопоставление местных условий общим причинам революции 1905 года.

Впрочем, как я сказал выше, я хочу обратить ваше внимание не на это расхождение, а на другое—„Революция 1905 г. не отголосок, а продукт местных условий". Если это верно, то тогда как понять весь доклад тов. Береснева? По докладу тов. Береснева следует, что революция в Средней Азии протекала только, как революционные действия выходцев из российской империи: с одной стороны, рабочих железной дороги, по преимуществу, а с другой стороны революционных партий, главным оброзом социал-демократов, которые состояли сплошь—вы обратите внимание,—из сосланных сюда людей, или же приезжих, потому что здесь имелась некоторая возможность развернуть свою работу. Если вы посмотрите на фамилии товарищей, которые работали до революции 1905 года и которые были упомянуты в докладе тов. Береснева, выходит, что местные проявления классовых противоречий на ход революции 1905 года не влияли. Где же тот характер революции национально-освободительный, о котором говорил тов. Гиясов, где же здесь специфические местные условия, которые порождали революцию 1905 года в Средней Азии?

Вот эти то основные противоречия в докладе тов. Береснева и заставляют нас обратиться к анализу той схемы, с которой он подходил к исследованию архивных материалов.

И когда мы на основе всего прослушанного пытаемся себе ее представить-нам становится ясно, что он создает сам такую схему, которая пригодна в одинаковой мере для любого района Российской империи в 1905 году.

Штампованная схема, которая выкидывает за борт именно специфические условия развития исторических событий в Средней Азии! Мы видим у него, что основная, главнейшая, руководящая движущая сила—пролетариат. Это—правильно. Но тов. Береснев не задумался над тем, какой пролетариат участвует в революции и один ли он играет историческую роль в событиях 1905 года. Передо, мной факты такого характера: в 1894 г. под влиянием тех факторов, о которых говорил т. Юсупов, главным образом, под влиянием своеобразного для Средней Азии чрезвычайно интересного сращивания торгового и ростовщического капитала с промышленностью, его трансформации в промышленный капитал создается национальная буржуазия. Какую роль играет она? Не имеют ли значения ее выступление в классовой борьбе в Средней Азии в такой же, или примерно такой же мере, как в Индии, Китае, где превращение коренного ростовщического капитала в промышленный капитал на известном этапе ведет за собой возникновение противоречий, классовую борьбу между коренной и империалистической буржуазией. Мы иначе не получаем верного представления об одном этапе борьбы, значение которого, конечно, немаловажно. Вот почему наша марксистско-ленинская установка, требующая выявления роли национальной буржуазии в полуколониальных и колониальных странах, должна была бы быть учтена тов. Бересневым. Если мы не учтем борьбы классов, не будем рассматривать события под углом зрения противоречий между национальной и империалистической буржуазией, мы не создадим правильной схемы революции 1905 года Средней Азии. Равным образом будет большой ошибкой недоучет классовых противоречий между крестьянством и остатками пережитков феодализма. Между тем, если вы подойдете к вопросу с вашей схемой, то в вашей схеме эти моменты не уложатся. Ваше внимание, как исследователя, проходит мимо фактов, характеризующих весь комплекс классовых противоречий. Недаром т. Юсупов сетовал, что еще год тому назад, он вам указывал на необходимость анализа развития ростовщического капитала в Средней Азии в период подготовки революции 1905 года и в последующий период для того, чтобы выявить одну из многих граней, в которых отражается революция 1905 года в Средней Азии, но вы этого не сделали. В самом деле, в вашем докладе и намека на этот анализ не было

Вы жаловались, что мало времени, и охватить всего нельзя. Отчасти это верно. Но если вы подходите с определенной схемой к материалу, в пределах этой схемы вы всегда уложите соответствующий материал. Однако, есть такой закон исторического мышления, который гласит, что когда исследователь создает определенную схему, то все, что не укладыватся в эту схему, будет лишним и будет выброшено за борт, как лишнее. В два с половиной часа можно было бы уложит в надлежаще построенную схему все то, что здесь выше было упомянуто. Если же вы не затронули ряда вопросов, то только потому, что рамки вашей схемы не давали места соответствующим материалам. Ваша схема революции 1905 года была построена на положении, что эта революция была пролетарской по формам борьбы и руководящей в ней роли пролетариата и буржуазной только по своему содержанию. Эта схема правильна для всей

революции 1905 года. Но ведь она требует дополнения конкретным материалом Средней Азии. Когда Ленин давал определение революции 1905 года, он не хотел сказать, что на всей территории Российской империи содержание революции 1905 года наполнялось обязательно одинаковым материалом, что не имелось специфических особенностей в отдельных районах. Это была буржуазнодемократическая по содержанию, пролетарская по формам и по руководящей роли рабочего класса революция для всей территории России. Но, например, в Вятской или Полтавской губ. она протекала иначе, чем в Московской или Петербургской. Вот этой по специфичности хода революции в Средней Азии тов. Береснев и не дал нам.

Правда, тов. Береснев обратил внимание но роль социал-демократов и выполнил большую и ценную работу в этом направлении. Он выяснил подлинную роль марксистских группировок, хотя в этом отношении можно бросить ему упрек в том, что им недостаточно четко и ясно показана обостряющаяся в 1905 году борьба между меньшевиками и большевиками. Я нисколько не сомневаюсь, что товарищей, которые проводили 1905 год здесь, не могла не коснуться та волна обостренной борьбы большевизма с меньшевизмом, которая именно в революцию 1905 года достигла максимальной своей высоты. Я думаю, что есть материалы, которые бы показали, что революция 1905 года и здесь не могла ни поставить новых тактических проблем перед социал-демократами, работающими в Средней Азии. Я должен сказать попутно, что тов. Береснев проделал большую работу, вскрыв подлинную роль эсеров и социал-демократов в Средней Азии. Он показал, что эсеровская организация становилось более влиятельной только после того, как социал-демократические организации, подготовив своей работой революционную почву, подвергались административно - полицейским и судебным преследованиям.

Я считаю, что заслуга тов. Береснева именно в том, что он эту сторону дела охватил достаточно полно и показал достаточно хорошо.

Заслуга его заключается также и в том, что он выставил правильно развитие некоторых стержневых событий революции 1905 года. Но в анализе этих стержневых событий, под влиянием той схемы, с которой он подходил, он упустил ряд больших событий, и недаром тов. Зорин бросил упрек, что в докладе тов. Береснева недостаточно было выявлено соотношение классовых сил. Тов. Береснев опирался на работы Галузо и Лаврентьева, а не брался сам за подбор соответствующих материалов. При всем моем уважении к т. т. Галузо и Лаврентьеву, я считаю, что они не могут дать достаточный материал по революции 1905 года, прежде всего потому, что они не ставили своей задачей анализа событий этой революции. А историк, который берется за изучение истории революции 1905 года не имеет права подходить иначе, как путем анализа предпосылок и хода классовой борьбы в этот период, в особенности, если он рассматривает революцию 1905 года, как результат и специфических местных условий, а не только отголосок событий центра. Он не имеет права подходить иначе, как путем тщательного анализа классовых сил революции 1905 года, а для этого ему надо было порыться в материалах о земельных отношениях в Средней Азии. Это первое и главное, что он должен сделать, ибо без анализа земельных отношений мы не можем понять хода революции 1905 года в Средней Азии. Вместе с т.т. Гия-

совым и Юсуповым я придаю большое значение изменениям в общей картине хозяйственной жизни Средней Азии под развитием торгового капитала здесь. Само собой разумеется, что признания нами наличия тех или иных принадлежащих коренным капиталистам из бывших ростовщиков фабрик или заводов, вовсе не означает, что кто нибудь из нас—я или тов. Юсупов, или тов. Гиясов—являемся сторонниками теории деколонизации. Во-первых, какие фабрики и заводы существовали здесь накануне 1905 года? Ни в одной из основных отраслей промышленности, которая в эпоху 1905 года является базовой для революции значительных сил не было в Средней Азии. Во-вторых, удельный вес той промышленности, которая развивалась здесь, был чрезвычайно низок. В 1903 году, накануне революции 1905 года, если память мне не изменяет, здесь насчитывалось примерно пять с половиной тысяч рабочих на фабриках и заводах, не считая железной дороги. Из них 47 процентов было коренных рабочих, 55,3 процента рабочих, пришлых из России. Таким образом, удельный вес обрабатывающей промышленности, за исключением ремесленных предприятий в кишлаках, аулах и в городах, а также отчасти некоторых коренных мануфактур, вроде самаркандских, катта-курганских, маргеланских и нескольких ковровых районов, был незначительным и за вычетом этих элементов, преобладающий тон жизни был сельскохозяйственный. Влияние торгового капитала сказывалось, главным образом, на отделении сельскохозяйственных производителей от средств производства. Мы имеем своеобразную форму, которая отчасти наблюдалась и в России после 1861 года—это создание резервной рабочей силы путем прикрепления ее к недостаточным по размерам для пропитания всей семьи и недостаточно трудоемным участкам земли (частично обезземеливание). Это имело место и здесь. Анализ аграрных отношений в силу этого должен бы был быть первой ступенью к той лестнице аргументов, с помощью которых мы могли бы проанализировать достаточно отчетливо соотношения классовых сил накануне революции 1905 года. Этого тов. Береснев не сделал потому, что его схема, повторяю, была несколько штампованная. И в ходе исследования он от нее не отказался и потому упустил ряд важнейших моментов.

Я считаю, что если и другой момент, который тов. Береснев недостаточно учел в качестве весьма важного доказательства его же собственного тезиса о том, что революция 1905 года „не отголосок, а продукт среднеазеатских условий". Это отношение между пришлым и декханским населением. Тов. Зорин, когда он говорил о положении в Джетысу, а также тов. Галузо упустили один момент, а именно, что кроме двух колонизаторских потоков—казачества, сажавшегося на землю в качестве горнизона имперского аванпоста и переселенческого крестьянства, обращавшегося быстро в кулачества, имеется довольно значительный самотек. Правда, поток переселенцев усилился, главным образом, после 1905 года, но и тогда уже самотечные переселенцы, самовольно переезжавшие и самовольно захватывавшие земли, боролись за нее.

Ко всем официальным документам необходимо подходить чрезвычайно осторожно. Всем известно, что великодержавная политика авторов этих документов искривляет ряд одних фактов и подчеркивает ряд других фактов, которые им нужны для подкрепления своих колонизаторских положений. Все исторические

документы переполнены ложью с начала до конца, и надо тщательно выискивать в них крупицу истины, которая имеется там в весьма искаженном виде. Если мы не встречаем в документах генерал-губернатора данных о самотеке, зато мы найдем их в статистических данных Самарской, Воронежской, Саратовской и других губерний и увидим, что поток шел в Среднюю Азию, а здесь он расплывался. Даже в обществе политкаторжан имеются представители такого самотека.

Опять-таки, товарищи, нужно учесть и этот момент, момент борьбы между этими тремя группировками—борьбу многоземельного казака, воина-переселенца кулака по характеру своего хозяйственного положения, с новоселом-поселенцем среднего достатка, перерастающим в кулака, и с „самотечным" переселенцем равно как и борьбу всех этих элементов с коренным населением кишлаков и аулов. Тов. Береснев прошел мимо этого материала. Я не скажу, чтобы самотечный переселенец успешно вышибал казака, узбека и крестьян других национальностей с их участков земли, ему это удавалось меньше, чем казачьим или кулацким переселенцам, потому что он не был вооружен колонизаторскими полномочиями и не пользовался поддержкой власти, но он стремился к этому. Во всяком случае налицо, был горючий материал, который придавал своеобразную физиономию революции 1905 года в Средней Азии. Но тов Береснев прошел мимо всего этого.

— Я считаю, что в вопросе о роли коренной буржуазии т. Береснев проявил недопустимое для историка-исследователя пренебрежение. Большую или малую роль сыграл джадидизм в истории революции 1905 года, судить я не берусь,—я не принадлежу к числу тех людей, которые говорят о том, что мало знают. Чтобы судить о джадидизме четко, я знаю о нем недостаточно, но скажу á priori, что классовый анализ должен нас был бы привести к какому-то пункту противоречий интересов коренной буржуазии с интересами буржуазии колонизаторской, на котором эти противоречия выливаются в определенную борьбу. Это неизбежное явление. Оно наблюдается во всех колониальных и полуколониальных странах. И не может быть такого положения, чтобы Средняя Азия как колония представляла собой **единственное исключение из общего правила**. Надо предположить, что какая-то форма национально-буржуазных противоречий должна была иметь место и здесь. Вы же отнеслись к джадидизму недостаточно серьезно, потому, что вы заявили, что это было татарское влияние, и думаете, что вы этим разрешили вопрос. Тов. Гилсов вполне прав, как прав и тов. Зорин, когда они подчеркивают эту вашу ошибку. Так вопрос нельзя ставить. Мало ли какое влияние проникает? Вопрос в том—**пускает ли оно корни**. Мы должны признать, что сказать только, что было татарское влияние и ему надо приписать развитие джадидизма в Средней Азии, это значит, ничего не об'яснить. Надо показать, **почему** появился джадидизм в **данный исторический момент**, кто был под его влиянием, кто составлял кадры джадидского движения. Я хочу подчеркнуть, что в сложном переплете как классовых отношений, так и национальных группировок, какие складывались накануне революции 1905 года, именно и надо искать **своеобразие местных условий, превращающих революцию 1905 года здесь в Средней Азии, не в простой отголосок революции, происходящей где-то в центре, а в среднеазиатское явление.**

Этого комплекса факторов тов. Береснев коснулся недостаточно, и я опять-таки выввжу этот недостаток доклада т. Береснева из основного факта, а именно, что его схема, пригодная для любого района российской империи, не учитывала своеобразия местных условий.

—Основной тезис, который выдвинул тов. Береснев, тезис о том что революция 1905 года в Средней Азии не была простым отголоском еволюции 1905 года в Российской империи, а ее нужно рассматривать и в связи с местными условиями, этот правильно выдвинутый тов. Бересневым тезис был совершенно не подтвержден в его докладе. Доклад был так построен, ка будто он стр мился не доказать, а опровергнуть этот тезис. Получилось, что доклад тов. Береснева отрицает самостоятельное значение за революцией 1905 года в Средней Азии.

—Это основной упрек докладу тов. Береснева.

—Товарищу Бересневу хочется знать, какой бы схемы я лично придерживался, беря ее за рабочую гипотезу. Если бы мне пришлось приступать к такой работе, которую проделал тов. Береснев, я прежде всего учел бы момент, что революция 1905 года в Средней Азии является революцией в большой имперской колонии, революцией происходящей одновременно в целом ряде мест империи, но имеющей центральными пунктами Москву и Петербург—два крупных рабочих центра, и подошел бы к анализу особенностей хода революции 1905 года здесь с точки зрения тех коренных трансформационных явлений, которые происходили на основе торговой политики и развития промышленного капитала в колонии. В соответствии с этим я бы исследовал соотношение классовых сил, которое складывалось в отношении перестройки ростовщического капитала в капитал промышленный, и перешел бы к развитию национальной борьбы здесь, борьбы отдельных национальностей против колонизаторской политики царизма. Весь этот комплекс явлений, характерных для Средней Азии, как колонии Российской империи, сделал бы фоном для анализа конкретных путей развития революционных событий. Тогда и стало бы ясно, что если **вдохновителями являлись те кадры рабочих, которые приехали в Среднюю Азию вполне сформировавшись в горниле революционного движения**, то они же, вместе с тем, были и **возбудителями огромных революционных потенций, скрывавшихся в классовых противоречиях внутри колонии бывшей царской империи**. Тогда была бы для меня ясна внутренняя картина исторического процесса, тот тайный смысл исторического процесса, на раскрытии которого историками настаивал всегда Маркс.

Тов. Гиясов

— Мне кажется, что оценка доклада т. Береснева, как тов. Яроцкий указал, должна быть двоякого рода. Первая часть—это методологическая. Нужно сказать, что эта часть очень хромает в докладе и недостаточно вооружена марксистским методом. По части фактов—это богатый материал, который для нас ценен и многое мы услышали здесь впервые. В работе т. Береснева мы видим одну установку, верную концепцию, по которой Средняя Азия имела два пути,—освобождение только национально-буржуазное, при помощи движения нaци-

ональной буржуазии, то-есть национальную революцию, и другой путь—пролетарскую революцию. Но у тов. Береснева в его работе черным по белому сказано, что эти два пути не имеют никакой разницы, то-есть путь пролетарской революции и путь буржуазной революции одно и то же, и независимо от того, кто оказался бы победителем результат был бы один и тот же. Следовательно, если бы победила национальная буржуазия мы бы имели такую же победу, которую мы имеем теперь.

Кроме того, что получается по его оценке джадидизма? Как будто это такое революционное движение, что можно и сегодня сказать, что это такие освободители, такие революционеры, которые единственно могли освободить среднеазиатские народности. Так было им обрисовано положение. Я считаю, что подходить к изучению вопроса, как подошел он, не верно. Почему же так получилось? Причины просты. Тов. Береснев не потрудился поискать социально-экономической базы того или иного движения, чтобы сделать на основе этой базы анализ. Он говорит: „джадидизм—это такое движение, которое начало итти с севера или с юга". Это не марксистская постановка вопроса. Если бы т. Береснев хотел подойти серьезно к этому вопросу, он должен был бы сказать, какая социально-экономическая база имелась здесь в этот период для данного движения. Так что в отношении оценки джадидизма взята прямо неверная установка.

Джадидизм можно разбить в основном на три периода. Первый период—с конца XIX века до февральской революции—период движения национальной буржуазии, другими словами, нарождающегося промышленного капитализма. Второй период, от февраля до октября—период активной борьбы против местного пролетариата, против трудящихся. Третий период—начиная с Октябрьской революции и до последних дней, когда приходилось вести борьбу с контрреволюционными силами, с проявлениями которых мы встречаемся и до сих пор. Например, всем известная касымовщина.

Я хочу оттенить спорный вопрос в части методологических установок тов. Береснева. Отличительная черта революции 1905 года в Средней Азии заключается в том, что она под руководством русского пролетариата была направлена против царизма, и одновременно, как революция колониальная, носила национально-освободительный характер. Этот момент надо подчеркнуть. У тов. Береснева совершенно другая концепция. Он говорит, что в период революции 1905 года мы имеем среди коренной национальности ряд движений, но ярко-выраженного крестьянского движения мы не имеем потому, что для него не было достаточной почвы. Он указал на появление джадидизма. Но когда мы хотим ставить вопрос об участии коренных национальностей в революции 1905 г. мы не должны просто сверху хватать—появилось, мол, движение с запада или с севера, татарский ветер или какой-нибудь другой принес,—и началось национальное движение в Средней Азии. Безусловно, что революция 1905 года в России оказала большое влияние на коренное население, но для восприятия этого влияния нужно было иметь в наличии определенные причины. Надо сделать экскурсию в тогдашнее экономическое положение этих стран. После завоевания Россией, мы имели здесь большой перелом, настоящую экономическую революцию. Если мы возьмем период революции 1905 года, то мы увидим развитие хлопководства,

железнодорожного строительства, рост промышленности. В период 1905 года мы имели кульминационный пункт этого развития. В то время при помощи авансирования, ростовщической кабалы у большинства крестьян Ферганского района, и даже у самых зажиточных, земли в очень короткий срок, в несколько месяцев переходят в руки ростовщиков. Мы видим появление новых классов, класса нарождающейся национальной буржуазии, нарождение промышленного капитала. Я проиллюстрирую одну таблицу, она характеризует 1903 год; таблица составлена из материалов ВСНХ ТССР специальным научным сотрудником. Таблица показывает, что в Фергане в 1903 году имелось 128 заводов, из них 68 было в руках туземной буржуазии, что составляет 56 процентов. Ценность продукции составляла 57.528 тысяч рублей, из них ..6.132.500 находилось у туземной буржуазии. Точно такое же место занимала местная буржуазия и в Самаркандской области, и в Закаспии, и в Хиве. Мы видим, что в руках буржуазии начинают сосредотачиваться хло коочистительные и маслобойные заводы. Сюда включена и еврейская туземная буржуазия; это не точно, но все-таки мы имеем определенную часть заводов, находящихся в руках туземной буржуазии.

Отсюда видно, что часть местной торгово-ростовщической буржуазии превращается в тип промышленной буржуазии. Это относится к легкой промышленности. Если мы возьмем развитие хлопководства и развитие торговли, вывоз и ввоз товаров, то и в этом отношении 1905 год является одним из самых характерных. Все это указывает на то, что в период 1905 года мы имели определенную социально-экономическую базу, подготовлявшую определенный класс, который должен был воспринять это движение. Отсюда мы должны делать вывод, а не говорить, что джадидизм появился с юга, востока, запада и т. д. Это был бы не марксистский подход, не марксистская постановка вопроса. Играть роль основной социальной базы они не могли. Основная база находится в экономике страны. Мы имеем в этот период рост кабалы, ростовщической системы, которая начинает проявлять силу, и с другой стороны имеем нарождающуюся буржуазию. Тут уже должна начинаться борьба. Как около старой феодальной системы, так и около ростовщического капитала должно было группироваться духовенство и все ростовщические силы, а с другой стороны, мы видим нарождающийся промышленный капитализм, что ведет к нарождению нового класса, и между этими группами должна происходить борьба. В период 1905 года мы видим нарождение и активизацию этой борьбы. Мы видим, что джадидизм начинает активизироваться и выходит на арену борьбы. С чего началась борьба? Неверно будет, если мы согласимся с тов. Бересневым, что только в 1904—1905 году движение нарождалось, а проявилось в 1909; оно было, но не было ярко выражено, а революция 1905 года была толчком в этом отношении. В революцию 1905 года началась борьба за новометодную школу; появление этой борьбы мы имели еще в 1901-1902 году; в этом отношении большую роль сыграли северные татары Начиная с 1905 года, они начинают выпускать свою газету „Тарахта“, затем „Тараки“, затем „Кышляр“,-„Туджер“ и в течение десяти лет они выпускают ряд газет. Они не открыто проводят свою программу, но каждая их статья и стихи дают определенную программу этого движения. Если вы читаете газеты „Тараккы“ 1905 года—она была конфискована два раза,—то в этой газете видите вполне революционную постановку вопроса.

У тов. Береснева был не вполне правильный подход. Я не считаю эту газету вполне джадидской, потому что она являлась смешанным органом эсеров и джадидов; ответственный редактор был Табитов, один из видпейших эсеров. Когда я просматривал эту газету, обследовал, то нашел там такие лозунги: „Да здравствуют рабочие, долой правительство". В годы подъема политическая установка, таким образом, была вполне эсеровская. Джадиды были более активны в движении, но эсеры были более политически оформленной партией. Что джадиды этого времени ставили вопросы более радикально, это было бы недостаточно верно. Но если возьмем дальше „Шухрау" и „Хуршид", затем „Авганы",—я все это разбирал,—то они выступали активно, хотя не в полном смысле революционно. Своего рода гандизм. Большинство товарищей смешивают джадидов двух типов. Мы имеем джадидов бухарских и туркестанских. Если мы не будем анализировать движение, то мы ошибемся. Джадиды Туркестана не совсем бухарские джадиды. Если мы в Бухаре имели до 1920 года полную отсталость в торговле, в земельных отношениях, то в Туркестане мы имели достаточно хлопко-очистительных заводов. В 1917 году мы имели около 21—25 тысяч рабочих, в Бухаре же этого мы не имели. Нельзя смешивать джадидов Бухары и Туркестана. Я повторяю, что ошибка тов. Береснева в том, что он оценку делал оптом. Для нас ясна оценка Ленина в этом отношении. Вот, что говорит Ленин: „Буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальное движение, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, то-есть вместе с ней борется против всех революционных движений и революционных классов". И кроме того, мы имеем указания Ленина, что когда мы оцениваем буржуазно-демократическую революцию, особенно в условиях колониальных стран, она является революционно-освободительным движением, но всегда, в конце концов, она в своей диалектике развития превращается в контрреволюционное движение. Мы установку Ленина имеем в условиях Средней Азии. Если мы дадим оценку джадидизму до свержения царя, как национально-освободительному движению, которое ставит задачей борьбу против феодально-ростовщических отношений, а с другой стороны за укоренение политики царизма, что после Октябрьской революции мы видим, что оно превращается в контрреволюционное движение. Сталин говорит: „Только теперь стало для всех очевидно, что национальная буржуазия стремится не к освобождению своего народа от национального гнета, а к свободе выкачивания из него барышей, к свободе сохранения своих привиллегий и капиталов..." Если мы ставим вопрос, что победа национальной буржуазии Средней Азии дала бы такой же результат, который мы имеем благодаря победе пролетарской революции, то это была бы неверная установка. Эта установка, к которой стремится „касымовщина" и ряд других контрреволюционных организаций. История показала и доказала, что национальная буржуазия не способна освободить угнетенные нации; единственная сила, которая может освободить в настоящем смысле угнетенные нации—это пролетариат.

Тов. Зорин

— Товарищи, методологическая установка и схема революции 1905 года в Средней Азии у тов. Береснева не отличается от той схемы, по которой у нас освещены вопросы революции 1905 года в центре России. Тов. Береснев просто

механически перенес эту схему освещения хода революции и хода исследования революции 1905 года в центре на Среднюю Азию. Отсюда у тов. Береснева бледно поставлен вопрос соотношения классовых сил революции 1905 года или тех событий 1905 года, которые были в Средней Азии, и не учтены конкретные особенности в условиях, в которых развертывается ход событий.

Мне думается, говоря о революции 1905 года нельзя забывать одного замечания Ленина (XIII т.), где он говорит, что диалектика истории такова, что движение отдельных национальностей на окраине есть отдельный эпизод, который подготовляет выход главным действующим силам революции—это пролетариату. Революция 1905 года здесь должна была рассматриваться в связи с революцией 1905 года в центре России. Только в таком разрезе мы можем подходить к освещению вопроса революции 1905 года в Средней Азии. Для того, чтобы правильно дать анализ революционных событий 1905 года, правильно поставить этот вопрос и сделать методологическую установку, необходимо исходить из двух моментов: первое это—революционные события в России 1905 года и второе—колониальная политика, которая проводилась русским царизмом здесь. Только исходя из увязки этих двух моментов, можно будет сделать правильный анализ хода событий, которые развертывались в Средней Азии, колонии российского царизма. Я хочу здесь осветить соотношение классовых сил как революции, так и контрреволюции в тех событиях, которые были в 1905 году, но предварительно я должен сделать несколько замечаний по вопросам, поставленным товарищем Бересневым.

Нужно не забывать, когда говоришь о движущих силах и о гегемонии пролетариата в революции 1905 года в Средней Азии, что же представлял собой пролетариат здесь в условиях царской колонии. Рабочий класс здесь занимал двоякого рода положение. С одной стороны, он эксплоатировался и угнетался капитализмом и царизмом и вел против них борьбу, отстаивал свои классовые интересы, но, с другой стороны, не нужно забывать, что он находился в более хорошем положении, в более привиллегированном положении по сравнению с коренным пролетаратом, который в то время только начинает появляться, как самостоятельный класс. Какие основные причины сопутствовали этому? Тут нужно исходить из колониальной системы, из колониальной политики русского царизма. Прежде всего, если мы сравним зарплату рабочего европейца с зарплатой коренного рабочего одной и той же квалификации, мы увидим, что европейский рабочий получал зарплату гораздо выше, чем коренной рабочий—это первое. Второе—рабочий европеец являлся работающим, главным образом, на железной дороге и в небольших отраслях промышленности, создаваемых в то время он здесь обзаводился хозяйством, был связан с хозяйством, хотя бы и небольшим. Эти два положения создают великодержавное шовинистическое настроение среди европейского пролетариата. Отсюда русский рабочий не мог привлечь на свою сторону коренных рабочих и дехканство в процессе революции 1905 года. Дальше, у товарища Береснева почти выпадает крестьянство как одна из движущих сил революционных событий 1905 года. Но мы здесь имеем два крестьянства: пришлое крестьянство и коренное дехканство. Но для того, чтобы осветить положение русского крестьянства и коренного дехканства во время революции 1905 года в Средней Азии, нужно остановиться на

вопросе переселенческой политики русского царизма. У тов. Береснева этот вопрос смазывается. Без анализа переселенческой политики русского царизма в Средней Азии об'яснить, почему русское крестьянство не было целиком и полностью активно, не встало на сторону революции, как мы это имеем в центре России,—нельзя. Когда весь 1905—1906 год пестрит крестьянскими восстаниями, таких восстаний мы среди европейского населения в Средней Азии не имеем. Это можно понять, исходя только из переселенческой политики, которая проводилась здесь русским царизмом. Крестьянство было орудием русского царизма; в нем он имел для себя опору, направленную против коренного населения. Но главной опорой русского царизма являлось казачество. Если мы вспомним восстание 1916 года, то русское крестьянство и казачество выступает в руках русского царизма, как сила для подавления восстания. Вот, что мы имеем в результате переселенческой политики. Главным образом это относится к Семиречью где не задолго до наступления 1905 года проходит, так называемая, полоса казачьей колонизации, но параллельно этому развивается мощная волна заселения крестьянских поселков. Если мы возьмем период с 1848 года по 1867, то увидим, что тогда было только 17 казачьих станиц и ни одного крестьянского поселка, тогда как в 1882 году мы имеем вновь поселенных еще 11 казачьих станиц, а крестьянских поселков 28. С 1905 года по 1914 год казачья колонизация почти сходит на-нет. За это время было образовано 4 казачьих станицы, а крестьянское поселение достигает до 192 поселка. Таким образом, в Семиреченской области казачья колонизация заменяется крестьянской. Русское правительство было занято поселением русских мужиков на землю, отобранную от киргиз и казаков. Последние быстро осваиваются со своим новым положением и обращаются в полупомещиков, хозяев крепкого кулацкого типа. Кроме того, укрепляются и развиваются казачьи станицы, а отсюда те противоречия, которые развиваются между казаками и пришедшими русскими переселенцами; те противоречия, которые играют колоссальную роль в 1905 году, а также в Октябре 1917 года. Как об'яснить северный фронт против атамана Анненкова? Когда Красная армия организуется (преимущественно) из групп переселенцев-крестьян? Это об'ясняется тем, что русский переселенец-крестьянин борется активно против казака за землю. В Семиречье русское крестьянство и казаки не могли быть на стороне революции 1905 года потому, что они были заинтересованы в грабеже киргизского населения, в захвате их земель.

Товарищи, в каком же положении находилось коренное население? Коренное дехканство было выгнано с самых лучших участков земли в пустыни и горы.

Киргизское дехканство, даже и байство, выгоняются вон, при чем в отношении байства-манапства русское самодержавие ведет двойственную политику, о которой я скажу дальше. Такое же почти положение мы имеем в Фергане, хотя там и не было казачьей колонизации. Таким образом, мы можем понять, что представляли собой те противоречия, которые развивались между коренным населением и европейским.

Киргизское дехканство находилось под двойным ярмом,—русского царизма русского мужика-переселенца и казака, и под ярмом феодалов и родовых начальников (баев и манапов).

В хлопковых районах накануне 1905 года имеется несколько другое положение. Там зарождается национальная промышленная буржуазия, о которой т. Береснев говорил, как о революционной в частности, о джадидах. Кроме того мы имеем создание компрадорской буржуазии. Эта компрадорская буржуазия являлась ростовщиками, дававшими ссуды дехканству, закабаляя, превращая его в полураба. Происходило разорение крестьянского хозяйства. Чайрикер не мог превратиться в пролетария потому, что отсутствовала промышленность, которой не давала развиваться колониальная политика царизма. Дехканство было в полной зависимости от ростовщиков, посредников русского капитала, которые выкачивали за бесценок хлопок и продукты сельского хозяйства. Все это приводило к обострению классовых взаимоотношений.

Затем у тов. Береснева получается так: подул ветер с Востока, подул ветер с Запада и получился джадидизм. Он говорит, что идеологию джадидизма привезли, главным образом, татары и они оформили джадидское движение. Но для нас это непонятно. Для того, чтобы идеология джадидов развилась, нужно было наличие какой-нибудь почвы. И этой почвой является нарождающаяся национальная буржуазия, слабая еще, но оппозиционно-настроенная против русской колониальной политики. Но я несколько не согласен с тов. Гиясовым, что джадидизм являлся только идеологией нарождающейся национальной промышленной буржуазии; я думаю, что сюда нужно отнести и то, что джадиды отчасти отражали идеологию крупных баев, скотоводов, овцеводов там, где развивалось каракулеводство; эти представители байства были заинтересованы, чтобы быть самостоятельными, не зависеть от скупных пунктов; оппозиционное настроение среди таковых мы также имеем. Но ни в коем случае нельзя говорить, что джадиды являлись революционерами—как это говорит Береснев, которые оформляют революционное движение коренного населения; по-моему, они являлись только оппозиционно настроенными и еще четко не оформившими свою идеологию.

Вот, товарищи, те условия, к которым еще присоединялось влияние русского военно-феодального империализма, служившие предпосылками к событиям 1905—1906 года.

Какова же была расстановка классовых сил в революционном движении 1905 года в Средней Азии? Мы видим, что основной движущей силой является рабочий класс, как коренной, так и европейский, который является и гегемоном. Затем коренная дехканская масса, активно не участвующая в событиях революции 1905 года, но сочувствующая этим событиям, хотя многие факты говорят за то, что выступления коренного дехканства все же были, но остались неоформлен-[redacted]

Русское крестьянство в общем—хотя и в его среде были элементы сочувствующие революционному движению—находилось на стороне царизма.

Вот соотношение классовых сил, которое было накануне революции 1905 года. Несколько иное положение мы имеем в кочевых районах, в частности Джетысу, где отсутствовали хлопковые плантации и прослойка европейского рабочего класса была значительно меньше, а также в городах, заселенных ремесленниками, мещанами, торговцами и крестьянами. Когда мы посмотрим требования и наказы делегатам в государственную думу, то увидим, что первым по важности стоит

земельный вопрос. Я хотел бы осветить небольшие события, которые развивались в Джетысу; то, что происходило в Джетысу было тесным образом связано с событиями в центре России и Ташкенте. Ряд забастовок в Джетысу руководились из Питера и Баку. Мы имеем забастовку телеграфных служащих, которая длилась в течение двух недель. Кроме того, существовали эсеровские и социал-демократические группы. При чем, в 1904 году и в середине 1905 года в Алма-Ата, нынешнем центре Казакстана, проходят тайные митинги за городом по воскресным дням в лесу, на которых ставился ряд вопросов, связанных с теми событиями, которые начали развиваться в центре России. При чем в конце 1905 года в сентябре и в октябре эти митинги принимают большой размер. Участниками митингов являлась, главным образом, учащаяся молодежь; на этих митингах присутствовали и ремесленники города, немного военных чинов, главным образом, рядовых из тех запасных частей, которые стояли там в количестве двух-трех баталионов. Руководителям этого движения являлся заместитель начальника переселенческих управлений, знаменитый Шкапский, который играл крупную роль в феврале 1917 года и Акстрович. Алма-Ата был пунктом ссылки, там имелась крепкая группа социал революционеров, которая издавала свою газету и распространяла ряд прокламаций к населению города. События 1905 года в Алма-Ата разворачиваются с октября месяца. Устраиваются митинги и демонстрации. После получения манифеста 17 октября в г. Верном проходят бурные собрания и на этих собраниях разбирается ряд вопросов, как-то: о городском самоуправлении, его основные недостатки и меры их устранения, земельное управление и его значение на национальных окраинах, народное образование и постановка его в России, земельный вопрос в России и в частности в Семиреченской области. Нужно отметить, что главным яблоком раздора был аграрный вопрос. Городское население Алма-Ата ставит вопрос о том, чтобы ему были нарезаны участки за счет киргизского населения. В наказе делегатам в Государственную думу основным пунктом стоял вопрос о земле. Наказ был составлен, по всей вероятности, эсерами. В наказе говорилось о требовании социализации земли в Пишпеке; городская дума была против социализации земли и выдвинула вопрос о том, чтобы увеличить земельные участки для городского населения, мотивируя тем, что в Пишпеке главным образом, население занимается крестьянством. Я постараюсь изложить очень кратко вопрос о существовании эсеровской организации. Нельзя сказать, чтобы она была целиком и полностью эсеровской организацией, и прав Б е р е с н е в, указывая, что большинство социал-демократических групп, которые существовали в Средней Азии, писали на плакатах наверху „пролетарии всех стран, соединяйтесь", а внизу—„в борьбе ты обретешь свое право". Если посмотреть прокламации и газету „Обстрел", издававшуюся в Алма-Ата, вышедшую всего в количестве восьми номеров, то можно установить, что в этих газетах отражалось веяние социал-демократов и социал-революционеров. Таким образом, сказать определенно, что в Алма-Ата существовала группа социал-революционеров или социал-демократов, нельзя. Эта группа составляла из себя смесь и социал-революционеров и социал-демократов. В 1907 году эта организация разделяется на две части: группу социал-революционеров и группу социал-демократов, которые уходят в подполье. Процесс двадцати восьми в 1908 году окончательно разгромил подпольную организацию и социал-демократов, и социал-

революционеров и революционные события затихают вплоть до киргизского восстания 1916 года.

Подведем итоги. Когда мы рассматриваем революционное движение 1905 года в Средней Азии, мы не должны отрывать его от событий, которые были в центре России, а без анализа колониальной политики революцию 1905 года понять мы не сможем.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

М. ЦВИБАН

„РАБОЧИЕ ТУЗЕМЦЫ" В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ

Мы до сих пор очень мало опубликовали материалов, касающихся восстания 1916 года в Средней Азии. Если по самому восстанию имеется уже значительная литература, то совсем почти не уделено внимания судьбе мобилизованных на тыловые работы, факт мобилизации которых был поводом восстания. Настоящий документ, писанный рукой офицера, посланного в первые дни революции проверить, в каком положении находились „рабочие туземцы", не лишен интереса. Из него мы узнаем в подробностях об условиях, в которых находились рабочие в Петрограде на Николаевской, ныне Октябрьской, железной дороге, в дни весны российской буржуазии, сохранившей во всех деталях тенденции царской колониальной политики. Офицер, посланный азиатской частью Главного штаба, отмечает в конце своего доклада: „кажется будто привезены были туземцы Туркестана не для работ, а для создания в них ненависти к русскому государству. Необходимы большие усилия для устранения той обиды, которую должны испытывать ни в чем неповинные туземцы, находящиеся в столь несправедливо жестоких условиях". Временное правительство всего меньше стремилось произвести эти „большие усилия". Возвращение мобилизованных, декретированное, всеми мерами задерживалось. Фонд помощи пострадавшим в 1916 году в 11 миллионов рублей, несмотря на настойчивые требования, был отпущен только перед самым Октябрем и захвачен Щендриковым в Семиречье, где был использован на содержание офицерской белогвардейщины. Буржуазия продолжала политику самодержавия, тем не менее волна „рабочих"—это слово в 1916 году вошло в узбекский язык—возвращалась на родину и из них создавались первые ряды классовых организаций трудящихся националов.. В Ташкенте и Андижане были созданы „советы мусульманских рабочих депутатов", ближайшей целью которых было объединение бывших „реквизированных" для получения средств, собранных для них в момент мобилизации и захваченных байскими элементами. Это были одни из первых массовых классовых организаций среди среднеазиатских трудящихся коренников.

Докладная записка подпоручика Матвеева заинтересует не только специалиста историка. Красочная картина ужасающих условий, в которых жили рабочие, заставит взволноваться каждого прочитавшего ее. Знать, в каком положении находились трудящиеся в эпоху господства буржуазии, прежде всего должна наша молодежь.

„Докладная записка подпоручика Матвеева извлечена из дела № 55 лл. 5-6 азиатской части Главного штаба военного министерства в Военно-историческом архиве в Москве.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

23 марта сего года, по поручению начальства Азиатской части Главного Штаба, я посетил рабочих-туземцев Туркестана, назначенных в порядке реквизиции на работы на ст. „Сортировочная“ в ведение автомобильного отдела.

По случаю дня похорон жертв революции работ не было и рабочие находились в отведенных для них жилищах, где я и имел возможность, при помощи переводчика собрать некоторые сведения, касающиеся условий их жизни.

Всего рабочих, квартирующих на ст. „Сортировочная“ 1.300 человек, из них около 900 человек сартов и около 400 человек туркмен.

Большинство рабочих размещено в земляных бараках и около 400 человек в вагонах-теплушках.

Земляные бараки, вообще мало приспособленные для жилья в них, особенно оказались непригодными для туземцев-южан.

Внутреннее помещение этих бараков разделяется довольно узким проходом на две половины. По обеим сторонам прохода устроены двухэтажные нары, причем верхний этаж, повидимому, служит местом для склада вещей. У самого потолка укреплены деревянные шесты, предназначенные, очевидно, для сушки одежды и обуви. Никаких распределительных перегородок на нарах не имеется и люди помещаются на них соприкасаясь друг с другом.

Сырость, испарения от сохнущей одежды и обуви, обилие находящихся в бараке людей, делают воздух невыносимым. Здесь же находятся и больные, многие из которых не имеют сил подняться. Нахождение в бараках этих больных об'ясняется по словам одного из присутствующих административных лиц, недостатком свободных мест в больнице, а также большим числом больных.

Положение рабочих, помещенных в вагонах-теплушках, с самого приезда их на работы и находящихся в них в течение пяти суровых зимних месяцев, находилось в еще более худших условиях; несмотря на жалобы их, администрация до последних дней не позаботилась о предоставлении рабочим более подходящих для жилья помещений. Между тем, несомненно, имела полную возможность, при самых ограниченных затратах, при участии этих же рабочих и небольшом числе руководителей, выстроить, подобные хотя бы существующим, бараки. К тому же освободились бы пустые для перевозки вагоны. В настоящее же время, подыскав в Петрограде помещение, администрация переселяет туда рабочих, то-есть в тот момент, когда наступила сравнительно теплая погода и весьма понятно, туземцы воспротивились этому распоряжению, тем паче, что старики туземцы вообще не желают, чтобы рабочих помещали в городе, имея в виду пагубное действие городской жизни на молодое поколение.

Трудно передать словами то невыносимое положение, создавшееся благодаря вышеуказанным мероприятиям администрации. Здоровые туземцы плача, а больные со стоном, оставляли вагоны и располагались тут же на снегу. Прямо каким-то кошмаром кажутся высохшие желтые лица, с воспаленными глазами, полными слез, с протянутыми руками, с мольбой вернуть их на родину.

В таком печальном положении находятся условия жизни туземцев в бараках и вагонах-теплушках. Отнюдь не лучше, судя по ответам туземцев, обстоит дело с пищей, одеждой и жалованием.

Пищу, по словам рабочих, они получают два раза: утром, перед началом работ, полагается чай с хлебом и вечером, после окончания,—ужин, состоящий из рисовой похлебки с конским мясом или, за неимением последнего, с жиром. Хлеб выдается черный, в размере одного фунта на человека в сутки, рису—$^1/_3$ фунта, точного веса мяса рабочие установить не могут, указывая, что в день с'едается одна лошадь. На всех выдается сахару около пуда в месяц. Иных продуктов, кроме указанных и еще соли, рабочие не получают. Изнуренный вид большинства рабочих вполне подтверждает недостаточность питания. Одежда, выданная по приезде туземцев состояла из: 12-15 полушубков на сотню, 12-15 пар валеных сапог, 50 штук рукавиц и всем было выдано по паре нижнего белья. Теперь во время весенней распутицы, рабочие особенно нуждаются в обуви, недостаток которой ощущался и раньше. Жалование получается по непонятной для туземцев расценке: некоторые получают больше, некоторые меньше, при чем цена колеблется от 1 до 70 рублей в месяц. Такое различие окладов об'ясняется вероятно тем, что больные совершенно не пользуются содержанием, а затем вычетом из жалования стоимости отпущенной одежды и обуви. Жалование выдается по табели, но в виду того, что большинство сотских неграмотны, поверка табели не производится, а просто подписывается ими.

Поэтому, правильно ли выдается жалование или неправильно, рабочие не могут определить.

Рабочий день начинается с 7 часов утра и продолжается до 6 часов вечера, но ввиду того, что место работ находится в 1½-2 час. езды от бараков, рабочие принуждены подниматься в 5-6 часов утра. Работы заключаются в разгрузке и сортировке вагонов, распиловке дров, очистке путей и проч. Производятся работы каждодневно, так как праздничных дней нет. За все 5 месяцев рабочими праздновались лишь два дня: первый день рождества христова и день похорон жертв революции.

По средам и пятницам предоставляется баня, но пользоваться ей в той мере, как было бы желательно не приходится, так как работы идут своим порядком, а баня топится от 9 часов утра до 9 часов вечера, следовательно, в распоряжении рабочих остается 1-1½ часа в день. За все время, по словам рабочих, они мылись три раза.

В дополнение к вышеизложенному, в порядке жалобы, рабочими заявлена претензия на частые случаи применения унтер-офицерами по отношению к ним физического воздействия, о существовании взяточничества, о притеснении жалобщиков и намеренное умаление авторитета выборного туземцами тысяцкого.

Затем рабочие обратились с просьбой передать их ходатайство через начальство: 1) о переводе их в более подходящие климатические условия; 2) оставить выселяемых из вагонов рабочих на прежних местах квартирования и 3) невыданное администрацией содержание умерших и беглых выдать на вознаграждение за расходы по похоронам тем лицам, кои на это потратили свои собственные деньги.

Вот все сведения, добытые мной при посещении рабочих туземцев, о чем и докладываю.

Впечатление от этого посещения прямо ужасное; кажется, будто привезены были туземцы Туркестана не для работ, а для создания в них ненависти

к русскому государству. Необходимы большие усилия для устранения той обиды, которую должны испытывать ни в чем неповинные туземцы, находящиеся в стол несправедливо жестоких условиях.

Подпоручик Матвеев.

27/III-1917 г.

На полях карандашом написана следующая резолюция:

„Необходимо: 1) учредить инспекцию туземных рабочих, находящихся по линии ж. дорог;

2) вернуть всех больных туземцев;

3) регулировать вопрос о возвращении Чаевым находящихся в его распоряжении туземцев рабочих".

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

П. АЛЕКСЕЕНКОВ, „КОКАНДСКАЯ АВТОНОМИЯ“
Издание УЗГИЗ, Ташкент 1931 год, стр. 72 [1])
П. АЛЕКСЕЕНКО, „ЧТО ТАКОЕ БАСМАЧЕСТВО“
Издание УЗГИЗ, Ташкент 1931 года стр. 97

Рецензируемые работы тов. Алексеенкова [2]) никак нельзя причислить к числу работ, по-большевистски вскрывающих те исторические пути, которые привели Среднюю Азию к развернутому строительству социализма.

Прежде всего поражает невероятно низкий теоретический уровень, на каком они стоят. Вот несколько иллюстративных примеров.

Автор чувствует, что национальное движение буржуазии до установления диктатуры пролетариата—это одно, а после ее установления—это другое, и вот он заявляет: „Октябрьская революция совершенно изменила сущность буржуазно-национального движения в Туркестане. Из прогрессивного оно превратилось в контрреволюционное движение“. („Кокандская автономия“, стр. 5, подч. мной). Вместо того, чтобы показать процесс нарастания революционного движения масс, приведший к установлению диктатуры пролетариата, и вместе с тем установить, как в связи с этим менялись позиции буржуазии,—из лагеря революции она переходит в лагерь контрреволюции — автор говорит об абстрактном, как бы оторванном от происходивших социальных процессов, изменении „сущности“ движения. На деле же именно „сущность“ движения буржуазии, если действительно принять термин всерьез и считаться с конкретной действительностью, оставалась неизменной потому, что оно на всех этапах было движением буржуазии. Позиции же буржуазии менялись как раз в силу неизменности этой сущности под влиянием изменения обстановки, и перемена этих позиций к тому же была не однократным актом, как кажется автору, а представляла собою целый процесс...

Автор знает, что существует такая теория, из которой следует: „что, якобы Кокандская автономия являлась продуктом ошибок нашей партии в националь-

[1]) На обложке работы напечатано: „Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б)“. К изданию же работы ни истпарт Средазбюро, который уже давно не существует, ни САНИИР, его заменяющий, никакого отношения не имели. (См. „Правда Востока“, № 229 от 21 августа 1931 года, письмо САНИИР в редакцию).

[2]) Алексеенков и Алексеенко одно и то же лицо.

ном вопросе“ и вот он „в качестве образца подобной трактовки“ (подчеркнуто мной) приводит цитату из статьи „бывшего скобелевского городского головы“ Дориомедова, в которой тот подвергает критике „демагогическую и двуличную политику Петроградского совета народных комиссаров“ (выражение Дориомедова), иначе говоря, подвергает критике не ошибки туркестанских партийных организаций, об'ясняя ими возникновение „автономии“, а правильную ленинскую национальную политику.

Кто примет всерьез цитату из Дориомедова не за образец кадетской критики ленинской политики по национальному вопросу, чем она в действительности является, а за „образец“, как уверяет т. Алексеенков „такой трактовки вопроса“, которая выводит возникновение Кокандской автономии „из ошибок нашей партии по национальному вопросу“ и „из всех наших ошибок того времени вообще“,—тот поневоле должен притти к заключению, что политика „Петроградского совета народных комиссаров“ (Дориомедов) как-раз и была переполнена теми ошибками по национальному вопросу, которыми можно об'яснять или не об'яснять возникновение „автономии“. Оговорка на 12 странице (через 6 страниц после цитаты из Дориомедова) о том, что речь у самого автора книжки идет о политике, „проводимой не всей партией в целом, а только ее наиболее слабой туркестанской организацией“, вовсе не спасает дело, а только иллюстрирует всю невероятную путаницу изложения автора и особенно ярко подчеркивает то обстоятельство, что цитата из Дориомедова приведена „ни к селу, ни к городу“, без понимания того, „что к чему“.

Не прошло мимо внимания автора и то бесспорное положение, зафиксированное в ряде партийных документов, что развернутое наступление социализма по всему фронту вызывает обострение классовой борьбы в стране, и он использует это положение, чтобы „доказывать“, что „возможна“ новая волна басмачества, которая „по своей социльно-экономической природе“ „ничем не отличается от такого же басмаческого послеоктябрьского движения“. А чтобы „доказательства“ этого положения были „посолиднее“, автор заявляет, что наше социалистическое строительство „неизбежно приводит“ не только „к активизации“ классовых врагов, к их стремлению использовать в борьбе против советской власти все возможные и невозможные средства, но и „к консолидации (не шутка! Н. Г.) контрреволюционных элементов города и кишлака“. („Что такое басмачество“, стр. 85, подч. мной).

Через несколько же страниц после этих разсуждений, отвечая на вопрос: „обязателен ли рецидив басмачества?“, автор дает несколько „если“, при которых этот „рецидив“ будет не только не обязателен, но даже „совершенно невозможен“. Среди этих „если“, между прочим дается и такое: „если мы сумеем целиком всю массу колхозников сделать главной опорой советской власти в кишлаке“. Как будто середняк и бедняк-колхозник уже одним тем фактом, что он колхозник не превращается в „действительную и прочную опору советской власти“. (Из резолюций XVI с'езда партии). Как будто возможны какие-то два типа, два пути колхозного строительства в Средней Азии: один путь, при котором мы „не сумеем“ „всю массу колхозников“ сделать опорой советской власти и при котором рецидив басмачества в силу этого совершенно возможен и при том рецидив такой, который по своей социально

экономической природе ничем не отличается от басмачества эпохи гражданской войны, и другой путь, когда мы „сумеем“ превратить колхозников в „главную опору советской власти“ и повторение басмачества станет „совершенно невозможным“.

При этом, тут же вскрываются и условия этого выдуманного нашим автором первого пути колхозного строительства. Они сводятся к известному количеству наших „извращений“, ошибок,—„Неправильное распространение налогов“, „перегибы при проведении хлебозаготовок и коллективизации, недооценка важности работы с беднотой“ и т. д.—которые „нарушают смычку между рабочим классом и крестьянством“. С забавной до смешного наивностью автор никак не хочет заметить, что ошибки, „нарушающие смычку между рабочим классом и крестьянством“ уже исключают самую возможность коллективизации, ибо сама коллективизация есть (и ничем другим быть не может) поднятие смычки пролетариата и крестьянства на высшую ступень.

Благие намерения автора не спасают его, как видим, от протаскивания контрабандным путем идеи современных троцкистов о якобы „насильственной“ коллективизации, проводимой нами в настоящее время и о том, что если бы они, троцкисты, проводили эту коллективизацию, то они бы уже во всяком случае без задоринок пошли по „второму“ пути, исключающему „насилие“.

Количество примеров, подобных приведенным, можно, конечно, увеличить в десятки раз, но и приведенных достаточно, чтобы показать, насколько незрелы рецензируемые работы в теоретическом отношении. Для автора как-бы совершенно не существуют Маркс, Ленин, Сталин с их глубоко-теоретическими постановками национально-колониального вопроса. Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую известна автору только по названию, но не усвоена по существу. Диалектический метод мышления для него—„книга за семью печатями“. Все, что известно автору из области марксо-ленинского учения—известно только по наслышке и если применяется к конкретно историческому анализу, то применяется по-ученически, как где-то, когда-то слышанное или случайно прочитанное, применяется, следовательно, наряду с невероятным количеством теоретических ляпсусов, путаницы и т. д.

Но там, где игнорируется марксистско-ленинская методология, там неизбежно царит антипартийность. Царит она и в рецензируемых работах. Отнеся большое количество вкривь и вкось поставленных побочных вопросов и разного рода противоречий автора с самим собой за счет его теоретических недомыслий и путаницы, мы все же можем уловить в работах и общую концепцию, которая также, как легко догадаться, ничего общего с ленинской концепцией революции в Средней Азии не имеет.

Первая из рецензируемых работ, с первой же страницы начинается с определения того, за что „боролось“ в Средней Азии „национально-освободительное движение дофевральского периода“. Там мы обнаруживаем, что оно боролось:

„1. С засилием российского торгово-промышленного капитала и за создание условий, благоприятствующих развитию национального капитала.

„2. За изменение политических взаимоотношений между Туркестаном и Россией.

„3. За ново-методную школу и за повышение культурного уровня коренного населения Туркестана.“ („Кокандская автономия.“ ст. 3).

На следующей же странице находим расшифровку того, что автор разумел, когда говорил: „изменение политических взаимоотношений между Туркестаном и Россией. Это, оказывается означает лишь „расширение политических прав Туркестана.“ В другой же из рецензируемых работ находим ответ на вопрос, почем автор не диференцирует программы отдельных классов в национальном движении, а просто дает единую программу для всего национально-освободительного движения. Это у автора вытекает из того, что по его мнению: „Вплоть до Февральской революции национально-освободительное движение в Туркестане по существу было единым, несмотря на то, что охватило оно представителей совершенно различных классов и социальных групп“. („Что такое басмачество“, стр. 39, подчеркнуто мной).

Таким образом, и феодалы, и буржуазия, и дехкане, и ремесленники, и местный полупролетариат, и пролетариат ставили себе в своей национально-освободительной борьбе одни и те же, при том очень ограниченные задачи—развитие местного капитала, расширение политических прав Туркестана-колонии, ново-методная школа.

В этом уже заложена целая концепция и она худо ли, хорошо ли, но проведена, надо сказать, через обе работы. В чем „соль“ этой концепции?

Не было в Туркестане-колонии социальных сил, которые ставили бы перед собой задачи последовательной, до конца доведенной, национально-освободительной революции. Все движение в конечном итоге укладывалось в интересах местной буржуазии.[1]) даже движение трудового дехканства, пролетариата и полупролетариата. А если так, то не было, следовательно, внутри этого движения заложено тех „фугасов“, которые в процессе развития революции должны были неизбежно рано или поздно привести к полному разрыву союза местной буржуазии и трудящихся масс местного населения. В то же время и перед пролетариатом (по преимуществу, как известно, русским), возглавившим впоследствии революцию в Средней Азии, вовсе не стояли задачи, как выражается Ленин, „сломить то старое, кровавое и грязное прошлое, когда Россия капиталистов-угнетателей играла роль палача над другими народами“. Чтобы образовать и закрепить союз пролетариата и колониального крестьянства Средней Азии, вовсе это не было так уж необходимо, ибо само дехканство этого не требовало—оно довольствовалось решением трех перечисленных выше куцых задач.

Отсюда же и вся концепция истории Кокандской автономии и басмачества.

Прежде всего среди элементов политической обстановки, в которой возникла Кокандская автономия и басмачество, немаловажное место занимает такой элемент, как: „слабость классовой диференциации коренного населения страны“. („Кокандская автономия“, стр. 7). Увидеть ту классовую диференциацию, которая так ярко проявилась уже в эпоху восстания 1916 года и потом была одной из основных (если не самой основной) причин слабости и недолговечности Ко-

---

[1]) Все перечисленные требования как раз и есть требования буржуазии.

кандской автономии, автор уже не может, раз исходный пункт его рассуждений— единство, нерасслоенность национального движения и отсутствие причин, которые должны были привести к расслоению этого движения.

Став же на эту точку зрения он сделал для себя совершенно непонятной позицию дехканских трудящихся масс по отношению к Кокандской автономии. Дело доходит до настоящих анекдотов. Когда ему приходится констатировать факт, что Кокандская автономия не могла создать себе армии, то он это об'ясняет не тем, что в силу „классовой диференции коренного населения" дехканство не хотело дать солдат автономии, а тем, что „громаднейшим препятствием в этом отношении являлось распространенное в Туркестане, особенно среди узбеков, отвращение к военной службе"... А когда все же дело дошло до об'яснения, почему буржуазия не смогла все-таки повести за собой широкие массы дехканства на борьбу против диктатуры пролетариата—дать такое об'яснение обязывает вся история революции в Средней Азии—тогда у автора выплывает на сцену версия, что эта буржуазия „была весьма молода и слаба" и что „нити ее экономического влияния еще не достаточно опутали широкие массы дехканства"... Значит, если бы развитие капитализма в Средней Азии зашло вперед дальше, чем это было в действительности, то буржуазия бы укрепилась, ее нити, опутывавшие массы дехканства, стали бы крепче, она бы смогла повести за собой эти массы и не только „начать", но и „довести до конца" свое контрреволюционное дело.

Что такое, с позволения сказать, „об'яснение" вступает в вопиющее противоречие с его же посылкой о „слабости диференциации коренного населения страны" как одного из важнейших условий „единства" национального движения—развитие капитализма должно было диференцировать население и углубить щель между трудящимися массами и буржуазией,—это нашего историка смущает очень мало, ибо он достаточно привык быть именинником „и на Ивана и на Петра"...

С другой стороны то же положение автора о „единстве" нацдвижения, об общем совпадении требований трудящихся масс с требованиями буржуазии и т. д. определяют и всю его концепцию политики партии и рабочего класса в Средней Азии. Рабочий класс и его партия в Средней Азии в конечном итоге выступают не со своей программой, а с программой той же буржуазии. Борьба пролетариата с буржуазией за руководство над дехканской массой сводится в конечном итоге к тому, кто лучше (буржуазия, или пролетариат) скорее и раньше поднесет крестьянству те куцые требования национального движения, о которых автор сказал в самом начале работы.

Вот в каком виде преподносится это на примере борьбы вокруг вопроса об автономии Туркестана.

С целью проиллюстрировать ошибки туркестанских большевиков того времени по национальному вопросу, на стр. 8—10 „Кокандской автономии" тов. Алексеенков приводит целиком декларацию большевиков и максималистов, оглашенную ими на IV с'езде советов Туркестанского края (ноябрь 1917 года). В этой декларации имеются, между прочим, такие перлы, как пункт что: „Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как в виду полной неопределенности

отношения туземного населения к власти ССР и КД (Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов П.Г.) так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органах высшей власти фракция приветствовала бы". Но автора такого рода „перлы" великодержавного шовинизма интересуют только в самую последнюю очередь, главный же интерес его направлен на другое: „Мы выписали, говорит он, всю декларацию нашей фракции чтобы показать, что в ней нет ни единого слова по поводу того, что в то время наиболее интересовало положительно все слои коренного населения страны, это—по вопросу об автономии Туркестана" („Кокандская автономия", стр. 10, подчеркнуто мной).

Раз ни один слой или класс местного населения не ставил себе других революционных задач, кроме как борьбу за развитие местного капитала, за [redacted]одную школу „за расширение политических прав Туркестана", то что же другое в таком случае может интересовать „все слои коренного населения", когда они вступили в революцию, как ни „вопрос об автономии Туркестана"?

Главной ошибкой туркестанских коммунистов автор считает не то, что они не написали на своем знамени лозунг: „сломить старое, кровавое и грязное прошлое" (Ленин), что они не подняли с самых же первых дней революции знамя борьбы за фактическое равенство национальностей, вместо этого цепляясь за старые привилегии великороссов, а то что они не об'явили немедленно автономии. „Нашей партийной организации нужно было немедленно после того, как мы захватили власть об'явить и провести на деле эту автономию Туркестана под гегемонией пролетариата". (Там же, стр. 11). Конечно, это нужно было сделать и это, как известно, было потом и сделано, но это нужно было осуществить как одно из мероприятий в целой системе борьбы за ломку „кровавого и грязного прошлого" за фактическое равенство национальностей.

Но тов. Алексеенков не дал развернутой ленинской критики всей системы ошибок туркестанских коммунистов того времени, не показал, что их поведение в вопросе об автономии Туркестана являлось только одним из частных проявлений их великодержавного шовинизма, их нежелания всерьез бороться за ломку „старого, кровавого и грязного прошлого", их цепляния за старые привилегии великороссов.[1]) В результате выпяченный на первый план вопрос об автономии оказался в таком контексте, который заставляет полагать, что „гвоздь" вопроса был именно в этом. Об'яви коммунисты во-время автономию и они с одной стороны „завоевали бы симпатии и поддержку не только рабочих, ремесленников и дехканства, но и других слоев мелкой буржуазии и в том числе интеллигенции", а с другой—не дали бы возможности „противникам (то-есть местной буржуазии П. Г.) обвинить нас в продолжении старой политики царского правительства". (Там же, стр. 11).

---

[1]) Несколько замечаний „осуждающего" порядка по вопросу о недопущении представителей местных национальностей к власти, данных на стр. 11 „Кокандской автономии", никто за серьезную и глубокую критику колонизаторства, конечно, принять не может.

Чем является такая постановка вопроса, как только не протаскиванием той мысли, что выдвини, мол, коммунисты во-время и достаточно решительно требования буржуазии относительно „расширения политических прав Туркестана“, то самое требование, дальше которого, по уверению автора, не помышлял итти ни один класс из местного населения и которое в то время, по его словам, „наиболее интересовало положительно все слои коренного населения страны“ и вопрос был бы решен, симпатии всего населения были бы на стороне коммунистов и буржуазия была бы сбита со своих позиций? Пролетариат и его партия, таким образом, соперничают (и должны были соперничать) с буржуазией за гегемонию над революцией, стоя на одной и той же платформе, борясь за одно и то же требование. Дело заключалось только в том, кто раньше или лучше преподнесет это требование. Вот какова алексеенковская концепция политики пролетариата и его партии в Средней Азии.

Если мы теперь обратимся ко второй из рецензируемых работ, то и там мы найдем фактически продолжение той же постановки вопроса. Автор заявляет:

„Начиная с 1918 года и кончая 1925 басмаческое движение, его уровень и борьба с ним определяли собою абсолютно все моменты общественной жизни Туркестана, а затем тех советских республик, которые образовались на территории последнего после национального размежевания“. „Даже само национальное размежевание“... „в известной степени“... „было определено интересами борьбы с басмаческим движением“.

Получается, что не будь басмачества, вооруженной и организованной борьбы местных эксплоататорских классов против диктатуры пролетариата—не было бы и всей той политики партии и советской власти в Туркестане, которую они проводили здесь на самом деле. Может быть даже не было бы национального размежевания. Если в „Кокандской автономии“ вопрос об об'явлении автономным Туркестанского края изображался фактически как соперничество пролетариата и буржуазии в преподнесении колониальному крестьянству одной и той же программы, то здесь уже вся политика советской власти подгоняется под эту мерку. Видите ли, басмачи шли под определенными лозунгами и мы, в силу этого „абсолютно все моменты общественной жизни Туркестана“ приспособляли к тому, чтобы конкурировать с этими басмачами.

Нечего уже и говорить, что и в этой брошюре колонизаторские ошибки тоже не получили ни должной оценки, ни сколько-либо глубокой ленинской критики, а определение того, чем же все-таки было басмачество—для этого ведь и работа написана—не выдерживает абсолютно никакой критики. Не [illegible] быть верных определений, когда исходные позиции автора не верны.

По определению автора: „басмачество есть своеобразная форма контрреволюционного движения в бывшей колонии против пролетарской и в то же время национально-освободительной революции“. Это определение в высшей степени абстрактно; от него так и пышет разобранным тезисом об изменении „сущности“ движения буржуазии; контрреволюционное движение взято как какой-то абсолют, вне связи с конкретными интересами борющихся классов, направлением их борьбы, и теми конкретными условиями, в которых происходила борьба.

Не лучше и вторая половина определения, в которой автор видимо пытается дать характеристику расстановки классовых сил: „В этом контрреволю-

ционном движении, продолжает он, используя противоречия колониальной экономики и политическую отсталость дехканства против революции единым фронтом выступают национальная и колонизаторская буржуазия вместе с остатками феодальных слоев данной страны".

Непонятно „использование противоречий колониальной экономики" ибо эти противоречия должны были служить (и служили) прежде всего не на пользу контрреволюции, а на пользу революции и являться предпосылкой не симпатий дехканства к контрреволюционному движению буржуазии, а прежде всего его симпатий к революции. Полнейшим непониманием роли крестьянства в революции веет от утверждения на счет „политической отсталости дехканства", которую „использовала" буржуазия. Как во всем тексте обеих работ, так и в приведенном определении, колебания дехканства между буржуазией и пролетариатом об'ясняются идеалистически: политической несознательностью, а не социальной природой дехкана как мелкого собственника. Совершенно исчезает куда-то динамика борьбы классов, передвижки в расстановке классовых сил, в процессе этой борьбы и т. д.

Если же взять все определение в целом, то в нем, как и во всем тексте рецензируемых работ, мы не находим ответа на вопрос, почему буржуазия и феодалы потерпели поражение и почему пролетариат победил, иначе говоря, как и почему случилось, что дехканство перешло на сторону пролетариата и таким образом обеспечило ему победу.

Из всего сказанного можно теперь видеть также и „первородный" грех нашего автора.

Этот грех заключается, как видим, в том, что автор абсолютно игнорирует ленинскую проблему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Уже охарактеризовав национальное движение до революции как „единое", автор лишил себя возможности показать, как революция, подымаясь со ступеньки на ступеньку, поочередно разрешает свои задачи, постепенно отбрасывает от себя эксплоататорские классы и все больше и больше закрепляет союз трудящегося дехканства и пролетариата. Не став на этот путь с самого начала, автор пошел по пути таких построений, которые ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют. В результате фактически получается колонизаторская концепция революции. Несмотря на то, что автор сам неоднократно повторяет, что колонизаторство заключалось в том, что „наши партийные организации страдали меньшевистской болезнью недоучета роли дехканства", его концепция на деле есть тоже концепция, недоучитывающая роль колониального крестьянства. Ибо, если автор не диференцирует крестьянство от буржуазии, не вскрывает, что его классовые интересы в революции простираются неизмеримо дальше, чем интересы всех эксплоататорских классов вплоть до кишлачного байства и зажиточников, не показывает, что это обстоятельство является основной предпосылкой образования союза пролетариата и крестьянства, то не есть ли это самая настоящая, самая подлинная недооценка роли колониального крестьянства в революции? Не есть ли это скрытое оправдание колонизаторских ошибок всех эпох революции, ошибок, которые в основе своей как-раз и имели всегда игнорирование интересов трудящегося крестьянства, пренебрежение союзом с ним, недооценку его революционной роли?

Таким образом, вся разобранная концепция тов. Алексеенкова (поскольку, конечно, у него существует, что-то похожее на концепцию)—есть не что иное, как великодержавно-шовинистическая концепция революции в Средней Азии, построенная на непонимании того, на чем зиждится союз пролетариата и крестьянства. При этом протянута она вплоть до наших дней. Разобранная выше путаница на счет коллективизации и возможности рецидива басмачества—это уже протаскивание его концепции в практику сегодняшнего дня, протаскивание, показывающее, что как автор вообще не понимает, на чем основывается союз пролетариата и крестьянства, так он не понимает и того, как складываются и на чем зиждятся новые формы смычки пролетариата и крестьянства, формы смычки, построенной на базе организации коллективного производства.

Таким хламом угощает нас УзГИЗ под видом литературы по истории революции в Средней Азии [1])

П. ГАЛУЗО

26 августа 1931 г.

[1]) Ссылка на то, что первая из рецензируемых работ впервые была напечатана в „Революции в Средней Азии" и, следовательно, как бы получила некоторое одобрение Истпарта отдела Средазбюро ЦК ВК (б), не может снять ответственности с УзГИЗа, ибо, во-первых, уже и тогда работа получила отрицательный отзыв в печати (см „Революционный Восток" № 7, стр. 356), а во-вторых, при переиздании во всяком случае нужно было работу подвергнуть критике и исправлению даже и в том случае, если бы такого отзыва не было.

„ANNALES HISTORIQUES DE LA REVOLUTION FRANÇAISE"
январь—февраль и март—апрель (№ 43-44)
„THE ENGLISH HISTORICAL REVIEW"
январь и апрель 1931 г. (№№—181 и 182 т. XLVI)

Трудно сыскать более яркую иллюстрацию для того „кризиса методологии истории", жалобы на который особенно участились в мире буржуазной историографии со времени последнего всемирного конгресса историков, чем новые номера французского органа, посвященного истории Великой французской революции и редактируемого А. Матьезом и главного исторического журнала Англии, выходящего в свет под редакцией Ч. Превите-Ортона и отражающего историческую мысль Кэмбриджского университета. Само содержание этих номеров не только пестро и случайно. Оно—и это справедливо даже по отношению к „Annales historiques"—крайне беспомощно по своей тематике.

Особенно это верно по отношению к „The English Historical Review". Редакция как будто совершенно избегает тематики, хронологически близкой нашему времени. В двух номерах, вышедших за 1931 год, нет ни одной статьи, относящейся хотя бы к XIX столетию, если не считать попытки профессора Тэйта дать очерк развития городского самоуправления в Англии, имеющей некоторую актуальность. Правда, и для этой статьи материал подобран хронологически весьма далекий: от XIV и до XVII века. Но профессор Тэйт ставит в этой статье и на основании этого материала немаловажный вопрос о характере городского самоуправления, складывавшемся в Англии вплоть до реформы последнего акта о муниципальных корпорациях 1835 года. Анализируя две точки зрения на вопрос о пресловутой демократичности городского самоуправления, две точки зрения, существующие в исторической науке еще с 1690 года (Брэди в своем труде „Исторический трактат о городах и поселениях" вышедшем в этом году, высказывал ту точку зрения, что олигархия свойственна была городам с самого начала), Тэйт восстанавливает картину самоуправления как картину господства узкого круга наиболее состоятельных горожан. С точки зрения историка-марксиста, для которого „сокровенный смысл исторического процесса" заключается в „смене общественно-экономических формаций", дополнительный материал, обработанный Тэйтом в данной статье, имеет первостепенное значение. Пусть профессор Тэйт сам ничего не говорит о том, что этот процесс образования и укрепления буржуазной олигархии

является чрезвычайно важным для понимания путей развития, в обстановке феодализма, нового класса буржуазии. Пусть ограниченность буржуа, живущего и ведущего историческую работу в обстановке загнивания и умирания капитализма, в эпоху пролетарских революций, не позволяет ему правильно взвесить и оценить значение непрестанной борьбы „городских масс" (borough commonalty—буквально „городской обывательщины" по „глубоко-научному" определению Тэйта) против господства городской олигархии, как борьбы пролетаризующейся части мелкой буржуазии против господства крупного, торгового по преимуществу, капитала. Пусть, равным образом, он не в силах, по тем же причинам сделать вывод и о мотивах, которые побуждали абсолютизм временами—хотя и редко—декредитировать расширение базы городского управления, вплоть до чуть ли не всеобщего избирательного права, а обычно—поддерживать городскую олигархию. Если сам автор не пытается конкретизировать историческим материалом положения Маркса, высказанное еще в „Нищете Философии" о роли городской корпорации в процессе формирования буржуазии и, повидимому, остающееся неизвестным профессору Кэмбриджского университета, то материал статьи все же говорит сам за себя. „Существенная нереальность ранней демократии (городского самоуправления) и существование олигархической системы управления—читаем мы у него—достигли своей полной силы в английских городах уже не позднее 1300 года и их можно проследить по меньшей мере за пятьдесят лет до этой даты" (стр. 1). Это констатирование факта преобладающей тенденции городского самоуправления обосновано у Тэйта большим числом иллюстраций, взятых им из архивных материалов, и потому вся статья Тэйта представляет значительный интерес.

Но, повторяем, данная статья представляет собою даже в таком виде—счастливое исключение из общего правила. Последнее же заключается в упорном „нежелании" авторов и редакции давать на страницах журнала место статьям, трактующим темы более позднего времени, чем скажем, XVII—XVIII в.в.

Уже такое предпочтение тематики докапиталистического периода всей иной—симптоматично. Оно говорит о том, что историческая наука в буржуазной Англии точнее—господствующее в ней течение—предпочитает не касаться „опасных" для спокойствия буржуазии тем, и придерживаться тем „нейтральных", далеких по своему содержанию от обостренных классовых боев нашего времени. Классовый характер буржуазной историографии сказывается четко и определенно даже в выборе эпохи, на которой она концентрирует свое внимание.

Однако, дело не ограничивается хронологическими гранями материалов, которые „интересуют" английских буржуазных историков. Ведь и вопросы докапиталистической истории могут иметь известное актуальное значение (как, например, проблемы городского самоуправления, связанные с разработкой материалов профессора Тэйта). Ведь и на основании изложения фактов истории докапиталистического общества мыслимо сделать некоторые актуальные выводы. Поэтому тематика подбирается авторами и редакторами особо тщательно под углом зрения выхолащивания всех основных, всех наиболее важных вопросов и та[...] трактовки их, которая явно искажает исторические перспективы в интересах [...]жуазии.

Так, в этом же номере, в котором помещена статья Тэйта, мы находим еще две больших статьи и ряд мелких заметок. Одна статья трактует захват Брюгге (во Фландрии) весной 1572 года морским пиратом Ла Марком—одним из „меньших" деятелей морского разбоя, сыгравших в царствование Елизаветы английской немалую роль в обогащении Англии. Автора—профессора Блека—интересует не экономические мотивы, толкавшие елизаветинскую Англию использовать свой морской флот для пиратства в водах, по которым шли груженные перуанским и мексиканским золотом испанские галлеоны. Его занимает вопрос о „виновности" и „невиновности" самой Елизаветы, чья репутация „цинической" и „беспринципной" руководительницы внешней политики Англии, а в особенности „антииспанские предрассудки" (по определению самого профессора Блека), заставляют приписать налет Ла Марка сознательно данным директивам королевы. Блек подбирает материал, чтобы доказать, что „рассказ о виновности королевы почти наверняка—легенда" (стр. 31). и с серьезным видом занимается опровержением многочисленных утверждений противоположного характера.

Такова же и вторая статья („Посольство лорда Хиндфорда в Россию") Ричарда Лоджа, который не в состоянии понять (или что то же—не желает понять) действительных мотивов позиции Англии в 1744-1749 годы в вопросе о России. Отмеченное им мельком соперничество между английскими и французскими дипломатами остается „дипломатическими анекдотами", а не эпизодами в борьбе за влияние двух соперников, борьбе, связанной с соперничеством торгового капитала Англии и Франции. Таким образом, читатель остается в неведении по основным моментам, а на первый план выступают моменты второстепенные. Это нужно, силы буржуазной исторической науки чтобы скрыть подлинные движущие силы торговой политики буржуазии этого периода.

Не следует думать, конечно, что дело только в ничтожности темы. Во всей трактовке вопроса Блеком мы видим определенную тенденцию: представить рыцарей первоначального накопления в самом благоприятном свете. Надо оправдать „циничную" (циничной могла позволить себе быть представительница крепнущего абсолютизма—Елизавета!) политику грабежей—и Блек, на этом эпизоде, пытается доказать, что политикой Елизаветы руководили „великие идеалы", а не циничный дух наживы. А надо это сделать для того, чтобы читатель исторического журнала получил желанную установку—понимал бы этот эпизод (и вместе с тем и всю политику эпохи первоначального накопления), как благородный, рыцарский акт. Классовые интересы буржуазии требуют идеализации политики, обеспечившей в прошлом рост влияния буржуазии. Статья Блэка вполне удовлетворяет этим требованиям.

В апрельском номере мы имеем еще ряд иллюстраций этой тактики буржуазной историографии. Протест графов Арондельского и Соррейского в кризис 1341 года, дисциплина норманских гарнизонов под командой Бедфорда в 1422—1435 году, описание трех избирательных кампаний при Елизавете и охотничья прерогатива Стюартов—такова тематика основных статей. В сущности, даже эта тематика могла бы быть разработана иначе, чем это делают авторы. Как известно, при Елизавете и ее предшественниках, Генрихах VII и VIII и Эдуарде, усиливался абсолютизм. Роль парламента—оплота феодального баронства—падала. По существу, к 40—50 годам XVI века парламент стал уже

фикцией. Тот же материал, который использован автором, мог бы показать, как этот процесс усиления абсолютизма протекал, какие методы применялись монархами, чтобы дискредитировать парламент. Но автор ограничивается описанием подлогов, насилий и тому подобных мер, с помощью которых „шерифы" проводили желанных им кандидатов. Ни оценки и освещения политики Тюдоров по отношению к избирательным кампаниям, ни объяснения, почему буржуазия в этот период еще не протестовала против усиления абсолютизма и ведущих к этой цели мероприятий власти, тогда как через каких-нибудь 50 лет наступила как-раз в связи с попытками дальнейшего укрепления королевской власти в ущерб парламенту, Великая английская революция—ничего этого в статье нет и в помине...

Такие установки английского исторического журнала—то, что буржуазная историография боится ставить сколько-нибудь актуальные проблемы,—объясняются классовой природой ее исторической мысли. Класс, отходящий в прошлое класс, являющийся господствующим при „умирающем" способе производства, сознательно отказывается от своего былого исторического чутья, чтобы не привить последнего рабочему классу или молодежи, которая может не пойти по стопам „отцов"... И историография становится **тем бесплоднее, по тематике, тем осторожнее в трактовке исторических фактов под флагом „объективности", чем решительнее удары структурного кризиса по этому классу.** Тогда историки данного класса начинают сводить историческое исследование к скромному серенькому пересказу, откапываемых ими в пыльных недрах архивов документов о ничтожных событиях—пытаясь этим ослабить историческое мышление читающей массы. Именно этот последний тип исторических исследований характерен для современной буржуазной историографии Англии. Об этом отчетливо говорят и основные статьи в английском историческом журнале. Об этом свидетельствует и перечень литературы, вышедшей за последнее время в Англии. В отделе библиографии, здесь находим ту же серость, скудость, что и в главных „руководящих" статьях Из 87 названий книг, отрецензированных, например, в апрельском номере, только **одна** посвящена более или менее актуальной теме („Свобода и деспотизм в Испанской Америке")—и то идеалистически, не исторично трактуемой, и другая—тема о работницах в промышленную революцию (автор—Пинчбек—собрала **новый** материал по данному вопросу).

Несколько иной характер имеет в общем несравненно более яркий, и глубокий по содержанию журнал, посвященный истории Великой французской революции „Annales historiques de la Révolution Française". Он был и пока что остается органом, который ведет борьбу с попытками части современных буржуазных историков, начиная с Олара и его школы и кончая откровенно монархическими компиляторами, подменить революционную концепцию атаками на диктатуру мелкой буржуазии. Именно эта позиция журнала А. Матьеза и его школы была причиной того, что до самого последнего времени буржуазия современной Франции не намеревалась поручить Матьезу воспитание своего

„юношества“ в Сорбонне. Когда со смертью Олара освободилась кафедра истории Великой французской революции в Сорбонне и Матьез подал заявление о своем желании занять эту кафедру—„Temps“ в ряде номеров повел бешеную кампанию против этой кандидатуры, напоминая о защите Матьезом террора, о его „большевистской“ концепции всей истории Великой французской революции. На основании этой же борьбы с явно контрреволюционными концепциями историки-марксисты в СССР придавали большое значение и журналу Матьеза и его школе и всем работам Матьеза. Правда, марксисты, конечно, не могли забыть мелко-буржуазной природы всей концепции Матьеза. Автор-историк, обративший внимание на проблему дороговизны, как на одну из центральных проблем в истории Великой французской революции, исследователь, изучивший историю революционных армий, комментатор, освещавший террор в его подлинном историческом свете, состоявший одно время в рядах французской компартии—Матьез—пытался все время служить „и нашим и вашим“, пытался удержаться от определенного выступления на ту или другую сторону баррикады. Это было ясно еще и тогда, когда Матьез выпускал первые тома своей „Французской революции“, и вполне очевидно стало, когда он выступил с известными разоблачениями подлинной роли Дантона. В своем докладе „История и легенда“, Матьез твердо и четко заявил, что, „рассматривая эту проблему“, он „в свою очередь старался отвлечься от всяких соображений чуждых науке“. „П о л и т и к а,—говорил он („Новое о Дантоне“ стр. 83),—н е и м е е т н и к а к о г о о т н о ш е н и я к и с т о р и и, з а с л у ж и в а ю щ е й э т о г о и м е н и. Не история должна искать в политике вдохновенья и подтверждения, а скорее наоборот, политический деятель, если он искренен, дожен следовать указаниям истории“. Еще более ярко и четко обрисовал Матьез свои позиции в последнем томе своей „Французской революции“, вышедшем в 1929 году—„Термидорианская реакция“. Здесь Матьез декларировал свое отношение к истории в следующих „знаменательных“ словах:

„Я пишу не для того, чтобы катехизировать или чтобы рекрутировать сторонников с той или с другой стороны, а лишь для того, чтобы учить и ознакомлять с фактами. Я считал бы себя упавшим в собственных глазах, если бы я, берясь за перо, заботился о тех или иных политических партиях, которые извлекали бы из моих писаний выводы для политики нынешнего дня во Франции или за границей. Пусть люди действия—к р а с н о г о, ч е р н о г о или б е л о г о стараются использовать мои книги для своего дела—это н е п р и я т н о с т ь, к о т о р у ю я д о л ж е н п е р е н о с и т ь с п о к о й н о. Если история—п о л и т и к а п р о ш л о г о, то это не является еще основанием для того, чтобы делать ее н и з к о й п р и с л у ж н и ц е й п о л и т и к и н а с т о я щ е г о“.

Все это говорило яснее ясного, что Матьез—типичный мелкобуржуазный историк, для которого борьба с Оларом—это борьба против концепции крупного буржуа.

Недаром у Матьеза мы встречаем явную переоценку личности и роли вождя мелкой буржуазии, „неподкупного“ Робеспьера, который в глазах Матьеза занимает в 1792—1794 годах такие же высоты, какие в Октябрьскую революцию занял Ленин. Восторженность Матьеза перед действиями Робеспьера—зачастую далеко не последовательными—тоже говорила о с л у ч а й н о с т и

марксистских настроений (точнее—приближающихся к марксистским) и о подлинной мелкобуржуазности всей исторической концепции Матьеза.

Следует однако здесь отметить, что даже эти самые недвусмысленные декларации Матьеза наводили некоторых историков-марксистов только на „большие размышления". „Что это,—спрашивал, например, тов. С. Моносов, называя предисловие, где содержится приведенное выше положение о „свободной от политики науке" „тяжеловесным, неприятным и недоброкачественным привеском,"—случайная тактика, созданная условиями момента, или полный и окончательный разрыв, решительный отход в лагерь черной реакции?—Ответом на этот вопрос будут дальнейшие печатные выступления профессора Матьеза". («Историк-марксист» № 15 стр. 156).

Этим тов. Моносов и все, кто повторял вслед за ним этот вопрос к Матьезу, только демонстрировали свое недопонимание мелкобуржуазной природы историка, который несмотря на свою „близость к марксистам"—отмежевывался от партийности в науке.

Но не будучи марксистским органом „Annales historiques" был тем не менее весьма ценным журналом. Именно здесь впервые в ряде статей проработаны были вопросы первостепенного значения (экономические мероприятия революции, положение городской мелкой буржуазии и т.д.), которых вовсе не касалась царившая до того во Франции школа Олара. Матьез и его орган были, таким образом, по буржуазной реакции в истории Великой французской революции, попутчиками историков-марксистов. Ценность журнала заключалась именно в этой его роли—попутчика. Мы и по сейчас имеем дело в „Annales historiques" с почти единственным вне СССР органом, имеющим установку на анализе экономики эпохи и под углом зрения этой установки, проводящим из номера в номер свою работу. В этом отношении последние номера журнала не составляют исключения. И именно поэтому они выгодно отличаются от особо серенького английского журнала.

В первом же номере на 1931 год мы находим ряд интересных и новых по материалам и по постановке вопросов статей. Сюда относится прежде всего статья Ляйонеля Вудворда—о проекте высадки в Ирландию и об английских и ирландских революционерах во Франции в эпоху Конвента. Она рассказывает недостаточно известные детали сношений диктатуры мелкой буржуазии с революционными организациями других стран и проливает не мало света на происхождение восстания, Вольф Тона в Ирландии. Мы знаем, что революция 1793 года была революцией мирового значения, что революционные войны представляли собою на деле (вопреки стремлениям жирондистов на предыдущем этапе сделать их орудием завоеваний) средство распространения господства буржуазного способа производства за пределами Франции. И мы знаем, что такую роль революция 1793 года и революционные войны играли потому, что военные действия Конвента при Робеспьере были не „защитой отечества" (как это пытаются изобразить не только Олар и его школа, но и Матьез), а **защитой завоеваний революции, гражданской войной; то-есть доведения до крайнего предела, до высшей стадии классовой борьбы.** Но история творится ее живыми агентами, людьми, являющимися активными участниками классовой борьбы, со всеми ошибками,

недостатками и прорывами обусловленными зачастую непониманием ими своей подлинной роли, со всеми связанными с величайшим подъемом революционного энтузиазма героизмом и достижениями. Поэтому историк должен представить себе во всей конкретности „деяния минувших дней“—политику партий и результаты этих деяний. Статья Лайонеля Вудворда помогает нам восстановить эту конкретность исторических событий на одном важном участке: образование и развитие связей французской мелкобуржуазной диктатуры с нарастающей волной революции в Ирландии. Вудворд показывает на основе до сих пор неизвестного или малоизвестного материала, как Пэйн, Маджет, Волф, Тон, Рейнольдс, Роун и другие постепенно, либо сразу (как Маджет, Тон), примыкали к якобинским позициям, как они связывались с деятелями Конвента и пытались в Ирландии поднять восстание одновременно против национального угнетения и против феодализма и господства денежной и торговой аристократии. Перед нами шаг за шагом, в письмах этих ирландских революционеров, вскрывается процесс революционизирования угнетаемой национальности под влиянием Великой французской революции.

Кроме этой статьи, в том же номере имеются новые данные о революции 10 августа 1792 года (статья А. Рюфер) об отношениях между Робеспьером и версальскими якобинцами (статья П. Вайяндэ) и биография авиньонского еволюционера Андрэ Пэйра.

Но если по январскому—февральскому номеру „Annales historique“ о нем можно судить, как об органе, содержащем интересный и богатый материал, хотя и освещаемый под углом зрения мелкобуржуазного толкования событий Великой французской революции, то следующий номер уже резко м няет картину. Правда, и в этом номере помещен ряд ценных и интересных материалов. Сюда относится, например, анализ приобретений национальных имуществ якобинцами в Ландах (статья А. Ришара)—анализ, показывающий, что в спекуляции, начавшейся после 9 термидора, активно участвовали и якобинцы, таким оброзом, переживавшие явное перерождение. Таковы например, видный монтаньер Батбеда, якобинец, член Конвента Вартигойэт и другие, что заставило автора статьи горестно отметить, что „добродетель некоторых революционеров не была свободна от слабости“, сводившейся к тому, что эти члены Конвента и ярые монтаньяры „использовали свой престиж и свое положение, чтобы... иной раз применять незаконные средства“.

Сюда следует отнести и статью Сорро о „рабочих в VII году“, то-есть в обстановке уже вполне оформившейся реакции, хотя автор преимущественно берет материал административно-полицейских преследований рабочих, а не данные о материальном и политическом положении рабочих. Автор приводит меры, принимавшиеся властями против движения рабочих в борьбе за зарботную плату, и некоторые факты, свидетельствующие, что и при белом терроре Директории не исчезли следы рабочих организаций.

Но основной нотой всего номера является статья Матьеза—на этот раз не о том или ином событии Великой французской революции. „Террорист за работой“—как назвал его орган французской плутократии „Temps“ во время подачи Матьезом первого заявления о желании занять кафедру в Сорбонне—на этот раз

пишет о Советском Союзе. „Кое-что о Советской России“—так озаглавлена эта статья Матьеза.

И если до сих пор некоторые историки-марксисты полагали, что мелкобуржуазный историк уже *идет* по пути к марксизму, что сама империалистическая буржуазия толкает его на такой путь своим к нему отношением—так именно расценивались ими реверансы Матьеза перед Лениным, как вождем революции, и свойственные мелкому буржуа колебания „влево“,—то после этой статьи уже не может быть места для подобных оценок. *Матьез определенно выявил себя врагом пролетарской революции.*

Не потому ли *теперь* А. Матьез подписывает документы „профессор Сорбонны“?

Статья во всяком случае заслуживает, чтобы на ней остановиться подробней.

До сих пор заслугой Матьеза было:

1. Более или менее близкое к марксистскому понимание истинной роли якобинской диктатуры.

2. Учет роли экономических явлений в ходе Великой французской революции.

3. Восстановление правильной оценки террора, как средства спасения завоеваний революции от контрреволюционных покушений, и разоблачение реакционных и либеральных сказок о „зверствах якобинцев“ и их „кровожадности“.

4. Раскрытие классовой сущности движения „бешеных“, крайне левого крыла революции

Именно эти заслуги побудили Академию Наук СССР избрать Матьеза своим членом—корреспондентом, а тов. Фридлянда говорить о нем, как о „наиболее крупном и наиболее близком к нам историке революции“ (предисловие к книге Матьеза „Как побеждала французская революция“).

Но мы видели—и тов. Фридлянд, Лукин и Моносов отмечали это,—что Матьез не был последовательным. В *основном* вопросе, в вопросе о *партийности науки*, он всегда стоял твердо на антимарксистских позициях, забывая, что тот, кто усиленно говорит о „беспристрастии“, о „беспартийности“ науки всегда прикрывает этими фразами ту пристрастность, ту партийность, которые он сам не желал бы афишировать. Однако, по отношению к СССР Матьез был лойялен, лойяльнее других буржуазных ученых, являясь одним из активнейших членов общества культурной связи с СССР во Франции—словом, всячески проявлял свои симпатии к стране пролетарской диктатуры. И это то заставляло историков-марксистов особенно внимательно, и даже больше того—доброжелательно относиться к Матьезу... Был даже допущен перегиб: на недостатки исторической концепции Матьеза, на его упорное, повторное отрицание того, что история есть политика *настоящего*, отображенная в прошлое, что *историк не может быть внепартийным*—обращалось недостаточно внимания ради того, что было ценного у этого попутчика марксистской историографии из среды мелкой буржуазии. То, что у Матьеза было непоследовательного—вскрывалось только попутно, в предисловиях и т. п., но специального анализа мелкобуржуазной, по своей природе, *концепции* Матьеза не давалось.

Теперь перед нами не Матьез „Борьбы с дороговизной" („La vie chere"), не Матьез—автор трехтомной защиты якобинской диктатуры, не Матьез—„террорист за работой", не Матьез—активный защитник СССР и пролетарской диктатуры, заставлявший яркостью своего языка, богатством красок, увлекательностью анализа забывать о его мелкобуржуазных установках. Перед нами уже не колеблющийся в сторону марксизма мелкий буржуа, а маститый профессор Сорбонны, забывший, как только ему буржазия доверила воспитание своего юношества, все чему он учил в своих работах. В статье, помещенной в мартовском-апрельском номере „Annales historiques", это лицо Матьеза, черты которого до сих пор скрывались в его научном облике, выступает во всем своем подлинном, неприкрашенном виде.

Происхождение статьи таково:

Некий казанский профессор Бушмакин написал статью о „9 термидоре в новой исторической литературе", где попытался исподтишка ударить по марксистской историографии Великой французской революции. В номере за сентябрь-октябрь 1930 года Матьез поместил эту статью с редакционным примечанием, где он повел прямую атаку на марсистскую историографию. Общество историков-марксистов, усматривая в такой „солидарности" Матьеза с Бушмакиным, скатывание первого к определенно реакционной концепции антимарксистских течений в исторической науке, направило Матьезу письмо, где потребовал:

„На вопросы ты простые
Дай ответы нам прямые"

И Матьез ответил . . .

Раньше всего — он подписал протест группы либеральных профессоров Франции против ареста Тарле, как известно, кандидата „промпартии" на пост министра иностранных дел в том несостоявшемся правительстве, какое должно было притти на смену советской власти после победы интервентов.

А затем—Матьез дал „идеологическое обоснование" и этому своему акту, и отношению к марксистской историографии, и помещению статьи Бушмакина.

Это даже не „идеологическое обоснование", а настоящий обвинительный акт против марксистской историографии, против большевизма, против власти советской.

Статья настолько четка, определенна, настолько откровенна, что она заслуживает быть перепечатанной полностью: в ней на конкретном примере глубокопартийной (но не пролетарской, а буржуазной) позиции Матьеза вскрыта та неразрывная связь „теории" с „практикой," „науки" с „политикой", от которой в свое время так старательно открещивался Матьез в своем стремлении обосновать свое нежелание стать на сторону пролетарской революции . . .

В самом деле—в чем первое обвинение Матьеза? —В том, что террор большевиков убил научную мысль, убил свободу науки. „Сильные своим официальным положением, московские профессора отказывают казанскому профессору в звании историка. Они обвиняют его в искажении работ г. Фридлянда под видом пересказа их и в том, что по „невежеству" и по глупости таким образом, он открыл фланг для „атак" какие я, по их словам, направляю против советских историков. Бедный Бушмакин! он и не думал, что ему выпадет

на долю наделать столько шуму. Это, видимо, очень покладистый человек, враг „дел," потому, что как только он узнал о шуме вокруг его злосчастной статьи, он немедля в течение одной недели, написал мне две открытки с просьбой не печатать новой статьи о корреспондентах Марата, которую он мне прислал. Я убежден, что он ничего не ответил на обвинения московских историков. Он ничего не ответил потому, что для того, чтобы отвечать, надо быть свободным, а в нынешней Росии террор больше, чем когда-либо в порядке дня. (Стр. 151 „Annales historiques" №44.)

Чрезвычайно вежливо сформулированный историками—марксистами протест против искажений, допущенных буржуазным историком Бушмакиным, Матьез понимает за „использование официального положения" московскими историками. Но это еще ничего. Он тут же говорит об общей политике террора, как именно о той причине, почему Бушмакиным нет хода в СССР. И это делает никто иной, как автор книги в который мы находим верное и для эпохи пролетарской революции, определение террора: „Террор был роковой необходимостью переживаемого момента и сами роялисты установили бы его против республики" (стр 91) «Революционеры, следовательно, убивали, чтоб не быть убитыми самим» . . . „Они действовали в условиях самообороны. Но они защищали не только свои идеи, свою личную неприкосновенность и свое имущество. Они защищали вместе с тем отечество" (стр. 92). Это, то, что Матьез пишет в III томе „Французской революции" в защиту террора как исторической необходимости в моменты обостренной классовой борьбы. Он здесь понимает—в пределах хотя бы своей мелкобуржуазной революционности—что посылка на гильотину очень умных, очень мирных и в общем „хороших" людей, но активных, непримиримых врагов революции, диктовалась задачей защиты завоеваний революции.

Но стоит мелкой буржуазии и буржуазии крупной броситься, под угрозой пролетарской революции, в об'ятия феодалов и денежной аристократии—и Матьез говорит уже с осуждением о терроре. Он уже говорит, что „в России Сталина нет больше места для независимой науки вообще" (стр. 156), потому что, видите ли, советская власть посадила Тарле и других историков, „которые делают честь русской науке", в тюрьму и держит их там, как активных контрреволюционеров, по году...

И М тьез готов уже доказывать с пеной у рта, что все вредители, все предатели, готовившие удар с помощью иностранной интервенции невинные, невинно преследуемые овечки. Тарле?—Да, тот Тарле, который в Октябре был откровенным врагом и доказывал, что большевики подражают „худшим традициям" якобинцев в своей книге о революционном трибунале, тот Тарле, который затем начал „приспособляться" к окружающей обстановке, что не помешало обладавших известным нюхом Рамзиным включить его в список „будущего" правительства—оказывается именно такой невинной овечкой. Матьез, видите ли, убежден, что Тарле и не знал о своей кандидатуре (стр. 155). Вся беда в историках-марксистах, которые хотят избавиться от такого „опасного" по своим научным качествам соперника, как Тарле и потому „доносит" на него, подготовляют материал дел обвинения, которого до сих пор не хватало государственному обвинителю Крыленко.

Матьез идет так далеко, что слово „историк" берет в кавычки, когда он пишет о т. Лукине и о других марксистах-историках. Вот эти-то историки, оказывается, просто „травят" Тарле, Любавского, Платонова и т. п. „цвет русской исторической науки". Сам Крыленко,—пишет Матьез,—не считал возможным или должным использовать министерскую кандидатуру Тарле. Вопрос об этом даже не стоял в ходе процесса. Имя Тарле не фигурировало в официальном обвинительном акте. Но Лукин—„историк" судит своего коллегу и его осуждает. Он доставляет материал для будущего процесса. Он указывает, за что следует обвинять".

Словом—т. Лукин превращается в защитительной речи Матьеза в гнуснейшего доносчика на товарища по работе... Матьез, который прекрасно сумел сорвать маску революционера не с тех, кто обвинял Дантона, а с тех, кто пошел с Дантоном во главе на гильотину и раскрыл облик Дантона, как предателя, Матьез, который понимал до сих пор, что одинаковая профессия „ученого" не есть еще почва для солидарности (иначе он и Олар, вместо непримиримой борьбы, вели бы самую закадычную дружбу)—этот самый Матьез считает достаточным для защиты Тарле указать, что у того есть ряд ценных работ... А какие? Разве Тарле не пытался свалить ответственность за мировую империалистическую бойню на Германию, забывая, что **подготовка войны активно велась не только Германией, но и Англией и Францией и Российской** Империей? Разве Тарле дал в своем труде о рабочем движении в „первые десятилетия машинного производства" во Франции действительно научную интерпретацию выкраденным им у Бурженов материалам по 1815—1840 годам?—Нет. Даже „Континентальная блокада"—лучшая работа Тарле—не удовлетворяет требованиям марксизма-ленинизма, следовательно—не удовлетворяет требованиям научного мышления. Не солидарность первоначально с „попутчиком" а затем—прямым врагом в классовой борьбе, и непримиримая борьба с ним—вот что вытекает из всей деятельности Тарле. Тов. Лукин же, видите ли, нарушает цеховую солидарность „ученых" этой почтенной корпорации, которой, де, не до „политики" не до „дел мирских", он, видите ли смеет поднять голос обвинения против человека, прикрывавшегося марксистской фразой, чтобы протаскивать в обстановке пролетарской диктатуры свой буржуазный теоретический (и потому уже практически-политический) багаж.

Матьез понимает, что эту нелепость раскрыть не трудно. И он пытается сыграть „на собственном благородстве". И—что греха таить—пользуясь допущенными нашей литературой перегибами в оценке его, почти как марсистского „историка", он пишет: „Лукин... сделал мне честь, направив атаки против Тарле также и по моему адресу. В н е з а п н о я(?) стал реакционным историком, мелкобуржуазного типа, который солидаризируется с антисоветским хором, возглавляемым политиками империалистических держав... Если бы это обвинение сделано было за пределами России (Матьез вообще не признает страны СССР; для него СССР только Россия и притом—о, какая „ирония"—Россия Сталина!) и перед аудиторией не „историков"-марксистов, можно было думать, что имеешь дело с клоунами, рассчитывающими на то, чтобы вызвать смех. Но как не принимать всерьез Лукина и друзей?—эти клоуны трагичны. Их слова убивают" (стр. 155-156).

Словом, у Матьеза полная переоценка ценностей. Раньше переписка и дружеская—с Лукиным, Фридляндом. Едва ли не готовность уехать в СССР от преследования буржуазии. Ибо только в СССР наука независима от страшнейшего тирана и диктатора капитала, заставляющего учителя школы восстанавливать старую сказку о „божественном творении“ мира в семь дней опровергнутую теорией Дарвина.

А теперь—историки-марксисты уже не историки. Они клоуны, трагические клоуны, ибо их слова убивают. СССР—страна дикого, неразумного террора, где нет места вообще для науки и т. д. и т. п.

Пусть огромный митинг Академии наук решительно заявил, что только в СССР достигает подлинного расцвета наука. Член-корреспондент Академии наук Матьез, став на эту дорожку, и здесь находит... проявление террора. Марр сказал на митинге, что „тот, кто не с революцией, тот против нее“?—Да разве «ученый» (конечно, типа Тарле, ставшего столь любезным Матьезу) сам, по доброй воле, может так «выражаться»?—Разумеется Марр испугался террора. А вот Ольденбург, снятый советской властью с поста непременного секретаря Академии наук. Он примерно то же говорит, что и Марр, он утверждает, что ученый обязан иметь твердую политическую линию. Ну, разве теперешнему Матьезу понять такую позицию „мягкого Сержа Ольденбурга“ (стр. 156)?—Он ведь должен ненавидеть советскую власть, и в его устах подобная фраза звучит неестественно.

А стало быть и здесь всеобъясняющий террор.

А марксизм?—Что это такое?—„Для меня марксизм—это метод исследования,—пишет Матьез (стр. 153).—Для вас же марксизм не только способ проверки фактов и текстов. Вы его смешиваете с советским коммунизмом, который вы прославляете. Сталин ваш бог, а вы его пророки“ (там же). Ну, не ясно ли, что Матьез и не может не стать в защиту „независимой науки, то-есть независящей от методологии. Он ведь научную методологию, марксизм, спутал со способом проверки фактов и текстов. И спутал сознательно для того, чтобы отказаться от марксизма, на словах его признавая. В этом—основное, главное объяснение всего выступления Матьеза. Матьез за „беспартийность“ для того, чтобы не подчинять себя методологии научного мышления революционного класса.

Мы не исчерпали всех цветочков, которыми обильно переплетен „венок“, ныне вместе со званием профессора Сорбонны окаймляющий голову покоренного и покорного Матьеза. Но тон статьи, ее установка—ясны Это явно антисоветская установка, явно буржуазный тон ученого филистера. Мелкий буржуа Матьез, ранее слегка качавшийся „влево“, выражавший свою мелкобуржуазную революционность в „почти марксистских“ толкованиях событий, окончательно перекочевал во враждебный лагерь.

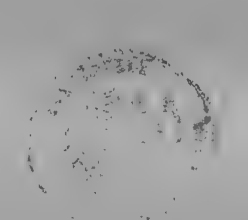
И его вина перед наукой тем больше, что это он сделал в ответственной исторической обстановке, обстановке обостряющейся до крайней степени классовой борьбы, в обстановке активной, лихорадочной подготовки наступления капиталистического мира на цитадель пролетарской революции, на „ударный отряд мирового пролетариата“ СССР. Матьез своей статьей в мартовском-апрельском номере «Annales historiques» льет воду на мельницу интервенции, присоединяет свой

голос к хору тех, кто натравливает сейчас капиталистические государства на вооруженное нападение на нас.

Этим решается окончательно наша оценка Матьеза.

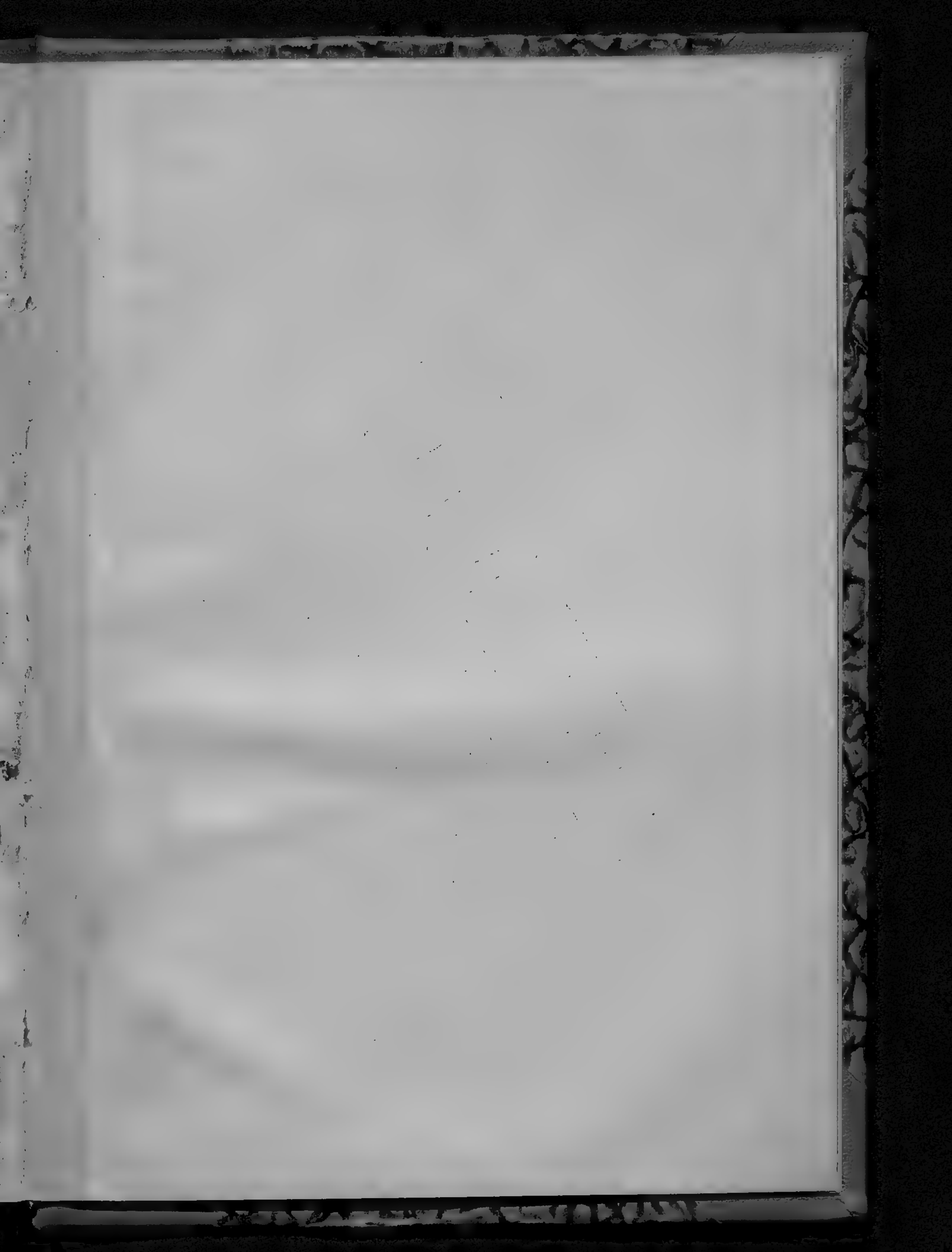
Теперь и для „Annales historiques“ очевидно наступает новая „эра“. Бушмакины и Тарле, как „представители русской науки“, в купэ и вместе с Матьезом, пойдут по стопам английских историков, займутся перетряхиванием архивной пыли, с целью отобрать кусочки исторических фактов, преимущественно те, которые не смогут выявить никакого обострения классовой борьбы. По последним номерам „Annales historiques“ это и видно. Их содержание—уже серее, бесцветнее, разведено либеральным сиропцем в гораздо большей мере, чем в недавнем прошлом.

В. ЯРОЦКИЙ

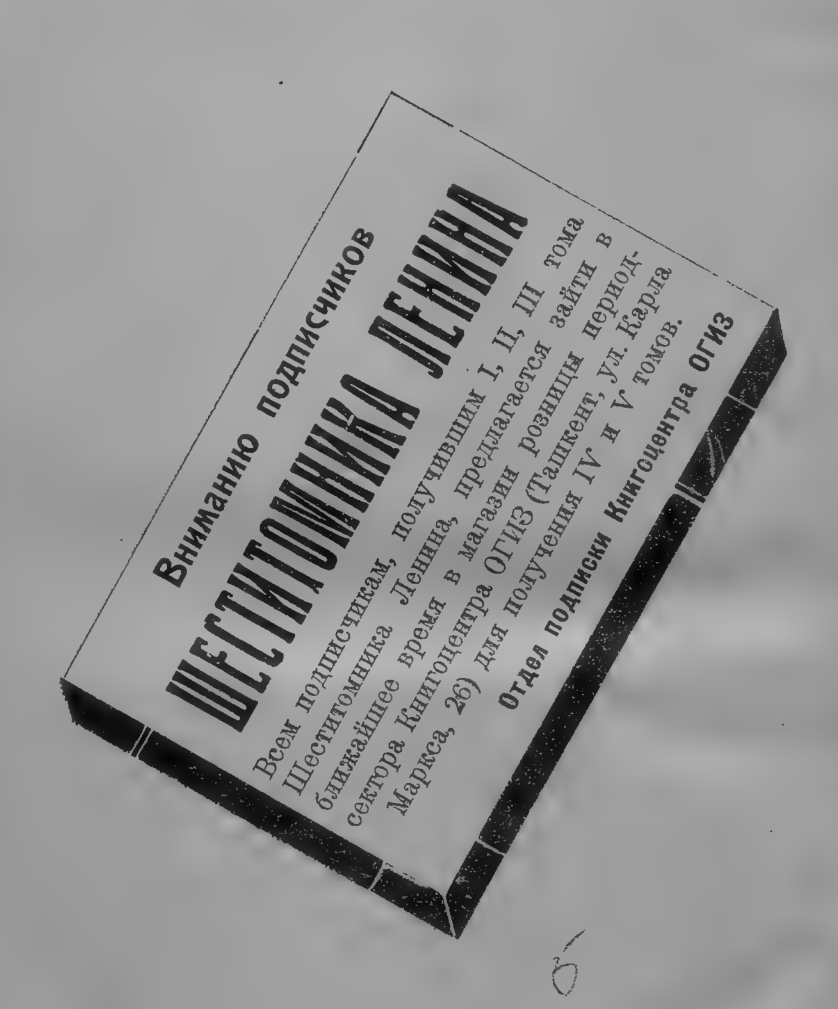

Тов. **Сахат-Мурадов** во время редактирования сборника находился вне Ташкента, поэтому сборник выходит под общей редакцией зам. редактора тов. **П. Галузо**.

СОДЕРЖАНИЕ

2 р. 75 к.

Вниманию подписчиков
ШЕСТИТОМНИКА ЛЕНИНА
Всем подписчикам, получившим I, II, III тома Шеститомника Ленина, предлагается зайти в ближайшее время в магазин розницы периодсектора Книгоцентра ОГИЗ (Ташкент, ул. Карла Маркса, 26) для получения IV и V томов.
Отдел подписки Книгоцентра ОГИЗ

